

СЛОВО

ГРАММАТИКА

РЕЧЬ

Выпуск XXIII

МОСКВА
2024

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет

---

*К 270-летию
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

**СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ**

ВЫПУСК XXIII

МОСКВА – 2024

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р
С48

<https://elibrary.ru/ciafix>

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Главный редактор:

Е. А. Илюшин – канд. филол. наук, ст. преподаватель

Редакционная коллегия:

Е. Л. Бархударова – д-р филол. наук, профессор;

А. В. Величко – д-р филол. наук, профессор;

О. К. Грекова – канд. филол. наук, доцент;

А. Е. Евграфова – канд. филол. наук, преподаватель;

Е. А. Илюшин – канд. филол. наук, ст. преподаватель;

Л. В. Красильникова – д-р пед. наук, доцент;

Ф. И. Панков – д-р филол. наук, профессор;

Е. В. Потемкина – канд. пед. наук, преподаватель;

О. М. Сергеева – канд. филол. наук, доцент;

Е. С. Серова – канд. филол. наук, преподаватель;

О. В. Чагина – канд. филол. наук, доцент

Рецензенты:

И.А. Старовойтова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для
иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Т.Е. Владимирова – д-р филол. наук, доцент, старший преподаватель
кафедры русского языка Института русского языка РУДН

С48 Слово. Грамматика. Речь : Сб. научно-методических статей по преподаванию РКИ / Гл. ред. Е. А. Илюшин; сост. Е.В. Потемкина. – Москва : МАКС Пресс, 2024. – 224 с. (Выпуск XXIII)

ISBN 978-5-317-07177-6

https://doi.org/10.29003/m4124.WGS_XXIII

Очередной, XXIII, выпуск сборника «Слово. Грамматика. Речь» посвящен вопросам, актуальным для теории и практики преподавания русского языка как иностранного. В статьях сборника рассматривается описание и представление различных аспектов грамматики и лексики в иностранной аудитории, методика преподавания РКИ, интерпретация художественного текста, вопросы лингвокультурологии и страноведения.

Сборник предназначен для филологов-русистов, российских и зарубежных студентов, аспирантов, преподавателей РКИ.

Ключевые слова: теория языка в аспекте преподавания русского языка как иностранного, межязыковые сопоставления, методика преподавания русского языка как иностранного, интерпретация художественного текста, коммуникативный анализ звучащей речи в аспекте преподавания РКИ.

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей

ISBN 978-5-317-07177-6

© Авторы статей, 2024

© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2024

ОТ РЕДАКЦИИ

В очередной выпуск сборника «Слово. Грамматика. Речь» вошли статьи преподавателей кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ, иностранных студентов, магистрантов и аспирантов, ранее обучавшихся или сейчас обучающихся на филологическом факультете, а также преподавателей других вузов.

В выпуске представлены традиционные рубрики «Описание русского языка в аспекте его преподавания в иностранной аудитории», «Интерпретация художественного текста», «Методика преподавания русского языка как иностранного», «Теория и практика межкультурной коммуникации и лингвокультурология», а также разделы, посвященные юбилеям Л.П. Юдиной и М.В. Всеволодовой. В статьях рассматриваются различные аспекты языкознания, литературоведения, страноведения в их связи с обучением русскому языку иностранных учащихся.

Среди статей сборника есть работа, посвященная концепции педагогической грамматики Федора Максимова (1723 г.). В ряде работ рассматриваются особенности обучения грамматике и лексике русского языка китайских студентов. Описываются особенности функционирования в русской лингвокультуре лексико-семантического поля «ум», «смех», «цветообозначение» («черный», «красный»), ЛСГ «группа»; ставится вопрос о языковой норме и её вариативности.

Кроме того, в сборнике представлены материалы, содержащие рекомендации по методике обучения иностранных учащихся использованию русских коммуникативных средств, текстоформирующих языковых средств, терминологической лексики подъязыка офтальмологии и обращений-антропонимов в устной речи.

В разделе «Интерпретация художественного текста» рассматриваются славянский фольклор и литература (образ Вия), русские народные сказки, рассказы «Державные братья» и «Красный архирей» Н. Толстикова и рассказ «Красное крещение» Н. Агафонова, текст современной русской рэп-песни («Колобок»).

В качестве авторов и соавторов статей сборника выступают иностранные преподаватели и студенты: Гун Мин (Китай), Вань Цзыи (Китай), Чжао Хао (Китай), Ганджибекова Г.С. (Таджикистан).

К 95-летнему юбилею Л.П. Юдиной

Величко Алла Васильевна

доктор филологических наук, профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова
all_velichko@mail.ru

Красильникова Лидия Васильевна

доктор педагогических наук,
доцент, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
likras@mail.ru

ВСЕГДА СРЕДИ ПЕРВЫХ! К 95-ЛЕТИЮ Л.П. ЮДИНОЙ

Статья посвящена Л.П. Юдиной, заслуженному преподавателю МГУ имени М.В. Ломоносова, которая 5 февраля 2024 года отметила 95-летний юбилей. Описывается профессиональная деятельность Лии Павловны и оценивается ее вклад в становление специальности «Русский язык как иностранный».

Ключевые слова: Л.П. Юдина, кафедра русского языка для иностранных учащихся, русский язык как иностранный, студенты-филологи, виды глаголов, глаголы движения.

DOI: 10.29003/m4125.WGS_XXIII/4-8

5 февраля 2024 года мы отметили славный юбилей нашей дорогой и уважаемой коллеги – Лии Павловны Юдиной.

Начало профессиональной деятельности Л.П. Юдиной (Яцковской) пришлось на период становления прикладной лингвистической дисциплины «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного». В 1952 г. Л.П. Юдина окончила филологический факультет МГУ, и ей была предложена должность преподавателя на только что открывшейся в университете и первой в Советском Союзе кафедре русского языка для иностранных учащихся. Вся жизнь Лии Павловны оказалась связана с филологическим факультетом и преподаванием русского языка как иностранного.

Появилось новое, еще не разработанное направление русистики, и поэтому практические занятия должны были непре-

менно поддерживаться научно-исследовательской работой. Преподаватели кафедры быстро поняли, что в иностранной аудитории нельзя использовать обычные школьные учебники и надо создавать новые учебные материалы, разрабатывать новые методики обучения русскому языку, новые лингвистические подходы к описанию русского языка. Так, в рамках РКИ стало создаваться функционально-семантическое, или функционально-коммуникативное, направление в лингвистике. Параллельно с преподаванием Л.П. Юдина занялась исследованием специфики русского языка, используя полученные разработки не только на занятиях с иностранными учащимися, но и при написании учебников, пособий и других учебных материалов. Лия Павловна одна из первых приняла участие в создании национально ориентированных учебных пособий, в частности для поляков и испанцев [Всеволодова, Юдина, 1963; Лобанова, Степанова, Юдина, 1973].

Любимой научно-методической темой Л.П. Юдиной стало функционирование глаголов движения в русской речи. Это одна из сложнейших для инофонов лексико-грамматических тем. Лия Павловна всесторонне и наиболее полно исследовала ее в аспекте РКИ, посвятив ей ряд пособий, в том числе написанных в соавторстве с Г.А. Битехтиной [Битехтина, Юдина, 2019; Юдина, 2014].

Другая, не менее важная, лингводидактическая тема, входящая в круг интересов Лии Павловны, – это виды глагола в русском языке, сложная тема, которая с трудом усваивается учащимися разных национальностей. Особенности употребления глаголов совершенного и несовершенного вида изложены ею в объемной главе в «Книге о грамматике», выдержавшей несколько изданий [«Книга о грамматике», 2004, 2004, 2018], а также в учебном пособии, которое Л.П. Юдина по просьбе издательства «Русский язык. Курсы» написала в 2021 году [Юдина, 2021]. Такому творческому долголетию можно только позавидовать.

Еще одно научно-методическое направление, которым всегда серьезно занималась Лия Павловна, – это работа с научным текстом на занятиях по языку специальности. Сегодня на занятиях с иностранными учащимися активно используются такие ее работы, написанные в соавторстве, как пособие «Русский

язык в текстах о филологии» [Величко, Юдина, 2023] и «Пособие по обучению монологической речи студентов-филологов» [Величко, Лебедева, Юдина, 1988]. Цель пособий – обучить иностранных студентов различным видам работы с текстом по специальности, то есть по филологии: составление разных видов плана, написание тезисов, аннотаций, рефератов, рецензий и т.д.

Необходимо вспомнить добрым словом и работу Л.П. Юдиной в качестве руководителя сектора иностранных студентов-филологов, она очень много сделала для повышения эффективности обучения инофонов. Ею были подготовлены учебные программы по русскому языку для студентов 1–5 курсов, содержание которых учитывалось при разработке более поздних программ [Программа, 2019]. Под ее руководством создавались типовые контрольные работы, а также зачетные и экзаменационные материалы.

Именно Лия Павловна составила текстотеку к разговорным темам для практического курса русского языка, которой пользовались все преподаватели сектора.

Лия Павловна – отзывчивый, любознательный, надежный и принципиальный человек. Она была наставницей многих молодых коллег на кафедре, постоянно помогала им освоить педагогическую деятельность в области РКИ, проводя занятия в Школе молодого преподавателя. Многие из ее иностранных студентов, вернувшись на родину после окончания учебы, стали преподавателями или исследователями русского языка. Они сохранили добрую память о Лии Павловне как о высокопрофессиональном специалисте в области преподавания РКИ, настоящем Учителе и прекрасном человеке.

Лия Павловна сумела передать любовь к филологии и членам своей семьи: ее дочь и одна из внучек также стали филологами: дочь работала учителем английского языка в школе, а внучка – Алина Сергеевна Бодрова – известный исследователь и преподаватель истории русской литературы.

Мы хотим выразить Лии Павловне Юдиной огромную благодарность за профессиональный труд на кафедре, за вклад в развитие нашей специальности и за ее человеческие качества!

Литература

- Битехтина Г.А., Юдина Л.П.* Глаголы движения: устные упражнения с комментариями: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. – 134 с.
- Величко А.В., Лебедева Н.В., Юдина Л.П.* Обучение монологической речи студентов-филологов: Пособие / Под ред. А.В. Величко. М.: Изд. Московского университета, 1988. – 154 с.
- Величко А.В., Юдина Л.П.* Русский язык в текстах о филологии. М.: Русский язык. Курсы, 4-е изд., 2023. – 256 с.
- Всеволодова М.В., Юдина Л.П.* Учебник русского языка для поляков (1-й год обучения). М.: Изд-во МГУ, 1963. – 400 с.
- Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного. *Величко А.В., Красильникова Л.В., Юдина Л.П.* и др. / Под ред. А.В. Величко. СПб: Златоуст, 2018. – 752 с.
- Книга о грамматике: Материалы к курсу «Русский язык как иностранный» *Величко А.В., Красильникова Л.В., Юдина Л.П.* / Под ред. А.В. Величко; М.: Изд. Московского университета, 2004. – 688 с.
- Книга о грамматике: Русский язык как иностранный: Учебное пособие/*Величко А.В., Красильникова Л.В., Юдина Л.П.*; Под ред. А.В. Величко. 2-е изд., испр. и доп., М.: Изд. Московского университета, 2004. – 816 с.
- Программа по русскому языку для иностранных студентов-филологов: Практический курс. *Величко А.В., Красильникова Л.В., Маркова В.А., Чаплыгина Т.Е., Юдина Л.П.* / Под ред. Л.В. Красильниковой, В.А. Марковой; 2-е изд.; М.: Перо, 2019. – 104 с.
- Юдина Л.П.* Виды глагола и их употребление. Комментарии. Упражнения: учебное пособие. М.: Русский язык. Курсы, 2021. – 160 с.
- Юдина Л.П.* Идти или ходить? Глаголы движения в речи. 3-е изд., доп. и перераб; М: Русский язык. Курсы, 2014. – 200 с.
- Lobanova L.A., Stepanova L.V., Yudina L.P.* Ejercicios practicos de lengua rusa para extranjeros. Barcelona Editorial Ariel. Esplugues de Llobregat. Barcelona, 1973. – 189 с.

Alla V. Velichko
Doctor of Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
all_velichko@mail.ru

Lidia V. Krasilnikova
Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Head of the Department,
Lomonosov Moscow State University
likras@mail.ru

L.P. YUDINA'S 95TH JUBILEE

This article is dedicated to L.P. Yudina, the Honored Lecturer at Lomonosov Moscow State University, who celebrated her 95th birthday on February 5th, 2024. The article describes her professional activities and evaluates her contribution to the formation of the specialty «Russian as a Foreign Language».

Keywords: L.P. Yudina, the Department of Russian Language for Foreign Students, Russian as a Foreign Language, philology students, verb aspects, the verbs of motion.

К 95-лeтнeму юбилeю М.В. Всeволoдoвoй

Вeличкo Аллa Вaсильeвнa

дoктoр филолoгичeских нaук, прoфeссoр

МГУ имени М.В. Лoмoнoсoвa

all_velichko@mail.ru

ВКЛАД М.В. ВСЕВОЛОДОВОЙ В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

В статье анализируется богатая и разнообразная преподавательская и исследовательская деятельность профессора М.В. Всеволодовой. Акцентируется чрезвычайно важная её роль в становлении и развитии дисциплины «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного». Речь идёт также о деятельности М.В. Всеволодовой как научного руководителя, подготовившей и воспитавшей значительное количество специалистов, которые трудятся в сфере РКИ и в России, и в других странах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, иностранные учащиеся, преподавание, исследование, научное руководство.

DOI: 10.29003/m4126.WGS_XXIII/9-14

Начало долгой и плодотворной научной и педагогической деятельности заслуженного профессора Майи Владимировны Всеволодовой пришлось на период становления дисциплины «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного», когда в 1951 году была создана первая в СССР кафедра русского языка для иностранных учащихся и юной выпускнице славянского отделения филологического факультета МГУ было предложено место преподавателя русского языка для поляков.

Таким образом, вся жизнь Майи Владимировны Всеволодовой связана с филологическим факультетом МГУ и с преподаванием русского языка как иностранного.

Процесс обучения иностранных учащихся практическому русскому языку очень быстро показал необходимость нового, особого подхода к изучению и описанию русского языка, кото-

рый ориентируется на практические цели, и это новое направление русистики связано именно с именем и трудами Майи Владимировны. Была выработана особая модель – лингводидактической, или прикладной, педагогической грамматики, которая ставит целью обучение русской речи, речевому общению. Так сложилась функционально-коммуникативная по своей лингвистической сути грамматика РКИ.

Деятельность М.В. Всеволодовой была чрезвычайно многообразной, многогранной, что в совокупности отражает специфику этой дисциплины.

Майя Владимировна преподавала русский язык иностранным учащимся, которые обучались на разных факультетах МГУ, поэтому в разных странах много ее учеников, которые благодаря ей овладели практическим русским языком и смогли стать специалистами в той области, которую выбрали.

С самого начала работы на кафедре Майя Владимировна не только преподавала русский язык учащимся из зарубежных стран, но и обобщала накопленный опыт. Параллельно с преподавательской деятельностью она теоретически исследовала специфику русского языка и излагала результаты этих исследований в своих выступлениях на конференциях, симпозиумах, в которых регулярно участвовала, а также в пособиях, статьях, книгах. С этой сферой русистики связаны две ее диссертации – кандидатская (1966 г.) и докторская (1983 г.). Ее перу принадлежит свыше 300 научных работ разных жанров: учебные материалы, пособия, статьи, программы, справочники, учебники, монографии. В основном она занималась грамматикой, синтаксисом. Вот некоторые из разрабатываемых ею тем: причинно-следственные отношения в современном русском языке, способы выражения пространственных и временных отношений в современном русском языке, употребление полных и кратких прилагательных. Работы Майи Всеволодовой посвящены темам, проблемам, которые отражают специфику грамматики русского языка и в то же время вызывают трудности у иностранных учащихся при овладении практическим русским языком. Ряд работ М.В. Всеволодовой сопоставительного характера адресованы учащимся – носителям других языков, например, польского, корейского, китайского (см. [Всеволодова, Юдина. 1963]).

Среди соавторов Майи Владимировны – Т.А. Яценко, Е.Ю. Владимирский, Г.Б. Потапова, Л. Спиридонова, Л.П. Юдина и др. Написание работ в соавторстве обусловлено следующим. Майя Владимировна четко понимала, что это новая, специфическая, недостаточно разработанная, еще не сложившаяся учебная дисциплина, и, следовательно, требуются квалифицированные преподаватели и исследователи, которых в то время было еще мало. Поэтому она постоянно была научным руководителем русских студентов, аспирантов при написании дипломных работ, а также кандидатских и докторских диссертаций. Её ученики, воспитанники стали потом преподавать русский язык иностранным учащимся, стали работать в этом направлении, в этой сфере – преподавательской и исследовательской. Среди ее учеников доктора филологических наук, 44 кандидата филологических наук и множество дипломников. Это способствовало тому, чтобы эта дисциплина сложилась, оформилась и продолжала развиваться. Её ученики работают и на кафедрах филологического факультета. Назову только некоторых: О. Дементьева, О. Андриенко, Е. Виноградова, В. Кузьменкова, В. Красных, Д. Гудков. В этой связи интересно отметить, что профессор Ф.И. Панков, ее ученик, воспитал своих учеников – он подготовил шесть кандидатов филологических наук. На нашей кафедре работают А. Евграфова, Е. Патаракина.

Майя Владимировна была научным руководителем и иностранных студентов, аспирантов, то есть подготовила иностранных специалистов, которые стали преподавателями и исследователями русского языка в разных странах, и это способствовало распространению русского языка в мире. Назовем для примера несколько работ, написанных иностранными специалистами под руководством или в соавторстве с М.В. Всеволодовой.

В 2002 году в МГУ была защищена кандидатская диссертация исследователя из Южной Кореи Ким Тэ Чжин «Употребление форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка)». Затем основное содержание этой диссертации было представлено в работе Всеволодовой и Ким Тэ Чжин

под названием «Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка): фрагмент функционально-коммуникативной прикладной грамматики».

Назовем также книги и работы, написанные профессором М.В. Всеволодовой и ее учениками, в которых представлено содержание их кандидатских диссертаций:

М.В. Всеволодова, Го Шуфень «Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка)», Москва: АЦФИ 1999. 160 с.

М.В. Всеволодова, Лим Су Ён «Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки», Москва: МАКС Пресс, 2002. 164 с.

Публикуя эти работы своих учеников здесь, в России, Майя Владимировна, во-первых, оценивала и поддерживала деятельность молодых, начинающих специалистов. Во-вторых, она способствовала продвижению, распространению интереса к русскому языку и его изучению в других странах. В-третьих, способствовала развитию теории и практики преподавания русского языка в других странах.

Отметим в этой связи, что затем, по ее инициативе и при ее непосредственном участии, было вновь открыто и стало активно функционировать Отделение РКИ для русских студентов, которые хотят получить специализацию «преподаватель русского языка как иностранного». Майя Владимировна читала здесь лекции. Она же написала для этих студентов учебник «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса (2000 г). К этому учебнику совместно с Ф.И. Панковым был подготовлен «Практикум. Рабочая тетрадь».

Отметим также, что М.В. Всеволодова обобщала то, что уже написано, считала необходимым объединить, собрать все работы, посвященные теории и практике преподавания русского языка как иностранного. Именно поэтому она вместе с Ф.И. Панковым подготовила «Информационно-аналитический

обзор», в котором представлены все работы по РКИ, созданные за все десятилетия существования этой дисциплины.

Подводя итог сказанному, хочется подчеркнуть, что для М.В. Всеволодовой наука – это наслаждение, и она дарит радость научных открытий своим ученикам и последователям. Жизнь и деятельность Майи Владимировны Всеволодовой – это пример человеческого мужества и интеллектуального долголетия.

Литература

Белошапкина В.А. Современный русский язык. М., Высшая школа, 1981. – 545 с.

Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М. Высшая школа, 1977. – 223 с.

Маркова В.А. Выражение обстоятельственных отношений в русском языке: Причина, следствие, цель, условие, усупка, время, М. МАКС Пресс, 2016.

Всеволодова М.В., Потапова Г.Б. Способы выражения временных отношений в современном русском языке» 1975. – 282 с.

Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке, 1982. – 2662 с.

Всеволодова М.В., Спиридонова Л. Употребление полных и кратких прилагательных, 1968. – 64 с.

Всеволодова М.В., Яценко Т.А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке, 1988. – 207 с.

Всеволодова М.В., Юдина Л.П. «Учебник русского языка для поляков» 1963 г. – 399 с.

Книга о грамматике / Под ред. А.В. Величко, СПб «Златоуст». 2018. Глава 18. – 253 с.

Краткая русская грамматика. Временные отношения в сложном предложении. – 554 с.

Всеволодова М.В., Паришкова З.Г., Потапова Г.Б., Чуканова А.И. Способы выражения обстоятельственных отношений (Пространство, время, причина) Сборник упражнений Редактор М.В. Всеволодова. Изд-во Московского ун-та, 1973. – С. 53–101.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Учебник, 2000. Раздел «Предметный указатель», «Время».

Одинцова И.В., Малашенко, Бархударова Е.Л. Русская грамматика в упражнениях. Рабочая тетрадь с комментариями М., Русский язык. Курсы.

Русская грамматика / Под ред Н.Ю. Шведовой, том 2. – С. 541–562; С. 2952 – 2998.

Шувалова С.А. Смысловые отношения в сложном предложении и способы их выражения Изд-во Московск. Ун-та, 1990. – 45 с.

Alla V. Velichko

Doctor of Philology, Professor

Department of Russian language for foreign students

Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

all_velichko@mail.ru

CONTRIBUTION OF M.V. VSEVOLODOVA IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE DISCIPLINE “THEORY AND PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE”

The article analyzes the rich and varied teaching and research activities of Professor M.V. Vsevolodova. The article focuses on her extremely important role in the formation and development of the discipline “Theory and practice of teaching Russian as a foreign language”. We are also talking about the activities of M.V. Vsevolodova as a scientific supervisor, who has trained and educated a significant number of specialists who work in the field of RCT both in Russia and in other countries.

Key words: Russian as a foreign language, foreign students, teaching, research, scientific leadership.

Красильникова Лидия Васильевна

доктор педагогических наук,
доцент, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова
likras@mail.ru

М.В. ВСЕВОЛОДОВА КАК СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬ

Статья посвящена памяти М.В. Всеволодовой (1928–2020) как ученого, который не знал интеллектуальной стагнации, который своей кипучей энергией подталкивал коллег к научному поиску, к творчеству в области лингвистики, написанию научных и учебно-методических работ.

Ключевые слова: М.В. Всеволодова, к 95-летию со дня рождения, русский язык как иностранный, ученый-лингвист, словообразование, функционально-коммуникативный.

DOI: 10.29003/m4127.WGS_XXIII/15-22

Хочу выразить благодарность Майе Владимировне за широту ее интересов в области лингвистики, лингвистическую универсальность и научную смелость.

М.В. Всеволодова определяет преподавание русского языка инофонам как «прикладное по своей предназначенности, но фундаментальное по своим основам направление функционально-коммуникативной грамматики» [Всеволодова 2001: 181–182]. Этот подход лежит в основе понимания и функционального словообразования – «это практическое руководство в процессе активной речевой деятельности, в связи с чем выявился целый ряд проблем, бывших для традиционной грамматики глубоко периферийными» [там же].

У М.В. Всеволодовой немного работ, посвященных собственно словообразованию. Главной линией рассмотрения языковых средств русского языка в работах Майи Владимировны выступает их функционирование в синтаксических структурах предложения / высказывания, т.е. собственно функционально-коммуникативный синтаксис. Это значит, что во всех ее работах можно увидеть словообразовательный аспект, который касается функционирования производного слова в синтаксической структуре. Это объясняется тем, что исследователя интересовал сам механизм включения производных слов в речевые построения,

поэтому, по сути, во всех работах описываются производные слова как лексические единицы, функционирующие в определённых грамматических формах в синтаксических построениях, активно участвующие в синтаксических трансформациях.

Ученики Майи Владимировны показывают в своих работах тесную связь словообразования и синтаксиса. Так, Ирина Анатольевна Антонова в своей кандидатской диссертации, описывая парадигмы простых предложений эмоционального содержания, отмечает разные роли однокоренных слов, принадлежащих к разным частям речи, в структуре предложения: «В парадигме предложений ЭСод: Он скучает / Ему скучно; Он злился на свою сестру / Он был зол на свою сестру / Он был в злобе и досаде на свою сестру / У него злоба на сестру / Сестра злила его, – меняется перспектива сообщения (он / сестра) или информация о субъекте (ему скучно, он был зол / был в злобе / у него злоба / скука). Использование наречия, прилагательного и существительного в качестве предиката подчеркивает чувство, состояние, которое испытывает субъект, а глагол скорее имеет отношение к действию / не-действию: он злился и не разговаривал, скучает и ничего не делает / не хочет делать. Использование разных моделей предложений парадигмы ЭСод имеет функциональную мотивированность. Предложения этой парадигмы предназначены для реализации различных коммуникативных установок» [Антонова 2014:16]. Структуры предложения во многом определяются однокоренными словами, находящимися в типизированных отношениях словообразовательной производности: *скучать* – *скука* – *скучный* / *скучно* – *скучно*; *зло* – *злой* – *злить* – *злиться*; *злой* – *злоба*.

В теории функционально-коммуникативного синтаксиса объединение языковых средств разных уровней происходит в рамках понятия функционально-семантического поля (ФСП), которое для русского языка было предложено и разработано А.В. Бондарко. Оно опирается на идею о том, что в основе способности человека с помощью языкового сознания отображать наиболее существенные понятия (смыслы) внеязыковой действительности лежат понятийные категории, которые обычно «понимаются как универсальные, свойственные всем или большинству языков мира» [ЛЭС 1990: 385]. ФСП формируются на

базе выделяемых понятийных категорий. Ученый подчеркивает, что «ФСП – это базирующиеся на определенной семантической категории группировки грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 1987: 11].

Изучение системы значений и средств их выражения в рамках ФСП в аспекте РКИ предложено М.В. Всеволодовой и продолжено ее учениками, например, ФСП количественности, каузальности, темпоральности, локативности. Деривационные средства занимают свои места в соответствующих ФСП, они выступают в качестве синонимов средств других языковых уровней (ср., значение посессивности: *наш дом, генеральская шинель, шинель генерала* и др.; значение причины: *из-за наводнения; вследствие недоказуемости, в результате ухудшения* и др.) или реже как типичные и единственные средства, например, прилагательные-дериваты, ориентирующие временной отрезок относительно момента речи в рамках ФСП темпоральности: *вчерашний, завтрашний, позавчерашний, послезавтрашний, прошлогодний, позапрошлогодний* и др. [Всеволодова 2000: 83], производные (или членимые) существительные в рамках ФСП локативных отношений: *стрельбище, лежбище, кладбище, стойбище; пожарище, городище; библиотека, дискотека, игротека, картотека, аптека; аэродром, космодром, автодром* [там же: 18]. В основе как ФСП, так и словообразовательных категорий лежат смыслы, отражающие видение человеком (через национальное сознание) внеязыковой действительности.

Соединение всех языковых средств вокруг определенного языкового концепта позволяет собрать функционально-семантическое поле, например поле локативности. В выражении пространственных отношений в русском языке участвуют следующие средства:

1) лексические, в том числе:

а) *специальные имена, обслуживающие это значение, – пространство, место, сторона, край, окраина, центр, середина и др.;*

б) *названия пространственных параметров – длина, ширина, высота и др.;*

в) названия пространственных единиц измерения – *аршин, метр, гектар* и др;

г) локативные предикаты – *находиться, располагаться, размещаться* и др.;

д) прилагательные – *лесной, речной, настольный* и др. производные слова;

2) грамматико-лексические:

а) локативные наречия – *здесь, там, близко* и др.;

б) падежные и предложно-падежные формы существительного — *в доме, за домом – перед домом*;

в) морфологические средства – П.п. с окончанием *-у* – *в лесу, на мосту*.

3) словообразовательные: *стрельбище, стойбище, библиотека, аэродром, космодром*.

4) синтаксические:

а) бытийные предложения – *На столе книга; В лесу есть змеи*;

б) локативно-предикатные предложения – *Книга – на столе; Отец – дома* [там же].

Как хорошо видно, словообразовательные средства, производные слова занимают свое определенное место в ряду языковых средств, выражающих определенные понятийные категории.

Концепция ФКС базируется на организующей роли синтаксиса, поэтому основной единицей в описании является предложение: по отношению к предложению классифицируются лексемы и синтаксемы, текст рассматривается как результат соединения предложений.

При этом словообразование М.В. Всеволодова относит к лексике. Майя Владимировна отмечает, что в рамках функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка следует выделять в языке четыре уровня: 1) содержательный, 2) формальный, 3) коммуникативный, 4) уровень языковых механизмов. При этом «каждый из уровней, как представляется, имеет свои подуровни, свою структуру и свои средства выражения. Между уровнями нет жестких границ, зоны пересечения очень обширны» [Всеволодова 2007: 34].

М.В. Всеволодова подчеркивает, что «уровень формальных, или грамматических, средств обеспечивает как функционирование лексики в речевых построениях (лексика вне грамматики не функционирует), так и с не меньшей силой, нежели в лексике и фразеологии, выражение языковой картины мира и концептосферы носителей данного языка. Он включает традиционно выделяемые в наших языках подуровни: фонетику, морфологию, синтаксис. Словообразование мы относим не к морфологии, а к лексике» [там же].

Нам ближе точка зрения, где словообразование рассматривается как отдельный подуровень, так как словообразование отличается большим количеством и своеобразием функций по сравнению с лексикой. Реализация внутрисистемной функции словообразования – собственно деривационной – «обуславливается своеобразием «заявки», идущей от лексикона, которая задаётся потребностями синтаксического уровня языковой системы» [Резанова 1996: 4]. Обе языковые (речевые) задачи производного слова – заполнить лексическую лакуну или закрыть определённую синтаксическую позицию – объединяются общей коммуникативной функцией.

Представление русского словообразования в целях преподавания РКИ постоянно выявляет тесные связи производных слов с фонетикой, морфемикой, лексикой, грамматикой, морфологией, морфонологией, синтаксисом, стилистикой, лингвистикой текста, что позволяет представить динамическую модель функционирования языка в целом. Словообразовательный механизм работает на создание речевых единиц: предложение / высказывание и текст.

В аспекте РКИ М.В. Всеволодова определяет «следующие сферы и типы использования словообразовательных операций в процессе обучения русскому языку инофонов.

1.1. При рецепции текста (чтение, слушание) – анализ незнакомого слова с известной корневой морфемой.

1.2. При продуцировании текста (говорение, письмо) – синтез, т. е. образование слов для обеспечения:

а) синтаксических трансформаций: Мальчик бегло читает.
– У мальчика беглое чтение / беглость в чтении;

б) компрессии средств выражения: тот, кто живет в Москве – житель Москвы – москвич, сделать лучше – улучшить;

в) употребления описательных предикатов Они много лет дружили. – Их связывала многолетняя дружба; работать – вести работу, быть скромным – отличаться скромностью;

г) выражения модусных смыслов; оценок: дом – домишко – домина; степени признака: синий – синеватый – синющий; новый – новенький;

д) разного рода модификаций; пол: ученик – ученица; единичность / множественность (собирательность): картофель – картофелина, ворона – воронье; невзрослость: кот – котенок. И др.» [Всеволодова, Красильникова 2007: 314–315].

Отметим своеобразный подход Майи Владимировны по отнесению словообразовательных моделей к синтаксической или лексической деривации (термины Е. Куриловича). В основе распределения словообразовательных моделей лежит соотношение между производным и производящим с точки зрения принадлежности к определенной части речи и лексического содержания. К синтаксическим дериватам относятся производные, отличающиеся по своей частеречной принадлежности внутри одного и того же лексического значения, в то время как лексическая деривация предполагает значительные семантические изменения производного по отношению к производящему. При лексической деривации производное может как относиться к той же части речи, что и производящее, так и принадлежать к другой части речи.

М.В. Всеволодова по-другому трактует понятия синтаксической и лексической деривации. К синтаксической деривации исследователь относит все случаи перехода производного в другую часть речи по сравнению с производящим: собственно дериваты-транспозиты (*читать* – *чтение*) и случаи, относящиеся к мутации (по Милошу Докулилу), т.е. со значительными сдвигами в лексическом значении (*учить* – *учитель*). К лексической деривации, по Всеволодовой, относятся случаи, когда производящее и производное относятся к одной и той же части речи. При этом обычным является семантическое осложнение производного. К лексической деривации Майя Владимировна относит

модификационные и мутационные модели [Всеволодова, Красильникова 2007: 316–320].

В этой трактовке двух типов деривации для М.В. Всеволодовой оказывается важным выполнение разных синтаксических функций производящим и производным при синтаксической деривации, что влияет на возможности производства речи, и принадлежность к одной части речи производящего и производного для лексической деривации.

Еще одним из объектов научно-методических интересов М.В. Всеволодовой выступают приставочные глаголы движения. В книге «Система русских приставочных глаголов движения в зеркале персидского языка» представлено цельное и подробное описание значений приставок, которые присоединяются к глаголам движения [Всеволодова, Мадаени: 2019].

Литература

Антонова И.А. Лингводидактическое описание парадигмы простых предложений эмоционального содержания в целях преподавания русского языка как иностранного: канд... дис. 2014. – С. 191.

Бондарко А.В., Шелякин М.А., Храковский В.С. и др. Теория функциональной грамматики / А.В. Бондарко (отв. ред.); АН СССР, Ин-т языкознания. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние. 1987. – 347с.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели. 2000. М: МГУ. – 501 с.

Всеволодова М.В. Словообразование, лексика, синтаксис // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001 г.): Труды и материалы, 2001. М: Издательство Московского университета. 2001. – 518 с.

Всеволодова М.В. Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории» (К вопросу о структуре содержательного пространства языка) // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 15 / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. – Донецьк: ДонНУ. 2007. – С. 34–43.

Всеволодова М.В., Красильникова Л.В. Функциональное словообразование (программа) // Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка. 2 изд. 2007. М: МАКС Пресс. – 418 с.

Всеволодова М.В., Мадаени Али А. Система русских приставочных глаголов движения в зеркале персидского языка. Изд. 3-е, стереотип М.: ЛЕНАНД. 2019. – 144 с.

Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая к теории частей речи (1936) // Очерки по лингвистике. Биробиджан: ИП «ТРИВИУМ». 2000. – с. 57-70.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР; Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл. 1990. – 682 с.

Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во ТГУ. 1996. – 218 с.

Lidiya V. Krasilnikova

Doctor of Pedagogical Sciences,

Associate Professor, Head of the Department,

Lomonosov Moscow State University

likras@mail.ru

M.V. VSEVOLODOVA AS A DERIVATOLOGIST

This article is dedicated to the memory of M.V. Vsevolodova (1928-2020) as a scientist who did not know intellectual stagnation, who with his ebullient energy pushed colleagues to scientific research, to creativity in the field of linguistics, writing scientific and educational works.

Keywords: M.V. Vsevolodova, 95th birthday, Russian as a foreign language, linguist scientist, word formation, functional and communicative

Описание русского языка в аспекте его преподавания в иностранной аудитории

Веретнинова Мария Михайловна

кандидат педагогических наук,

старший преподаватель кафедры русского языка

для иностранных учащихся

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, Москва

marwer1@yandex.ru

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПОДЪЯЗЫКА ОФТАЛЬМОЛОГИИ)

В статье рассматриваются особенности современной медицинской терминологии, включающей в себя значительную долю общих по языковому происхождению лексических и словообразовательных единиц, анализируются способы терминообразования, делается акцент на специфике и различной этимологии, которую имеют медицинские термины, предлагаются материалы «Потенциального терминологического минимума подъязыка офтальмологии».

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, медицинская терминология, терминология подъязыка офтальмологии, медико-биологический профиль, лексический минимум, профессиональный модуль.

DOI: 10.29003/m4128.WGS_XXIII/23-29

Подготовка китайских учащихся медицинского профиля представляет собой важное направление работы российских вузов.

При обучении языку специальности особенно важно знание терминологии, поскольку основным, определяющим компонентом профессионально-языковой компетентности является, по словам О.С. Ахмановой, «владение термином как особой языковой единицей, обусловленной как системой понятий данной области знаний, так и системой языка» (см. [Ахманова 1969]).

В настоящее время в теоретическом и практическом разделах современной медицины изучение медицинской терминологической лексики является одной из актуальных научно-методических задач.

Медицинская терминология включается в программу обучения иностранцев уже на начальном этапе. Русский язык используется для знакомства с будущей профессией. Сложность представляет не только сам процесс изучения новых слов, но и понимание понятий, которые они обозначают.

Трудности, возникающие в процессе изучения терминологии, имеют, как правило, семантический характер. Китайские учащиеся не представляют конкретного содержания русских терминов. В основе этого явления лежит тот факт, что в терминологии любой из частных медицинских дисциплин присутствуют функциональные компоненты: узкоспециальная медицинская лексика; профессиональная медицинская лексика, к которой относятся термины, функционирующие в нескольких медицинских дисциплинах; общемедицинская лексика, т.е. термины, обозначающие понятия, общие для всех медицинских дисциплин.

Каждая терминология имеет свои концептуальные особенности и специфические языковые особенности на морфологическом, словообразовательном, лексическом, семантическом и синтаксическом уровнях. Изучение процессов, имевших место и происходящих в медицинской терминологической системе, является очень важным, поскольку термины должны обязательно соотноситься с обозначаемыми ими понятиями.

Развитие многих современных научных направлений требует совершенствования понятийного аппарата научных дисциплин, что резко увеличивает профессиональную потребность в номинации. В языке медицины это приводит к возникновению новых терминов и целых терминологических систем.

В терминопле медицины можно выделить собственно медицинские термины, а также термины других наук: названия лекарственных средств (химия, фармакология и др.), медицинских приборов (физика, электроника и др.), безвредных микроорганизмов (микробиология, паразитология и др.), анатомических органов и их функций (физиология и др.).

Медицинские термины включают в себя значительную долю общих по языковому происхождению лексических и словообразовательных единиц. Это объясняется огромным влиянием, которое оказывали на медицинскую терминологию латинский и древнегреческий языки.

В отечественной медицинской терминологии выделяют истонно русские наименования (*бедро, воспа (оспа)*), а также интернационализмы греческого или латинского происхождения, которые могут иметь и свои русские эквиваленты (*паротит — свинка, систола — сокращение, трансплантация — пересадка* и пр.).

Значительную часть медицинской терминологии составляют сложные слова, которые выражены терминоэлементами. Под терминоэлементами в данном случае понимается основа, на базе которой воссоздаются новые термины.

Терминоэлементы позволяют образовывать однотипные термины, построенные по одной и той же словообразовательной модели. Самую распространенную модель можно представить так: первый элемент обозначает клетку, ткань, орган или систему организма; второй обозначает либо характер болезненного состояния (болезнь, патологический процесс), либо вид оперативного вмешательства, способ обследования или лечения, либо тип прибора, технического устройства. Звуковой комплекс термина может состоять из одного слова или словосочетания. Термин в виде словосочетания составляет определяемое слово (имя существительное) и определяющие его слова (имя существительное в родительном падеже или имя прилагательное, либо то и другое вместе (*врожденная аномалия пищеварительного тракта*)). В медицинской терминологической лексике широко представлены слова, которые содержат несколько терминоэлементов, например *полифибромиозит, гастроэнтероколит* и др.

Каждый термин представляет собой элемент определенной микротерминсистемы (анатомической, терапевтической, эндокринологической, офтальмологической).

В настоящее время офтальмология является одной из ведущих медицинских дисциплин, занимающихся здоровьем.

Офтальмология (от др.-греч. *ὀφθαλμός* «глаз» + *λόγος* «учение») — раздел медицины, который занимается изучением строения, функций и заболеваний глаз.

Терминология подъязыка офтальмологии играет важную роль в медицинской терминологии.

В процессе своей профессиональной деятельности будущие офтальмологи должны хорошо владеть офтальмологической терминологией, правильно диагностировать и лечить различные заболевания органов зрительной системы, а также давать пациентам профессиональные консультации.

Офтальмологические термины делятся на *однокомпонентные* и *многокомпонентные*. Однокомпонентные термины состоят из одного слова и являются терминологическими единицами. Многокомпонентный термин относится к полилексемной комбинации терминов с двумя или более независимо сформированными полноценными компонентами. Эти термины делятся на две категории: а) термины, выраженные существительными (*бельмо, блефарит, визометрия, витрэктомия* и т.д.); б) термины, выраженные прилагательными (*бинокулярное зрение, деструкция стекловидного тела, интракапсулярная экстракция катаракты, периферическое зрение* и др.).

Терминосистеме «Офтальмология» характерна открытость, так как она имеет способность к постоянному пополнению новыми понятиями и новыми терминами для их обозначения, многие термины при этом заимствованы из других медицинских терминосистем.

Для этой терминосистемы характерна синонимия (*синдром «сухого глаза» = сухой кератоконъюнктивит*), которую исследователи определяют как отрицательное явление. Синонимы занимают примерно 30% всей терминологической лексики, например, *липидный нефроз = болезни малых отростков подоцитов*.

Необходимо отметить, что такие термины вызывают у студентов, не владеющих, например, европейскими языками, особые трудности при изучении русского языка, так как в восприятии иностранцев синонимы — абсолютно разные слова. Для китайских учащихся этот материал представляет трудности, так как данное языковое явление не характерно для китайской терминосистемы, в которой вся терминологическая лексика — это китайские лексемы, хотя также могут встречаться иностранные

слова, но оформляются они фонетическими средствами китайского языка.

В настоящее время актуальной задачей методики преподавания русского языка как иностранного является разработка лексических минимумов для модулей по специальностям.

Современная методика преподавания русского языка как иностранного ориентирована на достижение учащимися того или иного уровня владения языком. Поэтому любой языковой материал, предлагаемый в иностранной аудитории, должен найти свое место в лингводидактических описаниях уровней, а те или иные лексические единицы (в нашем случае офтальмологическая лексика) должны быть включены в словник лексического минимума определенного уровня сформированности коммуникативной компетенции.

Самым точным дидактическим инструментом, позволяющим определять уровень профессионально-коммуникативной компетенции иностранных учащихся, являются профессиональные модули, которые были разработаны в рамках тестовых заданий по РКИ.

Профессиональный модуль «Медицина. Биология» (2001 г.) был создан на кафедре русского языка медицинского факультета РУДН. Стратегии измерения компетентности в основных видах речевой деятельности, которые предлагаются авторами этого модуля, в течение многих лет используются при проведении итоговой аттестации иностранных студентов-медиков. Данный программный модуль представляет собой методический документ, адресатом которого являются преподаватели, обучающие русскому языку студентов-медиков с учетом их профессиональной направленности (медико-биологические науки).

С целью определения роли и места медицинской терминологической лексики подязыка офтальмологии нами был проведен аналитический обзор поуровневых терминологических минимумов Российской государственной системы сертификационного тестирования. На основе «Энциклопедического словаря медицинских терминов» В.И. Покровского (2005), «Нового русско-китайского медицинского словаря» и ряда других изданий, посвященных проблемам офтальмологии, нами был сформиро-

ван «Потенциальный терминологический минимум подъязыка «Офтальмологии», который был переведен на китайский язык. Он насчитывает более 230 лексем и состоит из одного раздела – термины, относящиеся к дисциплине «Офтальмология». Например, *демодекозный блефарит* – воспаление краев век в результате поражения клещом Демодексом (蠕形螨性睑缘炎 - 由于受到蠕形螨的影响而导致眼睑边缘发炎); *корэктопия зрачка* – нарушение расположения (смещение) зрачка (直视是对瞳孔位置(位移)的侵犯); *меланоз склеры* – состояние, при котором на склере образуются темные пятна (результат образования в большом количестве пигментных клеток – меланоцитов) (巩膜黑变病是一种在巩膜上形成黑斑的病症(大量色素细胞 - 黑色素细胞形成的结果)); *миопия (близорукость)* – патология зрения, когда пациент хорошо видит близко расположенные предметы и плохо – далеко расположенные (近视(近视)是一种视力病理, 当患者看到近处的物体和远处的物体时); *оптотипы Поляка* – таблицы для определения остроты зрения меньше 0,1 (Polyak的视标是用于确定小于0.1的视力的表).

Необходимо отметить, что в Профессиональный модуль «Медицина. Биология» (2001 г.) не включены анализируемые нами лексемы. Представляется целесообразным в дальнейшем включение данных слов в профессиональные модули («Медицина. Биология»), но лексический материал, конечно же, должен будет пройти экспертную оценку у авторов-составителей лексических минимумов.

Данные лексические единицы в дальнейшем могут пополнить также профессионально ориентированные учебные словари и лексические минимумы. Распределение по уровням этих лексических единиц – задача авторов-составителей лексических минимумов.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Русский язык, 1969. – 400с.

Покровский В.И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Медицина, 2005.

Сунь Гуанбинь Новый русско-китайский медицинский словарь. Харбин: Народное издательство Хэйлунцзян, 2004.

Maria M. Vereitinova

Ph.D., Senior Teacher

*Department of the Russian Language for Foreign Students
the Faculty of Philology*

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

marwer1@yandex.ru

TERMINOLOGICAL VOCABULARY IN THE SYSTEM OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE TO CHINESE STUDENTS OF A MEDICO- BIOLOGICAL PROFILE (ON THE EXAMPLE OF THE TERMINOLOGY OF THE OPHTHALMOLOGY SUBLANGUAGE)

The article examines the features of modern medical terminology, which includes a significant proportion of lexical and word-forming units common in linguistic origin, analyzes the methods of term formation, focuses on the specificity and various etymologies that medical terms have, and offers materials on the “Potential terminological minimum of the sublanguage of Ophthalmology”.

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, medical terminology, terminology of the sublanguage of ophthalmology, medico-biological profile, lexical minimum, professional module.

Ганджибекова Гульчехра Сухробовна
бакалавр филологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе (г. Душанбе)
ganjibekova95@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОБРАЩЕНИЙ-АНТРОПОНИМОВ В РУССКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Предлагаемая статья посвящена специфике функционирования обращений в устном речевом этикете. Основной фокус изложения направлен на описание и анализ антропонимических форм обращения в живой речи носителей языка.

Ключевые слова: устный речевой этикет, обращение, функции обращения, типы обращения, антропонимы, личное имя, фамилия, отчество.

DOI: 10.29003/m4129.WGS_XXIII/30-43

Любая коммуникативная ситуация требует соблюдения и адекватного использования правил речевого этикета, принятых в данном обществе. Традиционно под речевым этикетом понимают «социально заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [Формановская 2002: 177]. Следует отметить, что устный и письменный речевой этикет подразумевают под собой следование разным правилам речевого поведения и использование различных этикетных средств. Так, обращение, являющееся одной из ключевых форм речевого этикета, получает разное оформление в устном и письменном виде. В настоящей работе мы сфокусируем свое внимание на типах обращений и их функционировании в устном речевом этикете.

Существуют различные классификации функций обращения в речи. И.Н. Кручинина полагает, что обращение содержит в себе две совместно реализуемые функции: призывную (апеллятивную) и оценочно-характеризующую (экспрессивную). Призывная функция, помимо привлечения внимания адресата, часто может выражать отношение к нему со стороны говорящего.

Оценочно-характеризующая функция в речи выражается словами с качественной семантикой [Кручинина 1990: 341].

Б.К. Фирдевс в исследовании «Обращение в современном русском языке: виды и функции» обобщает результаты, полученные различными исследователями, и выявляет следующие функции обращения в речи:

- 1) номинативная (выделение адресата);
- 2) вокативная (привлечение внимания);
- 3) социально-регулятивная, или этикетная (обозначение статуса коммуникантов, степени их близости, характера их взаимоотношений);
- 4) эмоционально-экспрессивная (выражение эмоций);
- 5) оценочно-характеризующая (квалификация адресата);
- 6) дискурсивная (обеспечение формальной и смысловой связности частей дискурса);
- 7) дейктическая (уточнение, указание на адресата) [Фирдевс 2017: 74-75].

Ж.Е. Сейтжанов в статье «О статусе, формах и функциях обращения» приходит к выводу, что обращение в речи выполняет следующие 9 функций:

- 1) функция называния адресата речи (номинативная функция): *Резников, пойдите со мной (Бондарев)*;
- 2) функция привлечения внимания собеседника к сообщению, побуждение собеседника слушать. В вышеприведенном примере обращение «Резников» не только называет адресатов речи, но и побуждают адресатов речи слушать речь адресанта;
- 3) функция оценки адресата: *Как тебя зовут, красавица? (Куприн) (положительная оценка)*;
- 4) перлокутивная функция (функция влияния на адресата для достижения цели): *Слушаюсь, босс. Сделаем (Акунин)*;
- 5) функция идентификации: *А, это ты, дед? (Шолохов)*;
- 6) дейктическая (указательная) функция: *Эй ты, иди сюда! (Куприн)*;
- 7) функция выражения вежливости: *Хорошо, мой господин! (Нестерова)*;

8) эмотивная функция (функция выражения эмоции): *О, моя утраченная свежесть, буйство глаз и половодье чувств!.. (Есенин);*

9) регулятивная функция. Данная функция регулирует коммуникантов в процессе коммуникации. Так, подчиненный должен обращаться к начальству по имени и отчеству, в то время как начальство может обращаться к подчиненному просто по имени: — *Вы купили новые сапоги, Вера?* — *Да вот еще не решила, Людмила Прокофьевна (Служебный роман) [Сейтжанов 2012: 118–119].*

В связи с многофункциональностью, которую проявляет обращение в устной диалогической речи, в науке неоднократно вставал вопрос о его типологии. Ж.Е. Сейтжанов пишет о 4 основных типах обращений:

- 1) нейтральные формы обращения;
- 2) ласковые и дружественные формы обращения;
- 3) вежливые формы обращения;
- 4) недружественные, оскорбительные формы обращения [Сейтжанов 2012: 117].

В.Е. Гольдин, опираясь на функциональные различия обращений, выделяет специализированные (регулятивы) и неспециализированные (апеллятивы) обращения. Под специализированными обращениями автор понимает традиционно употребляемые слова «со стертой, «опустошенной» лексической семантикой». К ним относятся слова типа «дружище», «старина» и т.д. К неспециализированным обращениям относятся «лексические единицы, соотнесенные с лицами», например, «Коля! Ты! Плакса!» [Гольдин 2009: 92].

Б.К. Фирдевс подразделяет обращения на следующие типы:

- 1) имена собственные;
- 2) нарицательные существительные;
- 3) прилагательные и причастия;
- 4) обращения, имеющие при себе пояснительные слова – определения или приложения [Фирдевс 2017: 74].

Исследователи Е.В. Голубева, З.М. Ахмадова и В.Ш. Расумов в работе «Типы обращений и их национально-культурная специфика» дифференцируют следующие типы обращений: об-

ращения – ко всем (нулевые обращения); обращения – ФИО; обращения – возраст/пол; обращения – профессия; обращения – родство; обращения – описания; обращения – отношения [Голубева, Ахмадова, Расумов 2020: 80–81].

Интересной представляется работа Е.М. Галановой и А.И. Гаврина «Типы обращений в учебном диалоге». В результате анализа языкового материала ученые выделяют три основных типа обращений, употребляемых в учебном диалоге: обращения преподавателя к студенту или группе студентов; обращения студента к преподавателю и обращения студентов друг к другу. Обращения преподавателя к студенту или группе студентов подразделяются на следующие подгруппы:

- 1) имена собственные (*Ирочка, Иринка, Иршика, Ириночка*);
- 2) этикетные обращения (*товарищ + фамилия, гражданин + фамилия, господа; уважаемый / будьте любезны... / извините, пожалуйста*);
- 3) гендерные обращения (*девушка, девочки-красавицы, студентка, моя хорошая, мальчик, парень, юноша, молодой человек, мой хороший, прогульщик и т.п.*);
- 4) обращения-классификации (*студенты, филологи, программисты, лингвисты, бюджетники, второкурсники и т.п.*);
- 5) обращения-характеристики (*прогульщик, тунеядец; коллективный разум, иждивенцы, лодыри, тунеядцы и т.п.*).

Среди обращений студента к преподавателю исследователи выделяют следующие разновидности:

- 1) имена собственные;
- 2) этикетные формы.

К обращениям студентов друг к другу относятся:

- 1) обращения по сокращенной форме имени (*Миша, Ира и т.п.*);
- 2) социально-статусные обращения (*коллеги, ребята и т.п.*) [Галанова, Гаврин 2022: 404–405].

Отдельно следует упомянуть употребление местоимений в функции обращения. Местоимения, как правило, не выступают в роли обращений. Исключением являются личные местоимения «ты» и «вы», которые могут выступать в функции обращения в конструкциях с обособленным определением или определитель-

ной придаточной частью, а также при употреблении с междометиями и в составе сложных обращений. Например:

– ***Цыц, ты!** Она тебе больше не слуга... Наталья, не ходи... не делай ничего!..*

– ***Ты** – не командуй... рано еще! (Горький).*

В устной речи личные местоимения приобретают значение обращения с помощью интонационных средств. В дальнейшем мы не будем обращаться к данному типу обращений, поскольку их использование часто является показателем низкого уровня речевой культуры, что противоречит основным этикетным нормам. Ярким примером могут послужить диалоги в кинофильме «Джентльмены удачи», где главные герои – тюремные заключенные обращаются друг к другу преимущественно на «ТЫ»:

— *Эй, **ты!** Иди сюда! У тебя какой срок был?*

— *Один год.*

— *А теперь ещё три припаяют. Побег, статья сто восемьдесят восемь.*

Основываясь на всех представленных выше классификациях, с точки зрения лингводидактики, на наш взгляд, целесообразно выделить три основных типа обращений: обращения-антропонимы; имена нарицательные, имена прилагательные и их сочетания. В настоящей работе мы подробнее остановимся на первом типе.

Антропонимы составляют наиболее распространенную группу слов, выступающих в функции обращения. Под антропонимом традиционно понимается «слово или словосочетание, используемое как собственное, личное имя человека в соответствии с национальными или общественными традициями, с принятым в данном государстве способом именованием граждан» [Тихонов 2014: 20]. Каждый народ обладает уникальными традициями именования, которые выражаются в структуре антропонимов, их происхождении, наборе имен у отдельного носителя и в целом сообществе. Так, характерной чертой японской системы обращений является употребление при антропонимах специальных именных суффиксов (т. е. -*さま* -sama, -*どの* dono, 氏 shi, -*女史* jyoshi, -*さん* san, -*くん* kun, -*ちゃん* chan) [Муле-

кова 2021: 544]. Данные суффиксы могут использоваться с именами, фамилиями, прозвищами и другими словами, обозначающими собеседника, и являются важным элементом японской этикетной системы. Они указывают на характер ситуации общения, социальный статус собеседников относительно друг друга, их возраст и степень близости. Употребление антропонима без именного суффикса характерно для неофициальных ситуаций, при обращении к близким или хорошо знакомым людям. Неправильное использование именных суффиксов может нанести серьезное оскорбление собеседнику.

Схожая ситуация обстоит и в корейском и китайском языках. Так, в корейском языке, помимо именных суффиксов, существуют специальные слова, которые добавляются к имени в зависимости от возрастной разницы и личных отношений собеседников. Например: 언니 (онни) – обращение девушки к девушке постарше. Переводится как «старшая сестра», но используется при обращении к подруге: 채영 언니 (ЧеЕонни) [Абдуллина, Полякова 2023: 4].

Для китайского языка свойственны специальные аффиксы (老 (лао), 大 (да), 小 (сяо), 阿 (а), 儿 (эр), 子(цзы)). Например, префикс 老 (лао) + односложная фамилия: 老李 (лао Ли). Данный префикс, имеющий значение «старый возраст», используется преимущественно между знакомыми, друзьями для выражения близких и приятельских отношений между коммуникантами (см. [Ван Чже 2020]).

Антропонимическая формула именования каждого государства является строго заданной, юридически утвержденной. Как отмечают Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун в статье «Антропонимы как средство выражения национальной культуры», «у большинства народов мира обязательным является двухкомпонентный оним *имя + фамилия*, фиксируемый во всех документах, являющийся средством идентификации личности» [Мадиева, Супрун 2010: 98]. Однако и в данной тенденции существуют исключения. Так, для Исландии характерной является более древняя модель *имя + отчество*, в то время как фамилии у большинства исландцев отсутствуют. Например: Лейф Эрик-

сон (исл. Leifur Eiríksson), где Лейф – имя, Эрикссон – отчество. У некоторых народов Азии и Африки имеется трехкомпонентная модель *имя + отчество + дедичество*, например, у арабов: Мухаммад ибн Джарир ибн Язид ибн Касир ат-Табари, где Мухаммад – личное имя, ибн Джарир – отчество (буквально «сын Джарира»), ибн Касир – дедичество.

Уникальной является современная полная антропонимическая модель русского языка, имеющая трехкомпонентную структуру *имя + отчество + фамилия*. Эта модель характерна для языка официальных документов и используется по отношению к третьему лицу. Несмотря на то, что модель *имя + отчество + фамилия* практически не употребляется в функции вокатива, ее структурные элементы отдельно и в сочетании друг с другом образуют богатый и разнообразный набор обращений русского языка. Данная особенность русских обращений-антропонимов вызывает многочисленные трудности у студентов, изучающих русский язык как иностранный. Как отмечают В.В. Кабакчи и З.Г. Прошина: «Непреодолимым препятствием для иностранцев становятся русские имена во всех их разнообразных вариантах. Это зачастую превращает чтение русских классиков в разгадку ребуса» [Кабакчи, Прошина 2012: 169].

Одной из наиболее специфичных и трудных для понимания является антропонимическая модель обращения *имя + отчество*. Данное обращение используется в официальной обстановке и выражает уважение по отношению к собеседнику. В.И. Супрун в статье «Антропонимы в вокативном употреблении» рассматривает данную модель с фонетической точки зрения и отмечает, что «обращение, состоящее из имени и отчества, нарушает фонетические закономерности вокативных структур, поэтому оно подвергается преобразованиям, чаще всего синкопированию; оно может также сопровождаться аферезисом» [Супрун 2001: 95]. Так, в фильме «Девчата», жениха героини Нади Ерохиной *Александра Александровича* все именуют *Ксан Ксанычем: Ох и мастерущий вы, Ксан Ксаныч. Мне бы такую табуретку ни в жизнь не сделать!*

Интересным представляется использование обращения по самостоятельному отчеству, бытующее в деревенской и социально сниженной городской среде. Данная модель обращения

употребляется обычно среди взрослых и пожилых людей (давних знакомых, приятелей, соседей, односельчан, родственников), чаще с «ты»-формами. Ярким примером может послужить диалог из пьесы А.Н. Островского «Таланты и поклонники»:

— *А, Прокофьич, здравствуй!*

— *Здравствуй, Прокофьевна!*

— *Я не Прокофьевна, я Пантелевна, что ты!*

— *И я не Прокофьич, а Мартын Прокофьич.*

Употребление в качестве обращения только фамилии характерно для закрытых, строго регламентированных сообществ с определенной иерархией (школа, университет, больница, военное училище, армия, тюрьма и т.п.). Данная модель обращения является показателем социальной дистанции между коммуникантами, вызванной разницей в общественном положении. В «Толковом словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакай указывается несколько случаев наиболее приемлемого употребления фамилии при обращении. Во-первых, если она употребляется в качестве формы дружеского обращения к знакомому, приятелю, родственнику: — *Привет, Сыроежкин!* — *Здравствуй, Гусев!* (*Приключения Электроника*). Во-вторых, как официальное обращение к равному или низшему по положению лицу: — *А я говорю вам, Ростов, что вам надо извиниться перед полковым командиром.* (*Л.Н. Толстой*). При отсутствии дружеских отношений между коммуникантами данное обращение будет восприниматься как невежливое, фамильярное: — *Борменталь!* — *Нет, уж вы меня по имени и отчеству, пожалуйста, называйте!* — *отозвался Борменталь, меняясь в лице.* (*М. Булгаков*) [Балакай 2004: 547].

Обращение только по имени в русском языке является самой распространенной формой обращения и указывает на высокую степень близости отношений коммуникантов, равный возраст и равный социальный статус. Следует отметить, что полное «паспортное» имя сравнительно редко употребляется в функции обращения и может свидетельствовать об официальности ситуации общения, серьезности разговора. Например, при обращении начальника к подчиненному, но не наоборот: — *Подождите, Тамара. Вы хотите сказать, пока меня не будет, вы собираетесь работать? Думаете, я вам поверю?!* — *Сергей*

Алексейч, когда вы говорите, что работали в моё отсутствие, я же вам почему-то верю! (Папины Дочки).

Для неофициальной обстановки общения, в дружеской и семейной среде, а также при обращении старшего к младшему наиболее характерной является сокращенная форма имени. Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун для обозначения данной модели обращения используют термин «гипокористическое имя», являющееся, по мнению ученых, «идеальной вокативной формой» [Мадиева, Супрун 2010: 98]. Гипокористические антропонимы служат основой для образования многочисленных диминутивных форм обращения, в производстве которых задействован практически весь запас уменьшительно-ласкательных суффиксов русского языка: *Михаил – Михаилушка – Миша – Мишенька – Мишутка – Мишаня – Мишуня – Мишуля – Миха – Михася – Миня – Миняша – Минюша* и т.п. На выбор диминутивной формы антропонима влияют такие факторы, как возраст, пол и отношения коммуникантов. Ярким примером может послужить отрывок из рассказа М. Шолохова «Нахаленок»: *Для отца он — Минька. Для матери — Мйнюшка. Для деда — в ласковую минуту — постреленыш, в остальное время, когда дедовские брови седыми лохмотьями свисают на глаза — «эй, Михайло Фомич, иди, я тебе уши оболтаю!» А для всех остальных: для соседок-пересудок, для ребятишек, для всей станицы — Мишка и нахаленок.*

Н.В. Менькова в статье «Диминутивные формы антропонимов в функции обращения» отмечает, что диминутивная форма имени «может представлять собой результат индивидуального имятворчества» [Менькова 2012: 92]. Современный русский язык изобилует разнообразием гипокористических вариантов, которые включают не только формы сокращенного имени, но и использование неподходящих, с точки зрения образования русских вокативов, аффиксов. Т.В. Федотова в статье «Тенденции варьирования вокативных форм в молодежной языковой среде» выделяет следующие словообразовательные модели при образовании антропонимического вокатива с нерегулярным аффиксом:

- 1) использование аффиксов, характерных для фамилий - *ович, -чук, -анск, -дзе*, причем фамилий иностранного

происхождения: *Глеб – Глебчанский, Владимир – Володя – Вова – Вованидзе*;

- 2) создание обращения по аналогии с именем нарицательным, которое имеет нерегулярный аффикс: *Ксения – Ксюша – Ксюменция*, где суффикс **-енциј-** служит для образования стилистически сниженных синонимов имен существительных, от которых они образованы (книженция, собаченция, старушенция, штуkenция и т.п.);
- 3) при двукорневом имени вокативные формы создаются для каждого корня отдельно с применением суффиксов, достаточно регулярных для русского имятворчества: *Екатерина = Катя (Катя, Катюша, Кати, Карен, Катун, Гютя, Кэт, Катейка, Катруся, Катеньши) + Рина (Ринок, Ринуся)* [Федотова 2021: 245].

Широкую палитру оценочности, как положительной и ласкательной, так и отрицательной и насмешливой несут в себе обращения, состоящие из гипокористического антропонима и отчества. Преимущественно данная форма обращения используется по отношению к женщинам и несет в себе положительную коннотацию: *Ниночка Петровна, Даша Николаевна, Аллочка Сергеевна* и др.

В арготической, жаргонной и сленговой речи при обращении регулярно используются прозвища, клички. Выбор сленгового деривата во многом определяется коммуникативной ситуацией, социально-этикетными правилами, свойственными данному сообществу. Т.В. Федотова отмечает, что «вокатив, аналогичный сленговому прозвищу, создается по звуковому совпадению с апеллятивами и именами собственными, которые использует номинатор по фонетической ассоциации, с ориентацией на свой словарный запас и эмоциональной рецепцией». Например: *Максим – Макси, Максибон, Максимэн; Настя – Нэски; Соня – Санчоус* (от анчоус); *Валерия – Валерианка; Вика – Вискас; Лиза – Лизун; Костя – Кость; Женя – ЖКХ, Женьшень; Кирилл – Кириешка, Крылышко, Кирпич, Килька и т.п.* [Федотова 2021: 246]. В последние годы наблюдается заимствование антропонимических форм вокативов из других языков, преимущественно английского, вызванное переориентацией современной молодежи на западные культурные ценности: *София – Сьюзи; Евгений*

– Юджин, Джексон, Джонатан; Наталья – Натэла; Алина – Алехандро; Эдвард – Эдуардо; Роман–Роммель, Романчо; Илья–Ильяс и т.п. Нередко основой для образования дериватов служит и фамилия. Так, к персонажу сериала «Универ» Артуру Микаэлянну все обращаются как к Майклу: *Майкл, смотри, Сильвестр Андреевич говорит, что чувствует себя на 25.*

Наконец, свою специфику имеют обращения-антропонимы в системе средств сетевой коммуникации. Выбор личного имени, фамилии и отчества в реальности ограничен устойчивым реестром, и только виртуальное пространство Интернета позволяет человеку выбрать себе желаемое имя, выразить свою индивидуальность с помощью никнейма. Как отмечают Е.Л. Ачилова и И.А. Регушевская в статье «Семантика и прагматика обращений в интернет-коммуникации», антропонимы «могут сообщаться в личном профиле участника, но не являются обязательной информацией о нем, а также могут быть основой для создания никнейма» [Ачилова, Регушевская 2018: 174]. Для образования никнеймов с антропонимической основой преимущественно используются имя и фамилия пользователя, а также их модификации: *Anastasiz, вДудь, Kuplinov, Play, zubarefff, goshakartzev* и т.п. Нередко употребляются имена известных литературных героев, персонажей сериалов, фильмов и комиксов: *Лили Поттер, Дракула* и т.п.

Технические особенности большинства интернет-источников позволяют автоматически обратиться к пользователю, при этом обращение к собеседнику происходит в той форме, в которой никнейм был создан его носителем. Данная особенность интернет-коммуникации приводит к нарушению правил речевого этикета. М.А. Яхныч и С.В. Ионова отмечают в статье «Обращения как проявление речевой культуры в интернет-коммуникации»: «Вольный выбор стиля и формы обращения к адресату (без учета типичных параметров коммуникативной ситуации) во многом обусловлен видимым равенством положения адресата и адресанта, а следовательно, и сокращением коммуникативной дистанции между ними, которая определяет снижение уровня официальности и вежливости общения» [Яхныч, Ионова 2013: 252]. В качестве примера авторы статьи приводят следующий диалог из интернет-форума: «Так, пользователь с

никнеймом *Путешественник*, которому 22 года, обращается к 52-летнему собеседнику: *Вова, а эти моменты действительно ценятся?* Школьник, несколько лет занимающийся дрессировкой собак, советует начинающему собаководу-пенсионеру: *Зво-нарев, тебе нужно братья за мелкие породы, а то может характера не хватить»* [Яхныч, Ионова 2013: 252].

Проведенный анализ лишь одного из типов обращений свидетельствует о сложном, многоуровневом характере системы обращений в русском языке. Наличие множества типов обращения, включающих разнообразные коннотативные оттенки, многофункциональность и лингвокультурологическая специфика данной языковой единицы могут приводить к затруднениям при изучении русского языка как иностранного. Знакомство учащихся с различными ситуациями употребления обращения в речевом этикете, прежде всего антропонимов, с учетом их прагматической «нагруженности», необходимо для успешной коммуникации иностранных учащихся на русском языке.

Литература

- Абдуллина Л.Б. Полякова Е.А.* О некоторых особенностях корейской антропонимики [Электронный ресурс] // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №1 (37). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-koreyskoj-antroponimiki> (дата обращения: 10.03.2024).
- Ачилова Е.Л. Регушевская И.А.* Семантика и прагматика обращений в интернет-коммуникации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2018. – № 1. – С. 171–177.
- Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета // – 2-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
- Ван Ч.* Типичные аффиксы для образования обращений в современном китайском языке // Филологический аспект: международный научно-практический журнал, 2020. № 09 (65). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/tipichnye-affiksy-dlya-obrazovaniya-obrashhenij-v-sovremennom-kitajskom-yazyke.html> (Дата обращения: 27.02.2024)
- Галанова Е.М. Гаврин А.И.* Типы обращений в учебном диалоге [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2022. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-obrascheniy-v-uchebnom-dialoge> (дата обращения: 02.02.2024).
- Голубева Е.В. Ахмадова З.М. Расумов В.Ш.* Типы обращений и их национально-культурная специфика [Электронный ресурс] // Вестник

КалмГУ, 2020. №2 (46). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-obrascheniy-i-ih-natsionalno-kulturnaya-spetsifika> (дата обращения: 31.01.2024).

Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / Под ред. Л.И. Баранниковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 136 с.

Кабакчи В.В., З.Г. Прошина В чужой монастырь со своим лингвокультурным уставом: обращение // *Личность. Культура. Общество*, 2012. – Т. 14, № 1(69–70). – С. 164–173. – EDN OUPOXD.

Кручинина И.Н. Обращение // *Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Под ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – С. 340–341.

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры [Электронный ресурс] // *Известия ВГПУ*, 2010. №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antroponimy-kak-sredstvo-vyrazheniya-natsionalnoy-kultury> (дата обращения: 27.02.2024).

Менькова Н.В. Диминутивные формы антропонимов в функции обращения // *Ономастика Поволжья: материалы XIII международной научной конференции, Ярославль, 13–14 сентября 2012 года.* Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2012. – С. 89–95.

Мулекова Л.Р. Антропонимы в качестве обращения в японском языке // *Бюллетень науки и практики*, 2021. – Т. 7, № 6. – С. 543–549.

Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения // М.: Высшая школа. – 1990. – С. 164 - 170. – ISBN 978-5-9765-3995-2.

Сейтжанов Ж.Е. О статусе, формах и функциях обращения // *Вестник ЧелГУ*, 2012. №17 (271) [Электронный ресурс] / – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-statuse-formah-i-funktsiyah-obrascheniya> (дата обращения: 30.01.2024).

Супрун В.И. Антропонимы в вокативном употреблении // *Известия Уральского государственного университета*, 2001. – № 20. – С. 92–96. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/23753> (дата обращения: 28.02.2024).

Федотова Т.В. Тенденции варьирования вокативных форм в молодежной языковой среде // *Филологический класс*, 2021. – Т. 26, № 4. – С. 241–248.

Фирдевс Б.К. Обращение в современном русском языке: виды и функции // *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*, 2017. № 4. – С. 74–76.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход – М.: Рус.яз., 2002. – С. 65-71. – ISBN 5-200-03192-3.

Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. – М.: Флинта: Наука, 2008. – Т. 1. – 839 с.

Яхныч М.А., Ионова С.В. Обращение как проявление речевой культуры в интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика, 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-kak-proyavlenie-rechevoy-kultury-v-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 03.03.2024).

Gulchehra S. Ganjibekova

*Bachelor of the Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe
ganjibekova95@gmail.com*

FEATURES OF THE USE OF ANTHROPONYMS IN RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE

The proposed article is devoted to the specifics of the functioning of address in public speaking etiquette. The focus is aimed at the description and analysis of anthroponymic forms of address in the live speech of native speakers.

Keywords: public speaking etiquette, address, functions of address, types of address, anthroponyms, personal name, surname, patronymic.

Гун Мин
соискатель
кафедры русского языка филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
gongming@yandex.ru

Полищук Елена Вацлавовна
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
elenapolishchuk@mail.ru

**ФРЕЙМОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ ЦВЕТОБОЗНАЧЕНИЯ «ЧЕРНЫЙ»
В РУССКИХ СМИ)**

Данная статья посвящена проблеме фреймового представления семантических значений языковой единицы для иностранных учащихся, проводится подробный анализ концептуальных значений лексемы цветообозначения «черный» на материалах русских СМИ за последние 20 лет, а также рассматривается преимущество употребления фреймового представления в лингвистических исследованиях.

Ключевые слова: фрейм, фреймовое представление, русский язык как иностранный, концептуальное значение, цветообозначение, черный, русские СМИ.

DOI: 10.29003/m4130.WGS_XXIII/44-51

Теория фрейма исследователя М. Минского, связанная с системами искусственного интеллекта, заложила фундамент понимания и интерпретации термина «фрейм» (англ. frame — «каркас» или «рамка») в лингвистических исследованиях. М. Минский определяет «фрейм» как совокупность структурированных данных, которую «человек, пытаясь понять новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти <...> с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов» [Минский 1979: 7].

На основе теории М. Минского Ч. Филмор предлагает четкое определение «фрейма» в семантическом аспекте, а имен-

но «особую унифицированную конструкцию знания или связанную схематизацию опыта, которая мотивирует, определяет и взаимно структурирует группы слов» [Филлмор 1988: 54]. Фрейм, служащий основой для создания иерархических структур знаний, находит широкое применение в наглядной визуализации данных и информации, а также в исследовании различных аспектов языковых форм, присущих человеческому сознанию. Между тем, благодаря способности системного и структурного представления знания фрейм может использоваться для анализа лексико-семантических единиц, сформированных на единой концептуальной основе. Фрейм всегда выделяет определенные компоненты и уделяет внимание связям между ними в схематизированном и последовательном плане, учитывает контекстуальные нюансы на экстралингвистических основаниях.

В ходе реализации познавательного процесса и получения познавательных результатов об объективном мире важную роль выполняет концептуальная картина мира, и концептуальное значение конкретной лексико-семантической единицы может считаться воплощением концептуальной картины мира определенной нации. Как пишет И.А. Стернин, графическое значение слова «всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка»; при этом ученый определяет концептуальное значение как значение слова, которое шире лексикографического и реального значения [Стернин 2005: 137–138]. Носители одного и того же языка могут актуализировать в своем сознании разные концепты, связанные со значением слова. По мнению В.В. Красных, концепт – это «максимально абстрагированная идея «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя при этом возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» [Красных 2003: 272].

Таким образом, использование фреймового представления в практике преподавания русского языка как иностранного имеет следующие преимущества: во-первых, позволяет быстро структурировать незнакомые данные, выделяя общие характеристики значений языковой единицы; во-вторых, даёт возможность наглядно демонстрировать схему нового знания для понимания культурной концепции иностранными учащимися; в-

третьих, помогает отражать визуально-образные ассоциационные связи между значениями разного концептуального уровня или сферы.

Для получения подробной информации о терминах, связанных с цветообозначением в русских СМИ, были исследованы данные и материалы, представленные в Национальном корпусе русского языка. Так, количественный объем выделенных примеров с лексемой цветообозначения «черный» в центральных российских СМИ за последние 20 лет составляет 74 327.

Проанализировав вышеизложенные примеры, рассмотрим когнитивно-фреймовое содержание в виде определенной структуры лексемы цветообозначения «черный» в русских СМИ:

В концептуальную сферу «АРТЕФАКТ И НАТУРФАКТ» входят:

1) зрительный образ предмета: цвета сажи, угля [Малый академический словарь, далее – МАС]. В текстах СМИ часто встречаемся со следующими словосочетаниями: *черный асфальт, черный квадрат, черная нефть, черный уголь, черное платье, черный деготь, черный жук, черная земля, черный металл* и т.д. При этом обращаем внимание на «*черную кошку*», что обозначает размолвку, ссору [МАС]: *Я не думаю, что пробежала какая-либо «черная кошка». Между Израилем и Россией хорошие, прочные отношения на всех уровнях. (Израиль не увидел «черную кошку» в отношениях с Россией // lenta.ru, 2019.12.27);*

2) свойства предмета: темный, более темный по сравнению с обычным цветом [МАС].

В концептуальную сферу «ЧЕЛОВЕК» входят:

1) психическое состояние человека, например: *черная печаль, черная грусть, черное горе, черная тоска;*

2) человеческая популяция: темнокожий [МАС], например: *черная раса, черные люди;*

3) действие человека, например: *черный ход*. С одной стороны, лексема «черный» имеет значение 'предназначенный для каких-л. служебных или бытовых нужд' [МАС], с другой стороны, данное словосочетание имеет переносное значение 'нечестный путь': *Она призвала соцсети предоставить разведслужбам «черный ход» для получения дос-*

тупа к их мессенджерам (WhatsApp будет передавать сообщения пользователей полиции Британии // РИА Новости, 2019.09.28).

- 4) характер человека, например: *черная душа* – о бездушном, непорядочном человеке. *Думаю, это все-таки сделали вы. Недаром говорят, что у вас черная душа. Вы безжалостны, беспощадны и жестоки. Водитесь со всяким отребьем* (Кэтрин Коултер: Неутомимая охотница).

В концептуальную сферу «СОЦИУМ» входят:

- 1) социальное событие: *черный лебедь* – непредвиденное и неожиданное событие, например: *Эпидемия коронавирусной инфекции – это нестандартная, форс-мажорная ситуация, «черный лебедь» для всего мира* (Решающим фактором в борьбе с пандемией стала наука // Парламентская газета, 2021.06.19);
- 2) режим неблагоприятных метеоусловий: *черное небо* – режим неблагоприятных метеоусловий из-за выхлопных газов и выбросов предприятий. Здесь лексема «черный» символизирует грязный цвет неба: *Как уточнил парламентарий, принятия поправок ждут жители промышленных центров по всей стране, которые сейчас живут «с режимом черного неба»* (Комитет Госдумы поддержал проект о квотах на выбросы в загрязненных городах // Парламентская газета, 2021.06.11);
- 3) жанр литературы: *черный роман* – жанр фантастической литературы или литература ужасов;
- 4) экономика: *черное дело, черные лесорубы, черный рынок, черная биржа, черные доходы, черный список, черный нал, черный бизнес*. Например: *Сейчас огромное число мигрантов занято в «сером» и «черном» секторах или перебивается случайными заработками* (Миронов предложил ввести визы для трудовых мигрантов // Парламентская газета, 2021.12.15). Очевидно, лексема «черный» здесь имеет переносное значение 'неофициальный, тайный';
- 5) Интернет и цифровые технологии: *черный Интернет, черный браузер*;
- 6) телефония: *черный список*;
- 7) номинация Африки: *черный континент*.

В концептуальную сферу «СИМВОЛ» входят:

- 1) символ «что-то плохое, ложь, зло». Например: *выдавать черное за белое; принимать белое за черное; называть черное белым / белое черным; говорить черное – белое, черная неблагодарность;*
- 2) символ старого режима (а именно, сталинского СССР). Например: *Не зря в кабинете Николая Ивановича, начальника главка – стоят и черные, и белые телефоны одновременно* (Антон Размахнин. Дайте жалобную книгу»: меню прекрасной эпохи // «Московский комсомолец» от 22.03. 2023). Раньше черный телефон мог использовать только начальник. Черный телефон символизирует «старую» управленческую технологию. Поэтому в выражении «мир черного телефона» черный ассоциируется с властью, иерархической системой сталинского СССР, при этом белый ассоциируется с модернистским миром.

В концептуальную сферу «ВРЕМЯ» входят:

- 1) модель номинации критического случая в истории «черный + день недели», например: *26 ноября эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) обсудили его на экстренном совещании, а на финансовых рынках началась черная пятница* (Что известно о штамме коронавируса омикрон // Ведомости, 2021.11.28); *34 года назад (1987) произошел один из крупнейших биржевых крахов – «черный понедельник»* (Черный понедельник: почему обвалился фондовый рынок и что будет с рублем // Ведомости, 2021.11.22);
- 2) период жизни, например: *черный день, черное пятно, черная страница, черная полоса в жизни*. Здесь выражается переносное значение лексемы «черный» – мрачный, безрадостный, тяжелый [МАС].

Обобщая наблюдения над фреймовым представлением концептуальных значений цветообозначения «черный», мы можем обнаружить следующие особенности фрейма «цвет сажи, угля» и «темный цвет»: прямые значения лексемы «черный» служат основой когнитивного восприятия нового знания. Новые или переносные значения часто привносятся с использованием разных стилистических приемов, помогающих выразить осо-

бенности каждого цветообозначения. Так, например, выражения «*черная тоска*» и «*черная скука*» – гипербола; выражения «*черный ход*», «*черная кошка*», «*черная душа*» – примеры базовой метафоры черного цвета в русских СМИ. Креативное употребление метафоры в новых контекстах меняет уже сформированную когнитивную схему, заставляет мозг найти исходные семантические компоненты, при этом идет перемоделирование лексемы «черный». Например, употребление выражения «*черная дыра*» при описании демографической проблемы: *Для сердцевины России, центровых русских земель оно вообще обернулось черной дырой* («Всемирная отзывчивость»: любовь, которая спасет мир, или смертельная болезнь? // Парламентская газета, 2021.11.15); употребление выражения «*черная кошка*» в оценке политических отношений между странами. Особое внимание также уделяется оппозиционному отношению между концептами «черный» и «белый», которое отражается в значении 'плохое' vs 'хорошее'; 'ложь' vs 'правда'; 'зло' vs 'добро'; 'старый' vs 'новый' режим страны в русских СМИ. Количественный анализ субконцептуальных компонентов во фреймовой структуре концептуальных значений цветообозначения «черный» показывает высокий потенциал создания новых коннотаций и креативного употребления лексем со значением цветообозначения в концептуальных сферах «СОЦИУМ».

Согласно пониманию Н.Н. Болдырева, фрейм является «моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания» [Болдырев 2001: 62]. Таким образом, используя такой подход, облегчающий задачу анализа значений лексемы и языкового материала, мы прежде всего акцентируем тесную связь между человеческим опытом и языковым значением, уделяем особое внимание тому, как внелингвистические факторы влияют на формирование значений слов и выражений.

Кроме того, включение фреймового подхода в обучение русскому языку как иностранному, с одной стороны, увеличивает эффективность преподавания, с другой – способствует формированию у иностранных учащихся умения создавать логико-композиционные модели на основе лингвистических знаний.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 62.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 272.
- Минский М.* Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. – С. 7.
- Стернин И.А.* Значение и концепт: сходства и различия // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация, 2005. – С. 137–138.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова и В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 54.
- Малый академический словарь: Словарь русского языка в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

Gong Ming
postgraduate,
Department of Russian Language, Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University
e-mail: gongming@yandex.ru

Elena V. Polishchuk
PhD, Associate Professor,
Department of Russian language for foreign students
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University
e-mai: elenapolishchuk@mail.ru

**FRAME REPRESENTATION OF CONCEPTUAL MEANINGS
OF A LEXICAL UNIT IN A FOREIGN AUDIENCE (BASED ON THE
EXAMPLE OF THE LEXEME OF THE COLOR DESIGNATION
«BLACK» IN THE RUSSIAN MEDIA)**

This article is devoted to the problem of frame representation of the semantic meanings of a language unit for foreign students, a detailed analysis of the conceptual meanings of the color designation lexeme «black» is carried out using materials from Russian media over the past 20 years, and the advantage of using frame representation in linguistic knowledge is also considered.

Keywords: frame, frame representation, Russian as a foreign language, conceptual meaning, color designation, black, Russian media.

Евграфова Анастасия Евгеньевна

*кандидат филологических наук
преподаватель филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
ruban_anastasia@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ И ЕЁ ВАРИАТИВНОСТИ

В статье рассматривается понятие «нормы» и возможности её варьирования. Именно варианты нормы становятся основным объектом нашего внимания и повышенного интереса, так как зачастую вызывают много вопросов и трудностей в иностранной аудитории. Как определить границы нормы? Есть ли точные критерии для этого? Можно ли выходить за рамки литературной нормы и обращаться к системе языка (узусу, или языку «естественного общения») в выборе материала для практических занятий русским языком как иностранным (далее РКИ)? Эти вопросы продолжают волновать преподавателей РКИ сегодня. С одной стороны, в работе ставится вопрос о создании специального направления в русистике, занимающегося изучением нормы в её динамике. С другой – функционально-коммуникативный подход к анализу языкового материала расширяет его границы и позволяет выйти за рамки нормы.

Ключевые слова: норма, варианты нормы, система языка, узус, функционально-коммуникативный подход, языковой материал, словарь.

DOI: 10.29003/m4131.WGS_XXIII/52-58

В современной практике обучения иностранным языкам в целом и в частности РКИ преподаватели-филологи всё более пристальное внимание уделяют не только способу подачи материала, но и характеру самого языкового материала, адресуемого учащимся. Уже не первое десятилетие в методике преподавания РКИ преобладает коммуникативный подход, предложенный Е.И. Пассовым [Пассов 1985], описанный также в трудах Г.И. Рожковой [Рожкова 1978] и её последователей. Безусловно, коммуникативная составляющая необходима в процессе обучения языку. Именно этот подход учитывает индивидуальность каждого учащегося, речевую направленность процесса обучения, его функциональность, ситуативность общения, постоянную новизну процесса обучения. Сегодня многие преподаватели критикуют искусственно созданные упражнения, которые включают только лексику нормированного литературного язы-

ка, синтаксические структуры сугубо письменной «правильной» речи и устоявшиеся клише. Зачастую такие упражнения не способствуют формированию навыков активного речевого общения и могут препятствовать развитию коммуникативных навыков учащихся продвинутого этапа обучения. Язык, как известно, постоянно находится в динамике, это «живой организм», который развивается и меняется быстрее, чем этот процесс находит отражение в словарях и справочных изданиях, фиксирующих нормы словоупотребления. Сегодня этому способствует и бурный темп роста влияния Интернет-общения, и язык смс-переписки, и современные СМИ, где практически отсутствует какая-либо цензура. Это ставит под угрозу «экологию» языка и чистоту, грамотность речи самих носителей языка. По меткому замечанию М. Кронгауза [Кронгауз 2019] в последнее время русский язык находится «на грани нервного срыва»: когда сами носители языка не следят за культурой речи; главенствует принцип спонтанности и так называемой «моды» на употребление определённых, чаще заимствованных и Интернет-производных слов и выражений. Так речь школьников, современной молодёжи перегружена словами-паразитами (*вот, как бы, это, вроде, значит, реально, круть, да ладно, ну это* и т.п.), не фиксируемыми в нормированной речи.

Примеры системного ошибочного употребления различных лексических единиц и синтаксических конструкций содержат не только публицистика, рекламные тексты, интернет-ресурсы, но и современная проза и поэзия. Иногда авторы текстов делают это осознанно и выходят за рамки языковой нормы с определённой целью. Например: «*За сбывчу всех наших мечт!*» гласит заголовок одной из статей в «Русской газете» [Российская газета - Неделя № 0(3934)]; другой яркий пример: «*Я мстю, и мстя моя ужасна: что ожидать от обиженного и оскорбленного знака Зодиака*» [<https://mixnews.lv/>], «*Я сейчас доем и тоже победю!*» [А. Прозоров «Клятва тёмного лорда»]. Носителям языка, безусловно, понятны эти фразы и их ироничный подтекст, многие чувствуют здесь элемент языковой игры – целенаправленное нарушение языковой нормы. Иностранные учащиеся по-разному воспринимают такие и аналогичные случаи системного заполнения языковых лакун. Некоторые студен-

ты считают эти формы полноценными членами парадигмы и активно используют их в письменной и устной речи, другие удивлены, знают, что это употребление ошибочно, спрашивают преподавателя. Возникает вопрос, могут ли преподаватели ориентироваться на такие «живые» тексты как на источники практического материала в аудитории? Вводить ли данный ненормированный языковой материал на занятия или игнорировать случаи массового нарушения нормы (например, **по приезде* вместо *по приезде*) и придерживаться академических текстов?

Обратимся к понятию *нормы*. Языковая норма – исторически обусловленная совокупность общеупотребительных языковых средств, а также правила их отбора и использования, признаваемые обществом наиболее пригодными в конкретный исторический период. Норма является одним из существенных свойств языка, обеспечивающих его функционирование и историческую преемственность за счёт свойственной ей устойчивости. Но она не исключает вариантности языковых средств и характеризуется заметной исторической изменчивостью (например, в советское время выходила газета «*Советский метро*», форма мужского рода являлась нормой для лексемы *метро*, образованной от слова метрополитен. Сейчас *метро* – только ср.р.). Норма призвана, с одной стороны, сохранять речевые традиции, а с другой — отражать актуальные и меняющиеся потребности общества [РГЭС 2002]. Об этом же говорил и Леонид Касаткин, известный лингвист, профессор в своём интервью газете АиФ: «Если обсуждать изменения в языке, то они происходят естественно, а не под влиянием академиков. Мы сейчас говорим не так, как говорили люди в XII, XV или в начале XX в.». Вслед за М.В. Всеволодовой мы считаем, что языковая система, или язык естественного общения (узус), значительно шире и объёмнее, чем нормированный материал, фиксируемый в словарях и справочных изданиях, даже с учётом вариантов нормы.

Проблема языковой нормы и её несоответствия потребностям языкового обучения заключается в том, что до сих пор нет специального раздела языкознания, например, «нормативистики» [Всеволодова 2015], которая бы следила за чистотой и адекватностью языкового материала в соответствии с темпами языкового развития. Уже не раз отмечалось, что лексика, описанная

в словарях, пассивна, она оживает, работает именно в тексте, в синтаксисе и коммуникации. И сегодня, как нам представляется, авторы учебных пособий не могут и не должны ориентироваться только на традиционные словари в выборе лексического материала. Иначе мы учим студентов несколько искусственному «отфильтрованному» языку, который зачастую дезориентирует их в языковом пространстве носителей изучаемого языка. Речь, конечно, идёт не о начальном, а о продвинутом уровне обучения языку. Безусловно, преподаватель не должен обучать современному безграмотному общению, со всеми системными ошибками, оговорками, словами-паразитами и прочими системными языковыми явлениями, процветающими в узусе, но далёкими от языковой нормы. Однако следует принимать во внимание лингводидактический потенциал «отрицательного» языкового материала (термин Л.В. Щербы): системных, узуально образованных лексических единиц и конструкций, активно используемых в речи носителей языка. Можно чаще обращать внимание учащихся на случаи широко распространённых грамматических ошибок и давать упражнения на их исправление. Например: найдите в тексте ошибки носителей языка, исправьте и объясните, как вы понимаете причину ошибки: 1) **На моё день рожденья я получил заветный подарок, исполнилась одна из моих главных мечт.* 2) **ГЗ МГУ стал мне родным домом. Я очень скучаю за ним.* 3) **Покупая у нас, получите выгоду до 20%,* 4) **Едь быстрее, а то я на тебя наеду своими колёсами.* 5) **Лучше ты езьжай впереди.* 6) **Ложите ваши пакеты, сейчас взвесим.* Заметим, что все эти примеры взяты из реальной звучащей речи. Эти предложения обычно понятны иностранным студентам, иногда они чувствуют здесь ошибки, иногда нет, преподаватель должен дать правильные ориентиры в восприятии аналогичных случаев.

Наша действительность порождает всё новые и новые явления, требующие фиксации и отклика в языке, что зачастую не успевает найти своё место в словарях и словарных статьях. Приведём один из комментариев данной проблемы в обсуждении на одном из крупных языковых порталов: «Неблагодарное это дело! Новые слова будут появляться и исчезать быстрее, чем лингвисты смогут их “занормливать”. Это сизифов труд». XXI век

бьёт все рекорды по числу заимствований, узуально образованных лексических единиц и неологизмов. Однако лингвисты и лексикографы не сдаются. Уже вышло 5 изданий и готовится 6-е переиздание «Словаря модных слов» Владимира Новикова, в котором общее число статей увеличилось до двухсот. Это первый в отечественной культуре опыт научно-художественного описания современной речевой моды. Эту книгу нельзя назвать словарём в привычном понимании. Автор создал оригинальные эссе о словах, важных для сегодняшней языковой картины мира. В словник вошли заимствования из иностранных языков, новейшие научные, экономические и политические термины, молодёжные жаргонизмы и старые слова, приобретающие новые значения. Статьи напоминают живые «портреты» слов, ещё не попавших в другие словари: *лузер, мем, няшка, прайвеси, селфи, фейк, абьюз, буллинг, эмпатия* и т.п. В статьях содержатся необходимые сведения о происхождении, особенностях правильного употребления и произношения слов.

В 2018 году вышел «Словарь языка интернета.ru.» авторского коллектива из пяти лингвистов и культурологов под руководством М. Кронгауза. Это издание стало попыткой профессионально зафиксировать слова и выражения русского языка, актуальные для интернет-коммуникации за последние примерно двадцать лет. Словарь содержит слова, речевые клише, подписи к рисункам, характерные для сетевого общения (например: *анон – анонимный пользователь, жыр – самая суть текста, его квинтэссенция, рулить – быть лучше всех, иметь успех*), и состоит из трех частей: «Слова и выражения», «Термины» и «Субкультуры». Для слов даются орфографические варианты, грамматическая и этимологическая информация, толкование; указывается время возникновения понятия, особенности функционирования, языковые связи, приводится культурологический комментарий, текстовые примеры и иллюстрации.

Вышеназванные словари – новый и очень интересный опыт современной лексикографии, которая практически не имеет ничего общего с понятием нормы, но описывает именно последние языковые тенденции, и ориентируется на массовое употребление новых лексических единиц. Эти издания адресованы в первую очередь русской аудитории, лингвистам и всем

интересующимся. Как мне представляется, преподаватели РКИ также могут обращаться к данным изданиям, как к источнику материала для практических занятий на продвинутом этапе обучения; иностранным учащимся их можно рекомендовать в качестве дополнительной литературы уже на уровне В2 – С1.

В завершение ещё раз отметим, что процесс развития языка на страницах словарей идёт значительно медленнее, чем в активной речевой среде, тем не менее ряд изменений вносится авторами в каждое последующее издание (Ср. у лексемы *кофе* в последних словарных изданиях отмечены вариативные формы рода: муж.р. и ср.р., обе формы *похудение* и *похудание* отмечает Сводный словарь под ред. Р. Рогожниковой, форма 1 лица, ед.ч *пылесосу* уже давно отмечена в Толковом словаре русского языка под ред. Н.Ю. Шведовой, но нет пока формы страд. прич. прош.вр. **пропылесосенный*, активно употребляемой в речи носителями языка, в большом орфоэпическом словаре под ред. Л.Л. Касаткина отмечены варианты норм произношения: *включит* наравне с *включИт*). Сама практика преподавания РКИ вызывает потребность в регулярном обращении к новым типам словарей и справочных изданий, новейшим переизданиям, способствующим интенсификации процесса обучения и оптимизации его результатов. Безусловно, нужно разработать определённые критерии отбора лексического материала, выходящего за рамки литературной нормы для планирования практических занятий и для создания новых пособий по развитию речи, чтобы не разрушать, а обогащать языковые традиции. Это позволит иностранным учащимся читать современную русскую литературу, публицистику, понимать как письменную, так и разговорную речь.

Литература

Всеволодова М.В. Язык: норма и узус (подходы к системе языка)//Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015 № 6.

Евграфова А.Е. Лексикографическое представление русских темпоральных наречий в функционально-коммуникативном аспекте: канд.дисс., М.: МГУ, филол.фак-т, 2011.

Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ: Corpus, 2019.

Кронгауз М.А., Мерзлякова В.Н., Литвин Е.А. и др. Словарь языка интернета.ru. – М. АСТ-Пресс, 2018 г.

Новиков В.И. Словарь модных слов. Языковая картина мира. – М. АСТ-Пресс, 2018.

Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1985. С.36.

Рожкова Г.И. Вопросы практической грамматики в преподавании русского языка как иностранного. М., 1978.

РГЭС Российский гуманитарный энциклопедический словарь, т.2; Владос, Филологический факультет СПбГУ, 2002.

Anastasia E. Evgrafova

PhD, Teacher

Department of Russian language for foreign students

Faculty of Philology,

Lomonosov Moscow State University

ruban_anastasia@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE LANGUAGE NORM AND ITS ALTERNATIVES

The article is focused on the problems of norm and its alternatives in Russian language. Today teachers of Russian for foreigners lack special educative materials and dictionaries that cover semantics, grammar functions, syntactic usage, communicative roles of lexical variants of words both in the language norm and in its systematic usage. Today we need to answer important questions: Where are the norm limits? Are there any definite tests and criteria to find the language norm? Can we break these norm limits and use the language system (usus) in the practical Russian courses? We try to cover some of these important questions in the article.

The functional dictionary based on new principles can help to present new lexical, grammar and communicative material in the practical courses of Russian for foreigners.

Keywords: language norm, system, alternatives, usus, communication, functional and communicative approach, dictionary.

Коростелева Анна Александровна

кандидат филологических наук,

доцент филологического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

korosteleva.a@gmail.com

О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКЕ РУССКИХ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ В ПИСЬМЕННОЙ РЕКЛАМЕ (В АСПЕКТЕ РКИ)

Исследование выполнено методом семантического коммуникативного анализа. В работе рассматривается материал современной письменной рекламы нового типа с точки зрения роли в ней единиц коммуникативного уровня русского языка (частиц, междометий, ряда местоимений и наречий с коммуникативной составляющей в семантике, а также синтаксических приемов). Описываются два основных коммуникативных эффекта, которых добивается создатель рекламы, включая в свой текст коммуникативную дорожку: эффект глубокого вовлечения адресата в ситуацию и эффект «подслушанной чужой беседы».

Рекламные тексты нового типа открывают дополнительные возможности для обсуждения русской коммуникативной дорожки в иноязычной аудитории. В статье показано, каким образом анализ данного материала распределяется по трем ступеням варьирования: выбор целеустановки, оттенки значения коммуникативных конструкций, реализации семантических параметров средств, входящих в эти конструкции.

Ключевые слова: коммуникативная семантика русского языка, инвариантные параметры коммуникативных средств, рекламный текст, коммуникативная дорожка в письменном тексте.

DOI: 10.29003/m4132.WGS_XXIII/59-72

Основы метода семантического коммуникативного анализа, используемого в данной работе, изложены в трудах М.Г. Безяевой [Безяева 2002, 2005, 2012, 2014, 2016, 2017]. Прежде всего, в рамках языка выделяются системы *коммуникативного* и *номинативного уровней*, которые различаются составом средств, законами их функционирования, но, что важнее всего, – типом значений. Семантика средств *номинативного уровня* связана с передачей информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего. Семантика же *коммуни-*

кативной системы отражает соотношение позиции говорящего, позиции слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации. Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целустановки, вариативного ряда структур*, ее выражающих, и *инвариантных параметров средств*, формирующих эти структуры.

Коммуникативная система объединяет чрезвычайно разнородные единицы. Это средства разной природы – вербальные и кинесические (поза, мимика, жест), причем вербальные могут относиться к разным традиционным уровням языка (см. [Коро-стелева 2017]). Во-первых, это собственно коммуникативные средства (частицы, междометия, наклонения, ряд особых синтаксических приемов, интонация и другие средства звучания, собственно коммуникативные кинемы). Во-вторых, большая группа средств, способных передавать номинативное содержание и в то же время участвовать в формировании значений коммуникативного уровня. Это словоформы полнозначных лексических единиц, части речи и практически все грамматические категории различных частей речи (вид, время, число, падеж и т.д.), номинативные кинемы с коммуникативной составляющей в значении.

Почти все инварианты русских коммуникативных единиц способны к антонимическому развертыванию. Помимо этого, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, быть распределены между ними и т.д. Возможно также варьирование по отнесенности к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности.

Говоря о средствах звучания, мы опираемся на описание системы русской интонации, созданное Еленой Андреевной Брызгуновой, пользуемся усложненной интонационной транскрипцией по Брызгуновой [Брызгунова 1980, 1982, 1984], а также семантическими инвариантными параметрами русских средств звучания, сформулированными М.Г. Беззевой¹.

---

¹ Семантические инвариантные параметры вербальных коммуникативных средств, используемые нами при анализе, сформулированы М.Г. Беззевой в ее научных публикациях (см. список литературы), а

Единицы коммуникативной системы *предназначены для отражения соотношения позиций говорящего, слушающего и осознаваемой и квалифицируемой ими ситуации*, что объясняет их безусловную востребованность в сфере рекламы. Одна из особенностей коммуникативной системы – это неосознаваемость семантических параметров входящих в нее средств, их интуитивное использование носителями языка [Безяева 2005, 2017]. Если в лучших образцах звучащей рекламы активную работу коммуникативных средств можно наблюдать в течение всех последних десятилетий¹, то осторожное проникновение этих единиц в современный письменный рекламный текст – относительно периферийное явление и тем более заслуживает внимательного рассмотрения.

Даже единичное коммуникативное средство (междометие, частица и др.), попав в письменный рекламный текст, принципиально отделяет его от рекламного высказывания, содержащего только полнозначную лексику, так как актуализирует семантику соотношения позиций *говорящего, слушающего и ситуации*. Включение в письменную рекламу коммуникативных структур превращает ее в *диалогическую реплику в отсутствие самого диалога*. Данный эффект, безусловно, противопоставляет коммуникативную письменную рекламу номинативной.

Отсутствие контекста в виде развернутых эксплицитных структур и отсутствие звучания увеличивают число допустимых трактовок единичного коммуникативного средства. Так, если

также в лекционных курсах «Инвариантные параметры коммуникативных средств русского языка» и «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста», прочитанных ею на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в 2006-2015 годах. Инвариантные параметры русских коммуникативных кинем выявлены автором данной работы.

¹ Ср.: *А мужики-то не знают!* (пиво «Толстяк»); *...И поскакал* (МТС); *Тогда мы идем к вам!* (стиральный порошок Tide); *Ну что, по пиву – и оформим сделку?* (пиво Holstein); *Потому и не кусают* (средство от комаров Mosquitall); *Наш тренер – сама уверенность. – Просто зверюга. Скажет – как отрежет. – Ну, чего, ребят? Может, потренируемся, а?* (мятные конфеты «Рондо»); *А что это у вас граф Суворов ничего не ест, а? – Так ведь пост, матушка, до первой звезды нельзя. Ждём-с* (банк «Империал») и др.

мы интерпретируем целеустановку высказывания *О! эскимо*¹ как *выражение радости*, то *о* будет маркировать соответствие предполагаемого и желаемого появления эскимо визуально введенной информации (реальному появлению эскимо в поле зрения). Если же мы припишем высказыванию целеустановку *удивления*, то *о* будет передавать значение несоответствия предполагаемого (говорящий не рассчитывал на то, что ему могут предложить в этом месте мороженое) знанию о появлении объекта в пределах досягаемости, при соответствии этого знания желанию говорящего встретить объект.

Если коммуникативных средств в тексте более одного, это предсказуемо ограничивает разнообразие трактовок. Так, в высказывании *М-М-М-М! КОРНДОГ*² (“Kimchi to go”, кафе корейской уличной еды, Петербург) целеустановка определяется как *восхищение*, а интонационное оформление довольно однозначно восстанавливается как ИК-6 с удлинением гласного благодаря соединению в структуре *двух* коммуникативных единиц – междометия *м* и *русского повтора*. *М* – ‘после пропуска через свою сложившуюся систему представлений говорящий маркирует соответствие объекта его понятию об идеальной закуске’, *повтор* – отражение процесса бенефактивного воздействия на говорящего ситуации, отклонившейся от нормы (в позитивную сторону). Всё это смыслы, интуитивно считываемые русскими, но, как правило, совершенно «закрытые» для представителей других языков.

Выражение восхищения:

Смотри, какая булочка! (пекарня «Хлебник», Петербург)

Смотри – ‘говорящий каузирует учет слушающим информации’; *какая* – ‘говорящий не представлял себе, что возможен объект с подобной качественной характеристикой’.

В этой сверхчастотной русской структуре у представителей большинства языков мира очевидное затруднение вызовет неназывание признака.

---

¹ Здесь и всюду далее в примерах рекламных текстов сохранена оригинальная орфография.

² *Корндог* – сосиска в тесте из кукурузной муки.

Позитивная оценка с оттенком восхищения:

Накупить вагон сладостей. Захотеть суп.

Яндекс-лавка: Вот это жизнь.

Вот – ‘реализован вариант, полностью соответствующий твоим (моим, нашим) целям и интересам и бенефактивный для нас’; *это* – ‘объект в полной мере соответствует эталонной признаковой норме, что бенефактивно для нас’ при одновременном смысле ‘такой сущностной качественной характеристики *не должно быть* (‘невероятно, что такая красивая комфортная жизнь существует’), тем не менее она имеет место’.

При лексической экспликации поле для интерпретаций также сужается. Целеустановку высказывания *Днём и ночью / Вкусно очень* (сеть кафе «Брынза», Петербург) мы можем определить как выражение *одобрения* либо *восхищения* (возможно, совмещенных с советом), но в любом случае параметр нормы, присущий русскому *очень*, разворачивается как ‘характеристики еды в кафе превосходят норму’.

Обратим внимание на то, как удачно реализуют свои значения в социальной рекламе противопоставленные друг другу в нашей коммуникативной системе единицы *нужно* и *надо*. Обе они связаны с идеей необходимости, обусловленной нормой. Русское *нужно* передает значение необходимости, связанной с личными нуждами говорящего, слушающего, третьего лица, тогда как *надо* – необходимости, связанной с нуждами социума либо мини-социума. В полном соответствии с этим в серии адресованных туристам рекламных плакатов «*В Петербурге нужно увидеть... (Медного всадника / атлантов / всех львов / фонтаны / «Аврору» и др.)*» выбрана единица *нужно*, за счет чего в сознании адресата формируется именно идея его *личных* нужд (увидеть все эти красоты – его *личная потребность*, вытекающая в то же время из нормы). В то же время в предложении-обещании «*Я вам покажу, как здоровье проверять надо!*» (На плакате мужчина показывает жест «большой палец вверх» – ‘говорящий позитивно оценивает реализованный вариант’; имеется в виду, что *здоровье проверять надо бесплатно в парках*) использовано *надо*, указывающее на потребности социума или же мини-социума. Связь здоровья отдельного человека с нуждами социума или мини-социума (семьи или коллек-

тива сотрудников) стала особенно очевидна в период пандемии Covid-19.

Интересно, что авторы рекламы иногда настолько сосредоточены на коммуникативной дорожке, что отходят от норм употребления номинативных средств. В тексте социальной рекламы *Давай вместе (завтракать, кататься на самокатах, дружить, творить, слушать музыку)* ведущую роль играет коммуникативная единица *давай* в значении знания говорящим *бенефактивной логики развития ситуации при учете позиции собеседника*. Далее здесь возникает ряд инфинитивов несовершенного вида. *Инфинитив* ориентирует адресатов (подростков) на норму поведения в данной ситуации (лето в городе). *Несовершенный вид* вносит параметр должного, нужного ('что нужно успеть осуществить за лето'). Заметим при этом, что словосочетание **давай вместе дружить* в русском языке невозможно, но эта ошибка ускользнула от внимания создателей рекламы, делавших ставку на коммуникативную составляющую текста.

Целеустановка *предложения* может быть передана и другими структурами ряда:

Может, погуляем? (Сделаем прогулки с собаками более комфортными для людей)

Казалось бы, выбрана более «слабая», менее энергичная структура предложения, поскольку начальное *может* говорит о ненастойчивом (допускающем вариативность реакции слушающего) вводе варианта действий, нарушающего норму развития ситуации, при учете препятствий, в том числе нормы сложившегося поведения говорящего и слушающего. Однако расклад меняет присутствие здесь *no-*, которое вносит параметр переключения от небенефактивного к бенефактивному (или же от менее благоприятной ситуации к более благоприятной). Точно таким же образом работают единицы *может* и *no* в рекламе пиццерии: *Может, no додстеру*¹? (Префикс *no-* и предлог *no*, отчетливо противопоставленные друг другу на номинативном уровне, обладают едиными коммуникативными параметрами).

---

¹ *Додстер* – горячая закуска, продающаяся в сети «Додо пицца», с чем и связано ее уникальное название.

Кредит 4% годовых с услугой «гарантированная ставка»
НА ВСЁВСЁВСЁВСЁ.

Всё сообщает здесь о бенефактивности исчерпанного варианта на фоне других вариантов-стадий ('раньше вам предлагали кредиты, которых не хватало на всё, но мы предлагаем оптимальный вид кредита, и на этом поиски можно закончить'), а прием *повтора* отражает процесс бенефактивного воздействия говорящего на собеседника в соответствии с нормой в представлении говорящего.

У тебя карта? Дай обниму! (Реклама в метро; справа изображен улыбающийся валидатор, радостно раскрывающий объятия)

Здесь целеустановку *предложения* предваряет *радостный уточняющий вопрос*.

Безглагольность (*У тебя карта?*) – 'действия говорящего продиктованы импульсом ситуации, и в то же время – ситуация предоставляет прекрасную возможность слушающему', *дай* – 'собеседник является причиной для выполнения действия говорящего (ты так обрадовал меня, что хочется тебя обнять)', *будущее время* (*обниму*) – параметр необязательности действия (*объятия* – на усмотрение слушающего); *улыбка* – 'развитие ситуации бенефактивно для говорящего': *раскрыть объятия* – здесь: акцентуация предельной включенности адресата в личную сферу исполнителя жеста (инициатора объятий) перед лицом обстоятельств, идентично воспринимаемых обоими собеседниками как крайне бенефактивные.

В примере ниже специфический выбор структуры из русского вариативного ряда *предложения* создает умышленный смысловой сдвиг, и на сформированное предложение наслаивается целеустановка *намек*:

Хочешь, напишу для тебя курсовую? (баннер в Интернете; рядом с текстом – изображение красивой девушки)

Выбор конструкции *Хочешь, (я) + глагол в буд. времени I л.* сообщает о том, что осуществляя названное действие, говорящий нарушит норму собственного поведения. Очевидно, что написание курсовых работ за других людей является для говорящей делом повседневным, отнюдь не нарушающим норму ее поведения, то есть коммуникативная дорожка здесь не стыкует-

ся с номинативным наполнением высказывания. Это подталкивает нас к поиску другого, более подходящего номинативного содержания. Так формируется *намек*, в данном случае – шутовское (игровое) указание на то, что речь в действительности идет не только о курсовой, но, возможно, и о флирте. Этот прием, разумеется, использован ради привлечения внимания к данной услуге.

На первый взгляд, для письменной «диалогической реплики» в рекламе типичны целеустановки *совета, обещания, предложения* (разновидности волеизъявления), *восхищения, одобрения, выражения радости, удивления, удивления с оттенком восхищения* (эмоциональные целеустановки), *позитивной оценки* (качественной и количественной). Выйти за пределы этого круга при создании рекламы, казалось бы, сложно. Однако это не так. Рекламное высказывание может представлять собой, например, *приказ: Квартуре – быть!* (инфинитив вносит параметр нормы и – в данном случае – необсуждаемости, так как норму обсуждать незачем).

Копирайтеры нечасто позволяют себе использовать целые *последовательности единиц коммуникативного уровня*, но их присутствие в рекламном тексте увеличивает вероятность возникновения примечательного эффекта «подслушанного разговора».

Много вакансий, ну прям очень. (Авито)

В этой имитации живой диалогической реплики в отсутствие подлинного диалога тем не менее появляется говорящий, появляется определенным образом оцениваемая им позиция слушающего и квалификация ситуации, в которой они оба находятся. *Ну* сообщает о том, что говорящий вводит свою информацию, стремясь соответствовать ожиданиям слушающего ('я говорю это, *реагируя на твои ожидания*'). Далее сформировано значение 'количество вакансий не соответствует прецедентной норме (ранее никогда столько не было / я не видел) (*прямо*), превосходит норму (*очень*)'. Возникает образ говорящего, который постоянно отслеживает новые вакансии на сайте Авито (чтобы сложилось представление о прецедентной норме, требуется наблюдение в течение определенного срока), и образ собеседника, который *ждет* от говорящего уточнений, имеет некоторые ожидания на этот счет.

Характеристики говорящего и слушающего вполне конкретны; их становится достаточно для того, чтобы очередной прохожий, читающий это рекламное сообщение, *не смог проассоциировать себя ни с одним из собеседников*. Происходит *раздвоение адресата*. Прекрасно сознавая, что реклама как таковая призвана воздействовать именно на него, человек тем не менее воспринимает высказывание как адресованное другому, вырванное из контекста, долетевшее до него случайно. Это отличает последний пример от рекламы типа «В Петербурге нужно увидеть всех львов» и т.п., в коммуникативном плане достаточно абстрактной.

Еще пример, немедленно порождающий в сознании носителя языка образы говорящего и слушающего, при чем достигается упомянутый эффект «подслушанного разговора»:

«Так и ходи» (парикмахерская для кудрявых, Петербург)

Целеустановка высказывания легко определяется как *совет с оттенком одобрения*. Так говорит о соответствии полученной визуальным путем информации (новая стрижка / прическа) представлениям говорящего о норме и бенефактивных следствиях из этого; *и* – соответствие аналогии («продолжай появляться повсюду в виде, аналогичном тому, который ты мне сейчас демонстрируешь, то есть с этой удачной стрижкой»), *императив (ходи)* – «говорящий желает каузировать определенные действия слушающего, воздействуя на его позицию».

Носитель русского языка на основании этих интуитивно считываемых им параметров легко достроит в данном случае в уме образы говорящего со слушающим и ситуацию (интимизация, близкий регистр общения – близкородственное или дружеское общение, позитивное отношение говорящего к слушающему и к объекту обсуждения – стрижке, стремление говорящего каузировать бенефактивное для слушающего развитие событий и др.). У иностранцев это предсказуемо вызовет затруднения.

Рассмотрим примеры социальной рекламы, направленной против вейпов, где реализуются целеустановки *сомнения, предостережения, недоверия, иронии* (совершенно, казалось бы, «не рекламные»). Неожиданной силой воздействия наделяет такую рекламу именно впечатление «случайно подслушанной реплики из чужого разговора».

О как, пахнет жвачкой, а по лестнице стало тяжелее подниматься.

(Электронные сигареты ничем не лучше. Бросай и не парься).

О – несоответствие предположений говорящего обретенному им твердому знанию, *как* – прежняя ложная неосведомленность говорящего о наличии такого варианта развития ситуации; *а* – вход говорящего в новую ситуацию после знакомства с предыдущей. Маркируется псевдонезнание говорящего, так как все три коммуникативные единицы служат формированию иронии ('якобы до сего дня не знал, якобы только что узнал про такой вариант и осмысляю новую ситуацию').

Знаешь, никотин электронный, а кашель-то аналоговый.

Знаешь – следуя нормам социума, говорящий не хотел бы огорчать собеседника, но по тем же нормам социума он должен сказать небенефактивную для него правду; *а* – ввод слушающего в новую ситуацию, *-то* – реализованная ситуация не соответствует представлению о ней слушающего, что затрагивает его интересы и его личную сферу.

Ну да, понятно, табак не горит, а электронно нагревается, только почему-то с сосудами проблемы.

Начальное *ну* в *вынужденном согласии* – говорящий соглашается под давлением ожиданий собеседника, *да* – 'введенная тобой информация (о том, что табак не горит) адекватна действительности', *только* – 'реализованность одной ситуации, вроде бы бенефактивной для тебя, при фоновой реализованности также и другой, небенефактивной и не соответствующей твоим интересам', *-то* – 'отклонение реализованного варианта (проблемы с сосудами) от нормы'.

При раздвоении адресата действенность рекламы предположительно становится выше, поскольку критичность восприятия информации снижается ('это сказано не мне, а кому-то, и мне незачем искать в этих словах подвох'), а субъективная ценность «подслушанного» невольно повышается ('говорили не со мной, но при мне, я в силу везения подслушал что-то, возможно, полезное'). Обратимся к примеру:

Мясо на завтрак? Оу да! (кофейня «Зелёные люди», Петербург)

О – несоответствие предполагаемого обретенному знанию ('я не предполагал, что здесь можно позавтракать мясом, но теперь я это знаю'). *У* (в составе *оу*) – отсутствие у говорящего предшествующего представления о подобной степени качества ('не представлял, что есть кофейня с настолько хорошими предложениями'), причем полученная информация влияет на дальнейшие действия говорящего. *Да* – полная адекватность предложения (съесть мяса на завтрак) собственной позиции говорящего и ситуации.

Текст рассчитан на восприятие его как высказывания, случайно выхваченного из разговора. «Мясо на завтрак?» – ответная реплика-реакция, повторение слов собеседника перед началом ответа. «Оу да!» – *согласие* либо *подтверждение*, совмещенное с *выражением восторга*. Слова собеседника, оставшиеся за кадром, могут достраиваться как *вопрос* («А ты вообще как относишься к мясу на завтрак? Одобряешь?»), как *предложение* («Не хотите ли мяса на завтрак?», «А как насчёт мяса на завтрак?»), как *угощение* («А вот мясо, попробуйте, пожалуйста, не стесняйтесь») и др. Ответ же, представленный в рекламе, характеризует говорящего как человека, который давно искал, где можно поесть мяса на завтрак, уже изверился и отчаялся и вдруг наткнулся на место, соответствующее его нетипичным запросам. Заметим, что без использования коммуникативных средств понадобилось бы чрезвычайно много усилий и большой объем текста, чтобы передать такой комплекс смыслов, тогда как работа русским коммуникативным кодом позволяет свернуть всю эту информацию в последовательность из двух кратких структур.

У прохожего, видящего рекламу, складывается впечатление, будто он подслушал маленький фрагмент живой уличной сценки. Такой плакат не вызывает раздражения, желания скорее отмахнуться от насильно навязываемых смыслов: *случайно подслушанный чужой разговор* (под который мимикрирует реклама) заведомо никому не навязывается, даже наоборот. Если проводить аналогию с жизнью, никто не хватает прохожего за рукав, расхваливая товар; вместо этого он улавливает обрывок разговора, не предназначенного для его ушей, где незнакомец хваста-

ется кому-то удачной покупкой, находкой и др. Ценность информации во втором случае заведомо выше.

Таким образом, использование коммуникативных единиц и конструкций в письменном рекламном тексте способно создать два различных эффекта: 1) эффект *вовлечения адресата в ситуацию* и 2) эффект *«подслушанного разговора»*.

Вовлечение адресата в ситуацию возможно как через область *личного* (параметры *соответствия интересам или личным нуждам слушающего, действия в интересах слушающего, учета его личных интересов, затронутости его личной сферы, бенефактивности для собеседника, реализованности бенефактивного для него варианта развития ситуации, включенности слушающего в личную сферу говорящего* и др.), так и путем *апелляции к нему как к члену социума / мини-социума*.

Во втором случае, когда формируется эффект *«подслушанного разговора незнакомцев»*, коммуникативные параметры средств и даже сами целеустановки могут быть предельно разнообразными. Главная особенность такой рекламы в *раздвоении адресата* при восприятии информации.

Иностранные студенты, погруженные в среду изучаемого языка, оказываются буквально со всех сторон окружены русскоязычной письменной рекламой. И если с переводом номинативных текстов типа *«Летние скидки»* или *«Печём по бабушкиным рецептам»* студент справится самостоятельно, то любая коммуникативная структура, как было показано выше, требует объяснений из области семантики, которые невозможно извлечь из существующих словарей. С большинством этих структур по понятным причинам не справляются также онлайн-переводчики. Нетрудно предположить, что именно этот материал учащиеся станут приносить преподавателю РКИ *«на расшифровку»*. Наиболее частотные целеустановки в письменной рекламе с коммуникативной дорожкой относятся к коммуникативному типу *волеизъявления* или к эмоциям. Отметим, что как русское волеизъявление, так и русское выражение эмоций предельно типологичны.

Таким образом, обращая внимание студентов на материал современной письменной рекламы, преподаватель РКИ может познакомить их с базовым устройством русской коммуникатив-

ной системы, переходя от целеустановок к конструкциям, а от конструкций – к конкретным средствам с их инвариантными параметрами. При этом ему предоставляется возможность связать письменные высказывания со звучанием (с опорой на описание системы русской интонации, предложенное Е.А. Брызгуновой). Смыслы, передаваемые коммуникативной дорожкой рекламного текста (такие, как учет личных интересов адресата, затронутость личной сферы говорящего или слушающего, реализованность благоприятного для слушающего варианта развития ситуации и др.), чрезвычайно востребованы в русскоязычном устном общении. Переход иностранных учащихся с уровня «запомни» на уровень «пойми», профессиональное овладение русской коммуникативной семантикой обеспечит им заметное преимущество при дальнейшей работе в области перевода, преподавания языков, литературоведения и лингвистики.

Литература

- Безяева М.Г.* Коммуникативная семантика как объект филологического исследования // *Филология вечная и молодая.* М., 2012. – С. 63–78.
- Безяева М.Г.* Коммуникативное поле как единица языка и текста // *Слово. Грамматика. Речь.* Вып. XV. М., 2014. – С. 101–118.
- Безяева М.Г.* Коммуникативное поле нормы в звучащем тексте // *Русский язык за рубежом.* № 3. 2017. – С. 24–30.
- Безяева М.Г.* Русский повтор как средство коммуникативного уровня языка (материалы к словарю коммуникативных средств) // *Stephanos.* Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 6 (20), 2016. – С. 83–115.
- Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. – 752 с.
- Безяева М.Г.* Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // *Слово. Грамматика. Речь.* Вып. VII. М., 2005. – С. 105–129.
- Брызгунова Е.А.* Интонация // *Русская грамматика.* Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982. – 1492 с.
- Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. – 116 с.
- Коростелева А.А.* Коммуникативная композиция в звучащем художественном кинодиалоге с документальной основой // *Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания.* Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 14. М., 2018. – С. 121–138.

Anna A. Korosteleva
PhD, Associate Professor,
Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University
korosteleva.a@gmail.com

**ON THE RUSSIAN COMMUNICATIVE MEANS' FUNCTIONAL ROLE IN
WRITTEN ADVERTISING
(IN THE ASPECT OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE STUDIES)**

The research is carried out by the method of semantic communicative analysis. The paper considers the material of modern written advertising of a new type. It discusses the functioning of Russian communicative units (particles, interjections, a number of pronouns and adverbs with a communicative component in semantics, as well as syntactic techniques). Two main communicative effects are described, which the creator of advertising achieves by including a communicative track in his text: the effect of deep involvement of the addressee in the situation and the effect of "overheard conversation".

Advertising texts of a new type open up additional opportunities for discussing the Russian communicative track in a foreign-speaking audience. The article shows how the analysis of this material is divided into three stages of variation: the choice of the target setting, shades of meaning of communicative constructions, implementations of semantic parameters of the means included in these constructions.

Keywords: communicative semantics of the Russian language, invariant parameters of communicative means, advertising text, communicative track in written text

Сапунова Александра Витальевна

кандидат филологических наук
преподаватель кафедры русского языка
для иностранных учащихся
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
eeyu@mail.ru

ВХОЖДЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ ГРУППА СО ЗНАЧЕНИЕМ КОЛЛЕКТИВА В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

В статье представлены три ЛСГ, в которые входит ЛСВ лексемы *группа* в значении ‘совокупность людей, объединённых общностью интересов, профессии, деятельности’, т.е. в значении коллективного людского множества: ‘рабочая группа’, ‘учебная группа’ и ‘семья’. Определяются общие категориально-лексические семы и дифференциальные семы каждой ЛСГ.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексико-семантический вариант, многозначность, коллективные совокупности (множества), дифференциальные семы.

DOI: 10.29003/m4133.WGS_XXIII/73-80

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) – одна из основанных форм группировки лексики при обучении русскому языку как иностранному. Впервые понятие «лексико-семантическая группа слов» было выдвинуто В.В. Виноградовым, наряду с термином «лексико-семантическая система языка» [Виноградов 1977].

Являясь одним из компонентов лексико-семантической системы, это понятие представляет собой наиболее ясную форму репрезентации лексики как системы. Оно активно разрабатывается и используется в научной литературе. Его рассматривали такие лингвисты как В.В. Виноградов, Ю.Д. Апресян, Ф.П. Филин, А.А. Уфимцева, Э.В. Кузнецова, И.П. Слесарева и многие другие. Однако единого определения ЛСГ не существует до сих пор.

И.П. Слесарева определяет ЛСГ «как языковую и психологическую реальность, принципиально вычленимое объединение слов, члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются однородностью смысловых отноше-

ний – отношений смысловой близости по синонимическому типу» [Слесарева 90: 53]. Она указывает на то, что «слова входят в ЛСГ не всем объемом своей семантики, а лишь одним из значений (ЛСВ), поэтому многозначное слово может входить в разные ЛСГ» [Слесарева 90: 53].

Описываемая в этой статье лексема *группа* отличается многозначностью. Один из ЛСВ этой лексемы имеет значение ‘совокупность людей, объединённых общностью интересов, профессии, деятельности’, т.е. она может называть коллективы людей. Коллективные множества – это совокупности, объединяющие людей на основе их общей деятельности или определенных социальных отношений. Члены такого множества могут играть разные роли в коллективе и взаимодействовать друг с другом. И хотя по многим своим характеристикам члены коллективного множества отличаются друг от друга (один из членов множества может даже выделяться в качестве лидера), можно говорить о целевой однородности членов коллектива, поскольку у коллектива одна общая цель.

ЛСВ лексемы *группа* в значении ‘совокупность людей, объединённых общностью интересов, профессии, деятельности’, т.е. коллективное людское множество, входит в несколько ЛСГ: ‘рабочая группа’, ‘учебная группа’ и ‘семья’.

Лексико-семантическая группа ‘рабочая группа’

Языковые единицы входящие в ЛСГ ‘рабочая группа’ являются номинациями людских коллективных множеств. Они представляют собой, например, существительные (*администрация, делегация, жюри, канцелярия, кафедра*). Лексема *группа* входит в эту ЛСГ в составе атрибутивных словосочетаний (*агитационная группа, волонтерская группа, депутатская группа, инициативная группа, спасательная группа, рабочая группа, инженерная группа, контактная группа*). Общую категориально-лексическую сему ЛСГ ‘рабочая группа’ можно определить как ‘люди, работающие вместе’.

Базовыми словами данной ЛСГ являются слово *коллектив* и словосочетание *рабочая группа*, для значения которых свойственны обобщенность и малосодержательность.

Одной из дифференциальных сем, уточняющей общую категориально-лексическую сему языковых единиц, входящих в

данную ЛСГ, является сема, определяющая сферу деятельности людей, работающих вместе. Опираясь на данную дифференциальную сему, мы можем выделить в ЛСГ ‘рабочая группа’ несколько подгруппы, которые в свою очередь тоже подразделяются на более частные подгруппы.

Первая большая подгруппа ЛСГ ‘рабочая группа’ – это ‘военные и военизированные группы’, т.е. группы людей, сфера деятельности которых связана с армией и которые представляют различные военные единицы, формирования, подразделения (*знаменная группа, пилотажная группа, саперная группа, штурмовая группа*) или частные военные компании (*ЧВК*) и другие военизированные структуры. Одной из таких военизированных структур является полиция (*оперативная группа, следственная группа, оперативно-следственная группа, следственно-оперативный группа, розыскная группа, дежурная группа, патрульная группа, группа немедленного реагирования*).

Вторая большая подгруппа – это ‘творческие коллективы’, т.е. группы людей, занимающихся творческой деятельностью (*литературная группа, клоунская группа*). Основываясь на видах творческой деятельности, можно выделить такие более частные подгруппы, как ‘музыкальная группа’ (*музыкальная группа, поп-группа, рок-группа, вокальный группа, эстрадный группа, рэперская группа, попсовая группа*); ‘театральная группа’ (*постановочная группа, марионеточная группа, петрушечная группа*); ‘танцевальный группа’ (*танцевальный группа, плясовая группа, хореографический группа*); ‘съёмочная группа’ (*киносъёмочная группа, режиссерская группа, операторская группа, съёмочный группа, телевизионная группа*) и др.

Третья подгруппа – ‘криминальная группа’, т.е. группы людей, занимающихся нелегальной деятельностью (*криминальная группа, преступная группа, террористическая группа, бандитская группа, хулиганская группа, группа лиц*).

Четвертая подгруппа – ‘спортивные коллективы’, т.е. группы людей, занимающихся спортом, спортивной деятельностью (*защита, команда, сборная*).

Пятая подгруппа – ‘политическая группа’, т.е. группы людей, занимающихся политической деятельностью (*революцион-*

ная группа, оппозиционная группа, анархистская группа, анти-советская группа, радикальная группа).

У многих номинаций ЛСГ ‘рабочая группа’ присутствует сема ‘профессиональная деятельность’ и большинство номинаций называют коллективы, получающие зарплату, т.е. группы профессионалов, но ср. *волонтерская группа*.

Важной повторяющейся дифференциальной семой является сема, указывающая на цель совместно выполняемой работы. В случае лексем *группа* эта дифференциальная сема может получать свое выражение в прилагательном, согласованном с лексемой (*агитационная группа, инициативная группа, проектная группа, спасательная группа, поисковая группа*).

Номинации коллективного множества с лексемой *группа* соотносимы с номинацией лидера совокупности (*музыкальная группа – фронтмен, учебная группа – староста*). Они могут сочетаться или быть названы именами собственными (*команда «Спартак», группа «Любэ»*).

Лексико-семантическая группа ‘учебная группа’

ЛСВ лексем *группа* в значении ‘совокупность людей, объединённых общностью интересов, профессии, деятельности’ может входить в ЛСГ ‘учебная группа’.

Отметим, что, например, в четырехтомном «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова выделяется отдельный ЛСВ лексем *группа* со значением «объединение нескольких лиц для каких-н. общих занятий. *Г. Для изучения английского языка.* || То же, что класс, отделение в средней школе (нов.). *Младшая г.*» [Ушаков: 1935-1940], однако в четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой это значение («Объединение нескольких лиц для совместных занятий. *Группа, изучающая французский язык. Старшая и младшая группы в детском саду*» [Евгеньева: 1999]) описывается как оттенок значения «Совокупность лиц, связанных общей целью, идеей, работой и т. п.» [Евгеньева: 1999].

В ЛСГ ‘учебная группа’ входят номинации людских коллективных множеств: существительные (*класс, семинар, ясли*), атрибутивные словосочетания, в том числе словосочетания с лексемой *группа* (*учебная группа, институтская группа, студенческая группа*). Общую категориально-лексическую сему

ЛСГ ‘учебная группа’ можно определить как ‘люди, занимающиеся вместе’.

В качестве базовых слов можно рассматривать слова *класс*, *группа* и словосочетание *учебная группа*, значения которых отличаются обобщенностью и малосодержательностью. См. определение понятия *учебная группа*: «определенное число лиц с примерно одинаковым уровнем подготовки, изучающих одно и то же в одно и то же время под руководством одних и тех же преподавателей на протяжении одинакового для всех периода; обособленная часть контингента образовательного учреждения, являющаяся для ее членов первичным коллективом» [Вишнякова: 1999].

Важной повторяющейся дифференциальной семой, уточняющей общую категориально-лексическую сему языковых единиц, входящих в данную ЛСГ, является сема, указывающая на учебное заведение. Опираясь на данную дифференциальную сему, мы можем выделить в ЛСГ ‘учебная группа’ такие подгруппы, как ‘учебная группа в детском саду’ (*детсадовский группа*, *ясли*, *ясельная группа*), ‘учебная группа в школе’ (*класс*), ‘учебная группа в вузе’ (*студенческая группа*) и учебная группа / кружок, т.е. группа, занятия которой проходят внеурочное время (*компьютерная группа*, *спортивная группа*). У некоторых номинаций присутствует сема ‘изучаемый предмет’ (*английская группа*, *медицинская группа*).

Для подгруппы ‘учебная группа в детском саду’ характерны дифференциальные семы с указанием на возраст детей (*старшая группа*, *средняя группа*, *младшая группа*, *дошкольная группа*), на время их пребывания в детском саду (*кратковременная группа (или ГКП)*, *дневная группа*). Дифференциальные семы, связанная с указанием на возраст детей, связана и с подгруппами ‘учебная группа в школе’ (*первый класс*, *девятый класс*) и ‘учебная группа в вузе’ (*группа первого курса*).

Как показывают примеры, в случае атрибутивных словосочетаний с лексемой *группа*, входящими в ЛСГ ‘учебная группа’ все эти дифференциальные семы будут получать свое выражение в прилагательном, согласованном с лексемой *группа*, либо в атрибутивных словосочетаниях другого типа (*группа второго курса*).

В некоторых номинациях встречается сема ‘формат занятия’ (*экскурсионная группа, дискуссионные группы, психотерапевтическая группа, терапевтическая группа, психологическая группа*).

В лексических значениях отдельных слов рассматриваемой группы представлены семантические компоненты, не повторяющиеся в других словах, к таким уникальным семам можно отнести сему ‘общность изучаемого материала’ (*параллельная группа (из параллельной группы) и параллельный класс*, т.е. группы и классы, в которых осуществляется обучение детей одного возраста по одинаковым программам).

Лексико-семантическая группа ‘семья’

Третье ЛСГ, в которое входит лексема *группа* в своем ЛСВ ‘совокупность людей, объединённых общностью интересов, профессии, деятельности’ – это ЛСГ ‘семья’, которая включает номинации людских коллективных множеств, относящихся к сфере семейных отношений. ЛСГ ‘семья’ указывает на родственные отношения между членами множества, их близость. Общую категориально-лексическую сему ЛСГ ‘семья’ можно определить как ‘группа людей, связанных кровным родством или близостью’.

Лексема *группа* входит в данную ЛСГ в составе атрибутивных словосочетаний: *семейная группа, родственная группа, племенная группа*. Базовым словом ЛСГ ‘семья’ является слово *семья* и словосочетание *семейная группа*. Называемые данными номинациями коллективные множества могут состоять из супругов или одного из них и детей, а могут быть расширенными и в таком случае включать в себя и прямых родственников, например, родителей каждого из супругов, т.е. это малая социальная группа, состоящая из членов семьи, связанных между собой отношениями брака, родства или иных связей (например, адопции).

Таким образом, одной из дифференциальных сем, которая уточняет общую категориально-лексическую сему языковых единиц, входящих в данную ЛСГ, является сема, указывающая на степень родства между членами семьи. Ср., например, атрибутивные словосочетания *родственная группа (Материнская семейная община – родственная группа, состоящая из 4–5 по-*

колений потомков одной женщины) и племенная группа (**Вене-ты** – название, использующееся для обозначения нескольких **племенных групп**, существовавших на территории Европы в конце I-го тыс. до н.э.), называющие группы людей, объединенные на основе общего происхождения, языка, религии, традиций, обычаев.

Отметим, что атрибутивные словосочетания с лексемой *группа* могут быть многозначны сами по себе. Ср., например, *дежурная группа*: *В штабе военного округа сформирована дежурная группа с участием представителей Национального антитеррористического комитета, ФСБ и МВД (ЛСГ ‘военные и военизированные группы’) и Подчеркивается, что в детских садах в этот период будут организованы дежурные группы (ЛСГ ‘учебная группа’); медицинская группа: Источник в Минобороны подтвердил «Известиям», что сейчас ожидаются соответствующие решения руководства об оснащении военных медицинских групп этим оборудованием (ЛСГ ‘военные и военизированные группы’) и В нем приняло участие около 15 тысяч шестиклассников и более 8 тысяч десятиклассников, занимающихся физкультурой в основной медицинской группе (ЛСГ ‘учебная группа’); семейная группа (Древние краски превосходно сохранились, каменные люди сидели и стояли в самых свободных позах, среди них были принцы и простые писцы, семейные группы и одиночки (ЛСГ ‘семья’) и “Семейная группа” – одна из новых форм организации дошкольного образования, активно пропагандируемая на государственном уровне; Так как возрастной состав семейной группы различен, соответственно режим дня должен разрабатываться индивидуально, в зависимости от особенностей группы. (ЛСГ ‘учебная группа’).*

Таким образом, ЛСВ со значением коллектива – одно из важных значений лексемы *группа*. Данное ЛСВ входит в несколько ЛСГ: ‘рабочая группа’, ‘учебная группа’ и ‘семья’. Дифференциальные семы, связанные с ЛСГ, обычно выражаются в согласованном с лексемой *группа* прилагательном или с помощью атрибутивных сочетаний другого типа.

Литература

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография, Избранные труды, М.: Наука, 1977. – 312 с.

Вишнякова С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М.: НИЦ СПО, 1999.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru.

Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 176 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. Ин-т «Сов. Энцикл.»; ОГИЗ; Гос. Изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.)

Alexandra V. Sapunova

PhD, Teacher

the Department of Russian Language for Foreign Students

the Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia

eeya@mail.ru

THE LEXEME *ГРУППА* WITH THE MEANING OF COLLECTIVE AS A PART OF LEXICO-SEMANTIC GROUPS

The article describes three lexico-semantic groups that include the lexico-semantic variant of the word *группа* with the meaning ‘set of people with common interests, profession, activities’, i.e. with the meaning of people collective: ‘working group’, ‘study group’ and ‘family’. The common categorical lexical semes and differential semes of each lexico-semantic group are given.

Keywords: lexico-semantic group, lexico-semantic variant, polysemantics, collective sets, differential semes.

Сапунова Александра Витальевна

кандидат филологических наук
преподаватель кафедры русского языка
для иностранных учащихся
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
eeya@mail.ru

Вань Цзыи

магистрантка
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
Панджин, Китай
1134135030@qq.com

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ЛЕКСЕМЫ ГРУППА (ЛСГ ‘РАБОЧАЯ ГРУППА’ И ‘УЧЕБНАЯ ГРУППА’)

В данной статье рассматриваются синтагматические связи атрибутивных словосочетаний с лексемой *группа*, входящих в ЛСГ ‘рабочая группа’ и ‘учебная группа’, т.е. словосочетаний, называющих коллективные людские множества.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, синтагматические связи, коллективные множества, рабочая группа, учебная группа.

DOI: 10.29003/m4134.WGS_XXIII/81-91

Изучение синтагматических связей слов, входящих в одну лексико-семантическую группу (ЛСГ), имеет большое значение. Так, Л.Г. Бабенко рассматривает ЛСГ как «объединение лексических единиц, обладающих сходными парадигматическими, синтаксическими и функциональными свойствами» [Бабенко 1990: 30].

Э.В. Кузнецова при определении понятия ЛСГ также подчеркивает, что «будучи соотнесенными с определенным кругом сходных явлений в качестве их названий, слова одной группы объединяются не только этим внелингвистическим фактором. Они обладают рядом общих лингвистических характеристик» [Кузнецова 1989: 75].

В своем учебном пособии «Лексикология русского языка» Э.В. Кузнецова описывает целый ряд важных для выделения

ЛСГ параметров: принадлежность слов ЛСГ к одной части речи, наличие общих грамматических сем, наличие общей категориально-лексической семы. Она обращает внимание и на то, что «сходство слов, относящихся к одной лексико-семантической группе, проявляется в однотипности их синтагматических характеристик» [Кузнецова 1989: 79]. Э.В. Кузнецова указывает, что «в сфере имен существительных в рамках определенных семантических групп также проявляется специфика синтаксических признаков (типовая сочетаемость и типовое функционирование)» [Кузнецова 1989: 80].

Таким образом, синтагматические характеристики включаются в круг вопросов лексикологии, и, как пишет И.П. Слесарева, «при коммуникативно направленном описании лексики они (стороны языка традиционно, относящиеся к области синтаксиса – А.С.) рассматриваются как один из главных компонентов модели лексического значения, собственно конструирующих такую модель: значение выступает в этом случае как двусторонняя сущность, обращенная к языку (системе) и речи (реализации системы)» [Слесарева 1990: 23]. И.П. Слесарева обращает внимание на то, что «под обучением лексике следует понимать не обучение словам, а обучение функционированию слова в речи, поскольку в лексическое значение слова входят в качестве его структурных характеристик синтагматические связи слов» [Слесарева 1980: 17].

Сходство слов, относящихся к одной ЛСГ, может проявлять в схожести их синтагматических связей, при этом их расхождение отразится в различии синтагматических связей отдельных элементов ЛСГ (например, ЛСГ глаголов ‘пользования (пользоваться, использовать, применять, употреблять) [Слесарева 1990: 110-111].

В своей статье мы анализируем синтагматические связи словосочетаний с лексемой *группа*, входящих в ЛСГ ‘рабочая группа’ и ‘учебная группа’. Лексема *группа* многозначна. Среди ЛСВ этой лексемы есть ЛСВ со значением ‘совокупность людей, объединённых общностью интересов, профессии, деятельности’. Данное ЛСВ лексемы *группа* со значением коллективного множества входит в несколько ЛСГ, в том числе ЛСГ ‘рабочая группа’ и ‘учебная группа’.

Синтагматические связи лексем ЛСГ ‘рабочая группа’

Сходство слов, относящихся к ЛСГ ‘рабочая группа’, проявляется в однотипности их синтагматических связей, которые отражают общие характеристики обозначаемых совокупностей.

Словосочетания с лексемой *группа*, входящие в ЛСГ ‘рабочая группа’, чаще всего употребляются с глаголами ЛСГ ‘глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда’: *создавать (создать), формировать(сформировать), образовывать (образовать), составлять* [Бабенко: 1999]. В таком случае данные словосочетания занимают место прямого дополнения, они стоят в форме Вин. п. и являются объектами создания. Перечисленные глаголы могут использоваться как синонимы.

Также словосочетания с лексемой *группа* используются с глаголами ЛСГ ‘глаголы начала существования’: *появляться(появиться), становиться, создаваться, возникать(возникнуть), организовываться, образоваться* [Бабенко: 1999]. В таком случае словосочетания занимают место подлежащего, стоят в форме Им. п. и называют то, что начинает существовать. Перечисленные глаголы могут использоваться как синонимы.

Еще одним глаголом, часто встречающимся в контекстах со словосочетаниями с лексемой *группа*, называющими коллектив, является глагол *участвовать*. Частотность такого употребления связана с тем, что данный глагол связан с идеей и номинацией членов множества (например, *члены правительства участвовали в рабочей группе по экономическому развитию*). В таком случае словосочетания с лексемой *группа*, называющее коллектив, стоит в Пред. п. (*участвовать в рабочей группе, в общественной группе, в экспертных группах*).

Кроме того, словосочетания с лексемой *группа* могут использоваться с отглагольными именами существительными, которые образуются от перечисленных выше глаголов, т.е. глаголов ЛСГ ‘глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда’, глаголов ЛСГ ‘глаголы начала существования’ и глагола *участвовать* (*формирование экспертных групп, формирование депутатской группы, создание правительственной группы, создание волонтерской группы, существование общественной группы, участие в рабочей группе*).

В контекстах с называющими коллективы словосочетаниями, содержащими лексему *группа*, используются и некоторые другие глаголы, например, **выбрать** инициативную группу, **зарегистрировать** инициативную группу, **культивировать** общественные группы, **инициировать** рабочую группу, а также **мобильные группы функционируют**.

Синтагматические связи ЛСГ ‘рабочая группа’ отражают характеристики обозначаемых совокупностей. Как уже было показано на примере глагола *участвовать*, в синтагматических связях ЛСГ ‘рабочая группа’ может подчеркиваться дискретность множества и содержаться указание на членов множества. Ср. также глагол *состоять* (инициативная группа **состоит из 3-5 человек**).

Словосочетания с лексемой *группа*, входящие в ЛСГ ‘рабочая группы’, часто сочетаются с существительными со значением лица в форме Род. п. мн. ч. (*волонтерская группа доноров*, *инженерная группа сварщиков*) или с существительными со значением людского множества (*общественная группа интеллигенции*), а также с предложно-падежной группой *из* + существительное со значением лица в форме Род. п. мн. ч. (*инициативная группа из офицеров*) и *в составе* + существительное со значением лица в форме Род. п. мн. ч. (*межведомственная группа в составе сотрудников*). Предложно-падежная группа с предлогом *в составе* может включать числительные и содержать таким образом указание на число членов множества (*депутатская группа в составе двух человек*). Для указания на количество членов множества используются также предложно-падежные конструкции: *в количестве* +, *в числе* +, *по* + Вин. п. (*инициативная группа в количестве (в числе) 11 человек*, *инициативная группа по 5-10 человек*).

В синтагматике может содержаться указание не только на количество членов множества, но и на их сходные характеристики, см. *туристическая группа из Китая*, т.е. туристическая группа, состоящая из граждан Китая.

Во многих коллективных множествах среди его членов выделяется лидер, что также находит свое отражение в синтагматике словосочетаний с лексемой *группа*, входящих в ЛСГ ‘рабочая группа’. Для данных сочетаний характерно использование с существительным со значением лица в форме Род. п. ед. ч.

(*рабочая группа вице-преьера* + фамилия, *группа физика-ядерщика* + фамилия, *преступная группа бизнесмена* + фамилия, *группа тренера* + фамилия, *съёмочная группа режиссера* + фамилия). Некоторые множества формируются вокруг лидера, который сам может не являться членом множества (*инициативная группа кандидата*).

Одной из главных особенностей коллективных совокупностей является наличие общей цели, задачи, которая стоит перед членами множества. Указание на цель множества зачастую содержится в синтагматике словосочетаний с лексемой *группа*, входящими в ЛСГ ‘рабочая группы’.

Данные словосочетания сочетаются с отглагольными существительными со значением действия в Род. п., а также в предложно-падежных конструкциях *по* + Дат. п., *для* + Род. п. (*депутатская группа дружбы*, *волонтерская группа по поддержке*, *инициативная группа для контроля*), возможно также использование предложно-падежной конструкции *в* + Вин. п. (*депутатская группа в поддержку*).

Они также сочетаются с предложно-падежными конструкциями *по* + Дат. п., где существительные обозначают объект действия (*правительственная группа по проблемным вопросам*, *межведомственная группа по национальным отношениям*, *межведомственная группа по тарифам*). Ср. также стилистически различающиеся словосочетания *контактная группа по урегулированию конфликта в Донбассе* и *контактная группа по Донбассу* (разг.), где в предложно-падежной конструкции *по* + Дат. п. используется существительное со значением географического объекта.

При номинации людских множеств словосочетаниями с лексемой *группа*, входящими в ЛСГ ‘рабочая группы’, с помощью синтагматических связей могут быть представлены и другие характеристики множества. Например, подобные номинации могут сочетаться с существительными со значением географических объектов в форме Род. п. либо в составе предложно-падежной конструкции *в* + Пред. п., *из* + Род. п. (*общественная группа Москвы*, *инициативная группа в Осиеке*, *общественная группа из города*).

При номинации людских множеств словосочетаниями с лексемой *группа*, входящими в ЛСГ ‘рабочая группы’, в синтагматических связях отражаются также и иерархические отношения, отношения единиц более высокого уровня и единиц более низкого уровня, поскольку небольшие коллективы входят в более крупные коллективы. В таком случае номинация небольшого коллектива будет сочетаться с номинацией более крупного коллектива в форме Род. п. или номинацией организации (*инженерная группа отряда, контактная группа ОБСЕ, инженерная группа компании*). Иерархические отношения между совокупностями могут быть выражены и с помощью предложно-падежных конструкций *от* + Род. п., *при* + Пред.п., *из* + Род. п. (*депутатская группа от ЛДПР, туристическая группа от Союза кинематографистов; межведомственная группа при Минфине и Минэкономразвития; поисковая группа из подразделения*).

Синтагматические связи ЛСГ ‘учебная группа’

Для слов, относящихся к ЛСГ ‘учебная группа’, также можно выделить однотипные синтагматические связи, которые связаны с некоторыми из характеристик обозначаемых совокупностей.

Словосочетания с лексемой *группа*, входящие в ЛСГ ‘учебная группа’, чаще всего используются с глаголами ЛСГ ‘глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда’: *создавать (создать), формировать (сформировать), образовывать (образовать)* [Бабенко: 1999 (*создать* дежурную группу, *создать* дополнительные группы, *создать* дошкольные группы). Активно используется и синонимичный им глагол *открывать (открыть)*: *открыть* дошкольную группу, *открыть* кратковременные группы, *открыть* дежурную группу. Также словосочетания с лексемой *группа* используются с глаголом *организовать*, входящим в ЛСГ ‘глаголы осуществления’: *организовать* подпольную студенческую группу, *организовать* дежурные группы, *организовать* учебную группу. В таком случае словосочетания с лексемой *группа* занимают место прямого дополнения и стоят в форме Вин. п., при этом словосочетания являются объектами создания.

Словосочетания с лексемой *группа* используются также с глаголами, входящими в ЛСГ ‘глаголы начала существования’: *появляться (появиться), создаваться, организовываться (появляются дежурные группы, организовывались подготовительные группы, создаются учебные группы)*. В таком случае словосочетания выступают в качестве подлежащего, стоят в форме Им. п. и называют то, что начинает существовать. Перечисленные глаголы могут использоваться как синонимы.

Кроме того, словосочетания с лексемой *группа* используются с отглагольными именами существительными, которые образованы от перечисленных выше глаголов: *создание дежурных групп, создание ясельных групп, создание дополнительных групп, открытие детсадовских групп, формирование учебных групп, организация учебной группы*.

Словосочетания с лексемой *группа* используются также с глаголом *посещать (посетить)*, входящим в ЛСГ ‘глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно конечного пункта’: ‘прибывать (прибыть) в какое-либо место пешком или на транспортном средстве, бывать (побывать) где-либо, у кого-либо недолгое время’ [Бабенко: 1999]: *посещать дежурную группу, посещать дошкольную группу, посещать младшую группу, посещать подготовительную групп*. Словосочетания с лексемой *группа* также стоят в форме Вин. п. См. также *записаться в спортивную группу, вести учебную группу «Декоративная роспись», переводить в старшую группу, поступить в подготовительную группу, участвовать в подпольной студенческой группе, пойти в учебную группу, включены в учебные группы*.

Синтагматические связи слов, входящих в ЛСГ ‘учебная группа’, отражают характеристики называемых словами совокупностей. Так, словосочетания с лексемой *группа* часто сочетаются с существительными со значением лица в форме Род. п. мн. ч. (*дополнительная группа студентов, младшая группа детей*) а также с предложно-падежной группой *для* + существительное со значением лица в форме Род. п. мн. ч. (*дополнительная группа для детей, дошкольная группа для малышей*).

Для обозначения количества членов множества используются предложно-падежные конструкции *из* + Род. п. (*студенче-*

ская группа *из 18 человек*), численностью *до* + Род. п. (*дежурная группа численностью до 12 человек, учебная группа численностью до 10 человек*), *по* + Вин. п. (*учебная группа по 20 человек*), *на* + Вин. п. (*ясельная группа на 60 детей*).

В синтагматике может отражаться не только количество членов множества, но и их характеристики. Например, рассматриваемые словосочетания могут сочетаться с существительным со значением возраста (*младшая группа 7-10 лет, младшая группа в возрасте от 2 до 3-х лет, подготовительная группа с 5-6 лет, подготовительная группа с шестилетними детьми*).

При номинации людских множеств словосочетаниями с лексемой *группа*, входящими в ЛСГ ‘учебная группы’, с помощью синтагматических связей могут быть представлены и другие характеристики множества. Словосочетания могут сочетаться с существительными со значением географических объектов в форме Род. п. или предложно-падежной конструкции *в* + Пред. п., *из* + Род. п. (*студенческая группа из Красноярска и Краснодара, ясельная группа в России, дошкольная группа Москвы*).

При номинации людских множеств словосочетаниями с лексемой *группа*, входящими в ЛСГ ‘учебная группы’, с помощью синтагматических связей могут быть представлены цели множества. В таком случае словосочетания сочетаются с существительным со значением ‘вид занятий и сфера деятельности’ в предложно-падежных конструкциях *для* + Род. п., *по* + Дат. п. (*медицинская группа для занятий физкультурой, спортивная группа по интересам*).

При номинации людских множеств словосочетаниями с лексемой *группа*, входящими в ЛСГ ‘учебная группы’, в синтагматических связях отражаются также и иерархические отношения. В таком случае словосочетания сочетаются с существительным со значением образовательного учреждения в форме Род. п. (*дежурная группа детских садов, детская группа этой школы, младшая группа дошкольного учреждения*). Иерархические отношения могут выражаться с помощью предложно-падежных конструкций *в* + Пред. п. и *при* + Пред. п. (*ясельная группа в учебных заведениях, учебная группа в колледжах и техникумах, подготовительная группа при материнских и начальных школах*).

Кроме того, поскольку людские коллективные множества, называемые представленными в ЛСГ 'учебная группа' номинациями, формируются вокруг определенного лица, «внешнего лидера», не входящего во множество, то эти номинации соотносятся с номинациями этого лица, что проявляется в их парадигматике и синтагматике. На этой основе можно выделить три подгруппы ЛСГ 'учебная группа': 'учебная группа в детском саду', 'учебная группа в школе', 'учебная группа в вузе'. Так, номинации подгруппы 'учебная группа в детском саду' соотносятся с номинацией *воспитатель*; номинации подгруппы 'учебная группа в школе' – с номинацией *учитель*; и номинации подгруппы 'учебная группа в вузе' – с номинацией *преподаватель*.

Эти соотношения могут выражаться и в синтагматике: *детская группа воспитательницы* + фамилия, *младшая группа под руководством воспитателя* + фамилия.

Отметим также обязательное наличие соотношения номинаций, входящих в ЛСГ 'учебная группа', с номинациями названий коллективных множеств. Номинации подгруппы 'учебная группа в детском саду' соотносятся с цифрой, обозначающей номер группы, а также с различными именами собственными (например, *группы «Ландыши», «Колокольчики», «Ромашки», «Одуванчики», «Васильки»*). Номинации подгруппы 'учебная группа в школе' соотносятся с комбинацией, состоящей из цифры и буквы (*1А, 2Б, 3В*). Номинации подгруппы 'учебная группа в вузе' – с цифрой (*группа 1*) или с порядковым числительным (*первая группа*). Для подобных номинаций характерно наличие официального названия или набора цифр, а также неофициального названия (номинации, имеющей стилистическую окраску «разг.»). В номинацию официального названия учебной группы включается указание на курс, а также на факультет, отделение или другие структурные подразделения вуза.

Таким образом, схожесть синтагматических связей номинаций, входящих в данные ЛСГ связана с необходимостью выражения особенностей называемого коллективного множества: указание на его членов, указание на целевую однородность множества, указание на лидера коллективного множества и т.д. При этом мы наблюдаем отличия в синтагматических связях словосочетаний с лексемой *группа*, относящихся к разным ЛСГ.

Литература

Бабенко Л.Г. Глагол в системе языка и речевой деятельности: Материалы научной лингвистической конференции. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 164 с.

Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. / Под. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с. Национальный корпус русского языка. 2003–2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru.

Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1980. – 184с.

Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 176 с.

Alexandra V. Sapunova
PhD, Lecturer
the Department of Russian Language for Foreign Students
the Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
eeya@mail.ru

Wan Ziyi
Magistracy,
the Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
Pan Jin, China
1134135030@qq.com

**SYNTAGMATIC RELATIONS OF THE LEXEME ГРУППА
WITHIN LEXICAL-SEMANTIC GROUPS 'WORKING GROUP' AND
'STUDY GROUP'**

The article analyzes syntagmatic relations of attributive collocations with the lexeme *группа* within Lexical-Semantic Groups 'Working Group' and 'Study Group', i.e. collocations naming collective human sets.

Keywords: lexical-semantic group, syntagmatic relations, collective sets, working group, study group.

Сергеева Ольга Михайловна

канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка для
иностранных учащихся филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
Россия, Москва
barsom@bk.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УМ»:
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПУТИ ЕГО
РЕАЛИЗАЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ**

В статье представлены главные направления комплексного изучения ЛСП «ум» как основы формирования элементов разносторонней коммуникативной компетенции иностранных учащихся.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лексико-семантическое поле «ум», лингводидактический потенциал, комплексное изучение, коммуникативная компетенция.

10.29003/m4135.WGS_XXIII/92-100

Представления об уме и глупости человека можно назвать ключевыми в культуре любого народа. Они ярко характеризуют национальную специфику мировосприятия. Эти представления заложены в самом языке, в его лексике, фразеологии, в пословицах и поговорках, в народных сказках; они определяют проблематику многих литературных произведений.

В практике обучения русскому языку как иностранному мы стремимся охватить разные языковые уровни (фонетику, лексику, морфологию, синтаксис, словообразование) и связать их в учебном процессе, который, в конечном счете, направлен на формирование у учащихся системного понимания изучаемого языка.

В данной статье ставится задача показать, что комплексное изучение ЛСП «ум» охватывает разные уровни языка и почти все аспекты изучения русского языка как иностранного и, таким образом, способствует формированию у учащихся системного представления о русском языке и – шире – о русской культуре.

В русском языке понятия ума и глупости получили широкое и многостороннее развитие.

В лексике эти понятия представлены многочленными рядами лексических единиц, выражающих тонкую градацию умственных способностей человека, его социального поведения, психического состояния. Мы различаем значения таких, например, прилагательных, как *умный, мудрый, разумный*, и таких прилагательных, как *глупый и неразумный*. Так, в словосочетании *разумное решение* прилагательное имеет значение «оптимальное с позиции здравого смысла», а в словосочетании *мудрое решение* прилагательное означает «опирающееся на жизненный опыт, верное в данной ситуации и не нарушающее нравственных основ».

Многочисленные лексические единицы, выражающие представление об уме, образуют обширное лексико-семантическое поле. Многие из языковых единиц, входящих в это поле, высокочастотны и универсальны, употребляются в различных ситуациях общения, их изучение дает возможность значительно обогатить словарь учащихся. Поэтапное включение данного материала в актив обучаемых предполагает прежде всего знакомство с наиболее важными лексико-семантическими группами, образующими центр лексико-семантического поля. Это следующие ЛСГ:

- 1) *неглупый, умный, разумный, мудрый, интеллектуальный, остроумный, сообразительный, мысленый* (значение признака);
- 2) *ум, разум, мудрость, интеллект, остроумие, сообразительность, мысленность* (значение отвлеченного признака);
- 3) *умник/умница, мудрец, разумник/разумница, интеллектуал* (значение лица – носителя признака);
- 4) *неумный, недалекий, неразумный, глупый, тупой, скудоумный, слабоумный* (значение признака);
- 5) *глупость, неразумность, тупость, скудоумие, слабоумие* (значение отвлеченного признака);
- 6) *глупец, глупыш/глупышка, тупица, дурак, недоумок* (значение лица – носителя признака);
- 7) *сумасшедший, безумный, полоумный, помешанный* (значение признака);
- 8) *сумасшедший (сущ.), безумец, умалишённый* (значение лица – носителя признака);

9) *умнеть, мудреть, глупеть, тупеть, дуреть* (значение приобретения признака).

Рассматривая вопрос о синонимических и антонимических отношениях внутри рассматриваемого лексико-семантического поля, следует обращать внимание на сочетаемость слов. Это касается прежде всего прилагательных. Необходимо также указать, что прилагательными *сообразительный, смысленный; слабоумный, полоумный, помешанный* определяют только существительные, обозначающие лицо.

При изучении лексико-семантических групп используются различные способы семантизации лексики. Для семантизации отдельных лексических единиц, принадлежащих к ЛСП «ум», полезно обращение к русским пословицам. Так, например, интересно противопоставление в пословицах и поговорках *ума и разума: Умен, да не разумен; Ум без разума – беда; Ум разуму подспорье; Ум доводит до безумья, разум – до раздумья; Разум не велит – ума не спрашивайся*. Эти пословицы можно использовать для семантизации таких лексических единиц, как *разум, разумный/неразумный*.

Отдельное место в рассматриваемом лексико-семантическом поле занимают существительные *дурак* и *дура*. Семантизация этих существительных – вопрос непростой, т.к. они обладают сложной семантической структурой, которая не всегда отражается в словарях. В этом случае полезно привлечение ряда фольклорных и литературных источников, и в первую очередь – материала русских народных сказок. Анализируя содержание русских сказок, А.Д. Синявский заметил: «Главное свойство дурака – это то, что он дурак и все делает по-дурачки. Говоря иными словами, совершает все невпопад и не как все люди, вопреки здравому смыслу и элементарному пониманию практической жизни» [Синявский 2001: 17]. Такого рода персонаж встречается, например, в сказках социально-бытового типа («Иванушка-дурачок», «Набитый дурак» и др.). Синявский отметил и другие определяющие черты сказочного дурака – «отказ от деятельности контролирующего рассудка» и безграничное доверие к высшей силе.

Слово «дурак» обретает еще более широкий смысл, если вспомним Емелю из сказки «По щучьему велению». Здесь нали-

цо еще и нравственная недоразвитость героя. А герой сказки «Сивка-бурка» выглядит дураком только в глазах своего окружения, на самом деле он не так прост. В его поведении можно увидеть присутствие разумного начала.

Таким образом, сказки демонстрируют сложность наших представлений о так называемом дураке.

В современном русском языке существительные *дурак* и *дура* достаточно частотны. О сложности их семантической структуры говорит, например, существование таких своеобразных оксюморонов, как *умный дурак* и *умная дура*. Приведем несколько цитат.

«Разумихин вовсе не так прост, как нам сразу показалось: это не только *умный дурак*, но и наивная шельма» [Анненский: 190]. В фильме «Отпуск за свой счет» героиня говорит о себе: «Я *книжная дура*», имея в виду свою наивность, незнание людей и непрактичность. Из интервью с поэтом Верой Павловой: «Я – *мудрая дура*. Так назвал меня однажды мой любимый». Последний оксюмрон наиболее выразителен, он строится на противопоставлении практического, житейского ума и мудрости как способности к более глубокому и нравственно высокому осмыслению жизненных явлений.

Лексико-семантическое поле «ум» отличается значительным **стилистическим многообразием**, оно включает слова, относящиеся к различным стилистическим пластам. Это дает преподавателю возможность познакомить учащихся с различными функциональными стилями и таким образом сориентировать инофонов в употреблении усвоенной лексики в различных ситуациях общения. Это особенно важно, т.к. изучение ЛСП «ум» иностранцами предполагает знакомство с многочисленными синонимическими рядами, включающими разнородные в стилистическом отношении лексические единицы. Приведем примеры.

1. Безумие (устар.) – умопомешательство (книжн.) – помешательство – сумасшествие – умопомрачение (устар.).
2. Безумец (книжн.) – умалишённый (разг.) – сумасшедший (разг.).
3. Глупец (книжн.) – недоумок (разг.) – дурак (разг.).
4. Мудрить (разг.) – умничать (разг.).
5. Обезуметь – ополоуметь (прост.).

6. Неглупый (разг.) – умный – разумный.

7. Сумасшедший (разг.) - безумный (разг.) - обезумевший (разг.) – полоумный (разг.).

В приведенных примерах можем отметить одну важную особенность: в разговорной речи допускается употребление некоторых лексических единиц в переносном значении. Это касается, например, прилагательных *сумасшедший* и *безумный*: *Глаза у нее какие-то безумные; Утро было сумасшедшее – все куда-то бежали, и никто ничего не понимал.*

Таким образом, опора на материал ЛСП «ум» позволяет ориентировать наших учащихся и в вопросах стилистики.

Работа над изучением ЛСП «ум» дает преподавателю возможность включить в урок также вопросы **словообразования**.

Основные лексические единицы, составляющие центр лексико-семантического поля «ум», обладают высокой словообразовательной активностью, они образуют многочисленные и нередко разветвленные цепочки дериватов, принадлежащих к различным частям речи. Дериваты прилагательных *умный, мудрый, глупый* и др. образованы различными способами, в том числе при помощи различного рода аффиксов.

Из основных лексических единиц, образующих центр ЛСП «ум», можно выделить лексико-семантические группы, демонстрирующие ряд высокопродуктивных способов словообразования и словообразовательных моделей:

1) глаголы, образованные от прилагательных, с общим значением приобретения признака, выраженного прилагательным: *умнеть, мудреть, глупеть, тупеть, дуреть, (о) безуметь* и т.п.; 2) образованные от существительных глаголы *умничать, дурачиться*; 3) существительные с суффиксом *-ец*, образованные от прилагательных: *мудрец, глупец, безумец*; 4) существительные с суффиксами субъективной оценки: *умок, умище, умишко*; 5) прилагательные с суффиксом *-оват*: *глуповатый, туповатый*; 6) образованные от прилагательных существительные отвлеченного значения с суффиксом *-ость* и с суффиксом *-иц*: *мудрость, интеллектуальность, рассудительность, сообразительность, смышленность, неразумность, глупость, тупость* и др.; *скудоумие, слабоумие, безумие, остроумие, благоразумие*

и др., а также 7) отглагольные существительные с суффиксом -*ениј*: *недоразумение, недоумение, умозаклучение* и др.

В некоторых случаях, анализируя словообразовательные процессы, мы можем наблюдать связь лексики и фразеологии: *сумасшедший* (сойти с ума), *умалишенный* (ума лишиться), *умопомрачение* (помрачиться в уме).

Словообразовательный анализ поможет учащимся развить языковую интуицию.

Компоненты ЛСП «ум» с ярко выраженной внутренней формой могут рассматриваться не только в словообразовательном, но и в **лингвокультурологическом** плане, т.к. внутренняя форма слов (например, *сумасшедший, умалишенный, безумный, рассудительный, скудоумный, слабоумный, недоумок, умопомрачение* и др.) также выявляет особенности национального менталитета.

Формированию лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся способствует также изучение **русской фразеологии**.

Основные лексические единицы, составляющие центр лексико-семантического поля «ум», обладают высокой фразеологической активностью, они образуют великое множество фразеологизмов. Наши представления об уме и глупости получили яркое выражение в русской фразеологии: *от большого ума, сойти с ума, глуп до святости, выживать из ума, задним умом крепок, мешаться в уме, наставлять на ум, по уму* (сделать что-л.), *ум за разум заходит, ума палата, умственно отсталый, входить в разум, набитый дурак, свалить дурака, не мудрствуя лукаво, глуп до святости, без царя в голове* и др. Эти фразеологизмы по большей части обслуживают разговорно-бытовую сферу.

Исследование показывает, что наибольшая фразеологическая активность присуща существительному *ум*.

Среди фразеологизмов есть ряд широко известных устойчивых сравнений (*глуп как пробка, глуп как сивый мерин, тупой как сибирский валенок* и т.п.).

При изучении русской фразеологии удобно опираться на материал родного языка учащихся, выявляя сходство и различие в национальных представлениях об уме и глупости человека.

Изучение русской фразеологии в иностранной аудитории долгое время оставалось на периферии лингводидактики, и преподаватели не уделяли этому материалу должного внимания. Между тем, знание фразеологии помогает иностранцу войти в наш мир. Изучение ЛСП «ум» может успешно восполнить этот пробел, т.к. дает возможность органично ввести фразеологический материал в учебный процесс.

Выше уже говорилось о привлечении русских пословиц при семантизации лексических единиц. Отметим, что пословицы, вообще говоря, являются интересным лингвокультурологическим материалом, т.к. они ярко демонстрируют национально-специфическое представление о таком сложном предмете, как человеческий ум. С одной стороны, в ряде пословиц, построенных на семантической оппозиции «ум-глупость», находим похвалу уму: *Лучше с умным потерять, чем с глупым найти; Где умному горе, там глупому веселье* и др.

С другой стороны, ум не всегда хорош: *Много на свете умного, да хорошего мало; И глупый умного одурачит* и др.

Немало в русском языке пословиц о дураках: *Дураку хоть плюй в глаза, а он: это божья роса; Заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет; Дураков ни жнут, ни сеют, а сами родятся; Умный любит учиться, а дурак учить; Пьяный проспится, а дурак никогда; Не дай Бог с дураком ни найти, ни потерять.*

И наконец, изучение ЛСП «ум» неизбежно выводит нас на такой необходимый аспект, как **развитие речи** учащихся. Тема ума и глупости актуальна для любого народа во все времена, ведь мы постоянно оцениваем окружающих людей и жизненные явления с этой точки зрения.

Можно предложить учащимся следующие темы для дискуссии.

1. Кого мы в наше время называем умным и кого – глупым?
2. Ум – это главная характеристика человека?
3. Ум и нравственные качества человека.
4. Как вы понимаете выражения *умный дурак* и *умная дура*?
5. Правда ли, что с развитием цивилизации человек стал умнее?

Содержание такого сложного, исторически изменчивого и во многом социально обусловленного понятия, как челове-

ский ум, помогут раскрыть фольклорные источники, о чем уже говорилось выше. В частности, в русских народных бытовых сказках широко представлен так называемый житейский ум («Умный мужик», «Мудрая жена» и т.п.). Если позволяет уровень языковой подготовки учащихся, можно привлекать и литературные произведения, например фрагменты из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (монолог Фамусова, расхваливающего практический ум Максима Петровича, который помог ему высоко подняться по социальной лестнице, и другие фрагменты), стихотворение А.С. Пушкина «Не дай мне Бог сойти с ума».

Нужно добавить, что русские сказки, а также ряд известных литературных произведений представляют собой прецедентные тексты, известные каждому носителю языка и во многом формирующие русскую языковую личность. Их изучение вносит свой вклад в развитие культурологической и лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся.

Все вышесказанное позволяет заключить, что как материал для уроков РКИ лексико-семантическое поле «ум» представляет большой интерес и может оказаться полезным во многих отношениях. Его комплексное изучение позволяет связать воедино разные уровни языка и различные аспекты преподавания РКИ (лексику и фразеологию, словообразование, стилистику, лингвокультурологию). Освоение этого ценного материала способствует формированию разносторонней коммуникативной компетенции иностранных учащихся и приобщению иностранцев к русской культуре через язык. Содержание моноурока, построенного на разностороннем изучении лексико-семантического поля «ум», может варьироваться в зависимости от уровня языковой подготовки иностранных учащихся и поставленных задач.

Изучение языка в тесной взаимосвязи с культурой его носителей отвечает современной тенденции в обучении иностранным языкам, в том числе русскому языку как иностранному. Такой подход дает возможность широкого обобщения и выявления существенных черт национального мышления, отраженных в языке.

Литература

- Анненский И.* Книги отражений. М.: Наука, 1979 (Литературные памятники).
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
- Норбеков М.С.* Психология дурака. М.: АСТ, 2018.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1975.
- Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989.
- Пословицы русского народа: Сборник В.И. Даля: В 2тт. М., Художественная литература, 1984.
- Синявский А.Д.* Иван-дурак. Очерк русской народной веры. М.: Аграф, 2001.
- Слесарева И.П.* Проблемы описания и преподавания русской лексики М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Фразеологический словарь русского языка/ под ред.А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987.

Olga M. Sergeeva

PhD, Associate Professor

*Department of Russian language for foreign students
the Faculty of Philology*

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, barsom@bk.ru*

LEXICO-SEMANTIC FIELD «INTELLECT»: LINGUODIDACTIC POTENTIAL AND WAYS OF IT`S REALIZATION AT LESSONS OF RUSSIAN FOR FOREIGNERS

The article deals with the main directions of complex study of lexico-semantic field «intellect» as a base for forming different components of foreign students' communicative competence.

Key words: Russian language for foreigners, lexico-semantic field «intellect», linguodidactic potential, comprehensive study, communicative competence.

Серова Евгения Сергеевна
*к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка
для иностранных учащихся филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
evgenia-serova@mail.ru*

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «КРАСНЫЙ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ. СТАТЬЯ 2. РЕЗУЛЬТАТЫ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

В настоящей статье анализируется специфика ассоциативного поля «КРАСНЫЙ» в русском и китайском языковом сознании. Описываются результаты ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: ассоциативное поле, колоративы, красный, лингвокультурология, русский как иностранный, сравнительные исследования.

DOI: 10.29003/m4136.WGS_XXIII/101-114

В процессе межкультурной коммуникации часто возникают проблемы и конфликтные ситуации, связанные с различием в национальных языковых картинах мира, с разницей в стереотипах мышления и поведения, в оценочном восприятии одних и тех же явлений и реалий. Специалисты в области преподавания РКИ подчеркивают необходимость учёта всех парадигм описания русского языка при обучении иностранных учащихся. В основе обучения русскому языку как иностранному лежит его функционально-коммуникативное и структурно-семантическое описание, однако развитие вторичной языковой личности невозможно без изучения особенностей русского языкового сознания, без знакомства с русской языковой картиной мира. Одним из основных здесь является лингвокультурологический подход, связанный с изучением различных репрезентаций фактов культуры в языке. Топонимы, числа, бытовые предметы и, конечно, цветообозначения зачастую выступают в качестве символов, играющих немаловажную роль в создании образа, картины происходящего в мире, и такие единицы представляют особый интерес для изучения.

Красный цвет считается одним из наиболее значимых в разных культурах. Соответствующий колоратив играет важную

роль в русской и китайской лингвокультуре, поэтому он и был выбран нами для анализа. Цель исследования состояла в реконструкции и изучении ассоциативного поля «КРАСНЫЙ» в русском и китайском языковом сознании¹. Предметом исследования служит слово-символ *КРАСНЫЙ* в его различных репрезентациях.

Термин «ассоциативное поле» ввёл в лингвистику Шарль Балли, при этом он высказал важную для решения наших задач мысль о несовпадении объёма ассоциативных групп у представителей разных языков и разной этнической принадлежности (см. [Балли 1961]). Идея существования в языке отношений особого типа, ассоциативных, в отличие от синтагматических, была высказана ещё Фердинандом де Соссюром (см. [Соссюр 1998]).

Изучение ассоциативного потенциала слова-символа *КРАСНЫЙ* в языковой картине мира проводится нами с учётом различных характеристик. Результаты анализа этимологии, словарных дефиниций лексемы «красный», данных «Русского ассоциативного словаря», текстовых ассоциаций были описаны нами в первой статье (см. [Серова 2023]). Настоящая статья является её продолжением, здесь описаны результаты лингвистического эксперимента, проведённого среди носителей русского и китайского языков для выявления типичных ассоциативных рядов и описания связей между словом-стимулом и словами-реакциями.

В эксперименте приняли участие 100 человек: 50 русских информантов (8 мужчин и 42 женщины в возрасте от 14 до 60+ лет) и 50 китайских информантов (22 мужчины и 28 женщин в возрасте от 17 до 60 лет). Среди участников эксперимента были информанты с разным уровнем образования и представители разных профессий.

Анализируя обозначение красного цвета в лексике и фразеологии русского и китайского языков, мы выдвинули следующие гипотезы [Серова 2023].

---

¹ Автор выражает благодарность магистранту филологического факультета совместного университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне *Е Пэн* за помощь в анализе китайского языкового материала.

1. В русских толковых словарях отмечается: *красный* – «цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака» [Ожегов, Шведова 1999]; «цвет крови» [МАС 1981]; «красный, как кровь» [Ушаков 1935-1940]. Нами было сделано предположение, что эталоны красного цвета в русской лингвокультуре – это цвета крови, ягод земляники и мака.

2. В китайских толковых словарях находим следующее толкование: «像鲜血的颜色 ‘красный — цвет крови’» [现代汉语词典 Современный китайский словарь 2005], «像鲜血或石榴花的 ‘красный — цвета крови или граната’» [60000 词现代汉语字典 Современный китайский словарь на 60 000 слов 2014]. Можно предположить, что эталонами красного цвета для носителей китайского языка являются цвета крови и граната.

Как следует из предшествующего изложения, первой задачей эксперимента мы считаем определение эталонов красного цвета в русской и китайской лингвокультурах. В качестве второй задачи мы выдвигаем выявление устойчивых ассоциаций с красным цветом, которые существуют в языковой картине мира этих народов.

Нами была подготовлена анкета, включающая два вопроса, связанных с эталонами и выявлением ассоциаций со словом-стимулом *красный*.

В первом пункте анкеты участникам было предложено дополнить сравнительную конструкцию *красный как ...*. Основание для этого теста предложил Ю.Д.Апресян, считающий, что сравнительная конструкция реализует коннотативный потенциал слова [Апресян 1995: 167]. Кроме того, сравнительная конструкция помогает выявить представления об эталонах (Ср.: *чёрный как смоль/уголь, белый как снег/полотно/луна* и т.п.). Второй пункт анкеты направлен на выявление слов-ассоциаций – первых пришедших в голову лексических единиц разного типа (отдельных словоформ или словосочетаний), возникающих в сознании информантов при предъявлении слова-стимула. Мы попросили участников привести три свои ассоциации со словом *красный*.

Представим в виде таблицы ответы русских информантов на первый вопрос.

Таблица 1. *Красный как...*

<i>Красный как...</i>	Число информантов
<i>кровь</i>	16
<i>помидор</i>	15
<i>рак</i>	9
<i>мак</i>	7
<i>другие варианты ответов</i>	6

Единичные ответы информантов включали следующие реакции: *солнце, свёкла, роза, перец, клубника, мечта*.

Из полученных нами результатов следует, что в русской лингвокультуре существует несколько эталонов красного цвета: это цвет крови, помидора, рака и мака. Представления об эталонах «кровь» и «мак» зафиксированы в толковых словарях, в то время как объяснить функционирование эталонов «помидор» и «рак» помогают устойчивые выражения *красный как помидор, красный как рак*.

Проанализируем ответы китайских информантов.

Таблица 2. *红色像 'Красный как...'*

<i>红色像 'Красный как...'</i>	Число информантов
<i>火 'огонь'</i>	11
<i>血 'кровь'</i>	10
<i>国旗 'государственный флаг Китая'</i>	9
<i>苹果 'яблоко'</i>	8
<i>太阳 'солнце'</i>	2
<i>другие варианты ответов</i>	10

Среди единичных вариантов ответов, не выделяемых в таблице, встретились лексические единицы: 灯笼 ‘фонарь’, 櫻桃 ‘вишня’, 西柚 ‘грейпфрут’, 西瓜 ‘арбуз’, 木棉花 ‘хлопковое дерево’, 草莓 ‘земляника’, 番茄 ‘помидор’, 夕陽 ‘закат’, 辣椒 ‘перец’, 牡丹 ‘древовидный пион’.

Можно сказать, что эталонами красного для китайцев прежде всего являются цвета огня, крови, государственного флага Китая и яблока. Эталон «кровь» соответствует значению, зафиксированному в китайских толковых словарях. Эталон «государственный флаг Китая» можно объяснить тем, что государственный флаг Китая красный и считается одним из главных символов Китая. Вместе с тем китайский народ отличается высоким уровнем патриотизма, поэтому в сознании китайских информантов красный цвет ассоциируется с образом государственного флага Китая. Кроме того, в китайском языке существуют устойчивые выражения 紅得像火 ‘красный как огонь’ и 紅得像蘋果 ‘красный как яблоко’.

Во втором пункте анкеты мы попросили информантов привести три свои ассоциации со словом *красный*.

При заполнении пунктов анкеты мы просили участников эксперимента написать то, что первым приходит в голову. Таким образом, мы имеем возможность выявить, с чем *красный* ассоциируется у носителей русского и китайского языка.

Приведём в таблице наиболее частотные ответы носителей русского языка, участвовавших в эксперименте.

Таблица 3. Ассоциации с красным цветом.

Ассоциация	Число информантов
<i>кровь/кровяной/кровавый</i>	13
<i>красный флаг/красное знамя (советский флаг)</i>	12
<i>страсть/любовь</i>	12
<i>помидор/томат</i>	9

<i>Красная площадь</i>	7
<i>красна девица</i>	7
<i>огонь/красное пламя</i>	6
<i>Красно Солнышко (из народных сказок, сказаний)/Владимир Красное Солнышко</i>	5
<i>светофор</i>	5
<i>агрессия</i>	4
<i>закат</i>	4
<i>помада</i>	4
<i>солнце</i>	4
<i>сердце</i>	3
<i>красный день календаря (выходные, праздничные дни в календаре отмечены красным цветом)</i>	3
<i>энергия</i>	3
<i>красивый/красота</i>	3
<i>красный угол</i>	2
<i>красное море</i>	2
<i>Красная Армия</i>	2
<i>пожарная машина</i>	2
<i>клубника</i>	2
<i>мак</i>	2
<i>опасность/опасный</i>	2
<i>яркость/яркий</i>	2

Были также единичные реакции: *красный шарик, лобстер, коммунизм, красные лапы (как у гуся), красные глаза (уставившие*

или больные), красная ручка – цвет исправлений учителя в работах учеников, вино, Красная горка, обращающий на себя внимание, праздничный, призывающий к активным действиям, феррари, красный лимузин (или другой дорогой автомобиль), красная машина, заря, красный галстук, революция, красный цвет, отрицание, противостояние, цветы, красный нос, Красный Октябрь, сигнал «стоп», рана, красная звезда, май, злость, стеснение, сапоги, алый, малиновый, мечта, пиджак, ягоды, коралл, губы, кислород, роза.

В ответах информантов мы видим, что *кровь, помидор* являются постоянными образами и для эталона, и для ассоциации. Образ *красный флаг* также можно считать устойчивой ассоциацией с красным цветом.

Рассмотрим другие частотные ассоциации с красным цветом.

Словосочетания со словом *красный*, отличающиеся высокой частотностью, естественно, вызывают ассоциации информантов с красным цветом. Это ассоциации *Красная площадь, красное пламя, красно солнышко*.

Одним из значений слова *красный* является ‘красивый’, поэтому многие ассоциации информантов связаны с образами, для которых характерна положительная оценка в русской лингвокультуре. Например; *красна девица, красный день календаря, красивый, красота, любовь* и другие.

Неизбежно возникают в ассоциативном поле образы предметов или явлений, для которых типичны различные оттенки красного цвета: *помидор, светофор, помада, пожарная машина, клубника, мак*.

Красный цвет связан с солярными символами, он воспринимается как тёплый цвет. Поэтому появляются ассоциации *солнце, огонь, энергия, яркость, закат*.

Одновременно красный вызывает сильные эмоции, по этой причине возникают ассоциации *страсть, любовь, агрессия, опасность, сердце* (сердце в русской лингвокультуре символически связано с эмоциями).

Рассмотрим результаты опроса китайских информантов.

Таблица 4. Ассоциации с красным цветом.

Ассоциация	Число информантов
血 'кровь'	19
火 'огонь'	11
战争/杀戮/屠杀/暴力 'война'/ 'избиение'/ 'насилие'	8
红灯笼 'китайский красный фонарь'	6
新年/春节 'Новый год(по лунному календарю)'/ 'Праздник Весны'	5
中国 'Китай'	4
红包 'красный конверт с деньгами(в Новом году)'/ 'хунбао'	4
国旗 'государственный флаг Китая'	4
奋斗/奋进 'упорство'	3
夺目/醒目 'броскость'	3
苹果 'яблоко'	3
新年鞭炮 'китайские новогодние хлопушки'	3
红玫瑰 'красная роза'	2
中国共产党 'Коммунистическая партия Китая'	2
革命 'революция'	2
热情 'страсть'	2
吉利/好运 'счастье'/ 'удача'	2
国风/中国人的骨气 'душа Китая'	2

夕阳/晚霞 ‘заходящее солнце’/ ‘закат’	2
愤怒 ‘гнев’	2
红色高跟鞋 ‘красные туфли на высоких каблуках’	1
红色雨伞 ‘красный зонтик’	1
红盖头 ‘красный платок’ (традиционный женский свадебный головной убор)	1
草莓 ‘земляника’	1
番茄 ‘помидор’	1
枫叶 ‘листья клёна’	1
红辣椒 ‘красный перец’	1
红花 ‘красный цветок’	1
木棉花 ‘хлопковое дерево’	1
天安门 ‘Тяньаньмэнь’	1
中式婚礼 ‘китайская свадьба’	1
党章 ‘устав партии КПК’	1
共产主义 ‘коммунизм’	1
春联 ‘новогодние парные надписи’	1
节日 ‘праздник’	1
兴奋 ‘возбуждение’	1
隆重 ‘торжественность’	1
开放 ‘открытость’	1

警告 ‘предупреждение’	1
艳丽 ‘яркость’	1
攻击性 ‘агрессия’	1
错误 ‘ошибка’	1
罕见 ‘редкость’	1
红唇 ‘пунцовые губы’	1
红肉 ‘красное мясо’	1
红酒 ‘красное вино’	1
小丑 ‘клоун’	1
红笔 ‘красная ручка’	1
股市上涨 ‘повышение стоимости на фондовом рынке’	1
消防栓 ‘пожарный рожок’	1
红颜知己 ‘близкая подруга’	1
虞美人 ‘мак-самосейка’ (вид цветка) В китайской культуре такой цветок имеет особую легенду и символизирует красавицу.	1
热烈 ‘горячий’	1
禁止 ‘запрещение’	1
胜利 ‘победа’	1
新娘 ‘невеста’	1
红旗 ‘красный флаг’	1

牛 ‘бык’	1
红蜡烛 ‘красная свеча’	1
火锅 ‘китайский самовар’	1
红衣服 ‘красная одежда’	1
太阳 ‘солнце’	1
红领巾 ‘красный галстук’	1

Что касается ассоциаций с красным цветом у китайских информантов, то в первую очередь отметим реакции 血 ‘кровь’, 火 ‘огонь’, 战争/杀戮/屠杀/暴力 ‘война’/ ‘насилие’/ ‘избиение’, 红灯笼 ‘китайский красный фонарь’, 新年/春节 ‘Новый год (по лунному календарю)’/ ‘Праздник Весны’ и другие. Большинство китайских информантов считают, что эти образы или явления тесно связаны с красным цветом.

Как уже было сказано выше, под влиянием устойчивых выражений у китайцев возникают ассоциации 火 ‘огонь’ и 苹果 ‘яблоко’.

Кроме того, многие ассоциации специфичны и отражают особенности китайской лингвокультуры. Например, в связи со значимостью китайского традиционного праздника появляются ассоциации 新年/春节 ‘Новый год (по лунному календарю)’/ ‘Праздник Весны’, 红灯笼 ‘китайский красный фонарь’, 红包 ‘красный конверт с деньгами’ / ‘хунбао’, 新年鞭炮 ‘китайские новогодние хлопушки’ и также ответ 春联 ‘новогодние парные надписи’.

В сознании китайцев красный цвет, несомненно, связан с Китаем и является важным символом родной культуры. Представляется, что этим можно объяснить и ассоциации 中国 ‘Ки-

тай’, 国旗 ‘государственный флаг Китая’, 中国共产党 ‘Коммунистическая партия Китая’, 国风/中国人的骨气 ‘душа Китая’.

Стоит также отметить такие реакции информантов, как, например, 奋斗/奋进 ‘упорство’, 热情 ‘страсть’, 愤怒 ‘гнев’ и т.д. Такие ответы информантов свидетельствуют о том, что *красный*, как и в русской языковой картине мира, в языковом сознании китайцев символизирует сильные эмоции или сильный характер.

В заключение можно отметить, что, во-первых, общий эталон красного цвета для китайской и русской лингвокультур — цвет крови. Однако есть и разница в представлениях, связанных с эталонами красного цвета: для русских эталонами являются также цвета помидора, рака и мака; для китайцев — цвета огня, государственного флага Китая и яблока. В этом проявляется этнокультурная специфика данного фрагмента языковой картины мира русских и китайцев.

Во-вторых, общими для русских и китайцев устойчивыми ассоциациями с красным цветом являются ‘кровь’ и ‘огонь’. И для русских, и для китайцев характерно связывать красный цвет с сильными эмоциями. Вместе с тем очевидно и различие между изучаемыми лингвокультурами. Для русских красный — это не просто цвет, он ассоциируется с красотой, с солярными символами, а также с различными событиями в истории Советского союза. Для китайского языкового сознания характерно связывать красный с традиционными праздниками, с Родиной, а также с символикой коммунистической партии.

Таким образом, можно признать удачным проведенный нами эксперимент. Мы видим, что основные символические ассоциации красного в китайской и русской лингвокультурах отчасти совпадают, что может послужить хорошей базой для создания в процессе межкультурной коммуникации соответствующей пресуппозиции, являющейся основой взаимопонимания. Однако существует и определённая этнокультурная специфика данного фрагмента картины мира русских и китайцев, что нужно учитывать в процессе обучения.

Литература

Апресян, Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М., 1995. – С. 156–178.

Балли, Ш. Французская стилистика. – М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.

Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник. 1999.

РАС – Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь: В 2-х т. М.: ООО «Изд-во Астрель» ООО «Изд-во АСТ», 2002. Т. I. – 781 с; Т. II. – 990 с.

Серова, Е.С. Ассоциативное поле “КРАСНЫЙ” в русском и китайском языковом сознании. // Слово.Грамматика.Речь. Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания РКИ. Выпуск XXII. – М.: Макс-Пресс, 2022. – С.24–33.

Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Логос, 1998. – 480 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. Т. II / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия. 1935–1940. (4 т.)

中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典(第 5 版). 北京. 商务印书馆. 2005. Редакционный отдел словаря, Институт лингвистики Китайской академии социальных наук. Современный китайский словарь (5-е изд.). Пекин: Коммерческое издательство. 2005.

汉语大字典编纂处. 60000 词现代汉语字典. 成都. 四川辞书出版社. 2014. Отдел составления китайского словаря. Современный китайский словарь на 60 000 слов. Чэнду: Сычуаньское лексикографическое издательство. 2014.

Evgenia S. Serova

Ph.D,

Department of the Russian language for foreign students

the Faculty of Philology,

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

evgenia-serova@mail.ru

**ASSOCIATIVE FIELD «КРАСНЫЙ» IN THE RUSSIAN AND
CHINESE LANGUAGE CONSCIOUSNESS. ARTICLE 2.
THE RESULTS OF ASSOCIATIVE EXPERIMENT**

This paper discusses the specifics of the associative field «КРАСНЫЙ» in the Russian and Chinese language consciousness. The results of the associative experiment are described.

Keywords: associative field, coloratives, red, linguoculturology, Russian as a foreign language, comparative studies.

Чжао Хао
магистрант филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
634734368@qq.com

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СМЕХ» КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Данная статья посвящена понятию *смех* в русской лингвокультуре. В статье приводятся примеры определения *смеха* в междисциплинарных научных словарях (по языкознанию, литературоведению, философии), рассматривается такая ключевая особенность концепта «смех», как амбивалентность. Ставится вопрос о целесообразности изучения лексико-грамматических групп, составляющих ядро лексико-семантического поля «смех».

Ключевые слова: смех, лексико-семантическое поле, амбивалентность, лексико-грамматическая группа.

DOI: 10.29003/m4137.WGS_XXIII/115-120

Понятие *смех* в концептосфере комического дискурса представлено в научных исследованиях с разных позиций. В междисциплинарных научных словарях (по языкознанию, литературоведению, философии) доминирующим при определении концепта *смех* является его амбивалентность, то есть сочетание противоположного. Например, у В. И. Даля *смех* определяется как *веселый* и в то же время *сардонический*.

Интересно, что, несмотря на свой универсальный характер (ведь смеются люди всех национальностей, независимо от языка, религии и социального уклада), не так просто дать определение, что такое *смех*. В русскоязычных словарях смех относят к психофизиологическим явлениям (голосовым звукам, возникающим как реакция на какое-либо психическое воздействие), по интенсивности проявления следующим за улыбкой (у Даля это ‘взрыв’). При этом *смех* является гиперонимом, то есть более широким понятием, по отношению к гипонимам *хохот*, *хихиканье*, *осмеяние*, *смешинка*, *насмешка* и другим.

В словаре С.И. Ожегова, *смех* – это и радость, и насмешка: «Короткие характерные голосовые звуки, выражающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства» (см. [Ожегов 1994]).

На основе данной словарной статьи можно сделать вывод, что в лексико-семантическое поле 'смех' входят такие лексемы, как *веселье, радость, удовольствие, насмешка, злорадство*. Отметим также, что важно учитывать синтагматический компонент значения слова *смех*. Так, исследователи отмечают, что в романе «Преступление и наказание» *смех* чаще всего бывает *весёлый, визгливый, всеобщий, громкий, детский, звонкий, знакомый, истерический, маленький, милый, недавний, нервический, нервный, неслышимый, неудержимый, общий, откровенный, презрительный, простодушный, сверкающий, светлый, странный*. А также в единичном употреблении: *безумный, болезненно-нервический, сотрясающийся, искривлённый, какой-то неслышимый длинный, прерываемый рыданиями, припадошный* [Ружицкий 2020: 488]. Анализ этих эпитетов помогает уточнить структуру ЛСП 'смех'.

Обратимся далее к философскому словарю, где *смех* предстает как культурологический феномен, диапазон которого варьируется от юмора до иронии: «Смех – культурно-психологический феномен как специфическая оценочная реакция человека на действительность. Феномен смеха амбивалентен: это, с одной стороны, смех формальный (примитивный, *прасмех*) – смех как радость и энтузиазм здорового, растущего и наслаждающегося организма, *смех тела*; с другой стороны, смех как способ выражения отношения к действительности, *смех души, смех ума*». (см. [Грицанов 1998]).

В литературной энциклопедии *смех* истолковывается как радость и осмеяние: «Смех – психофизиологическое явление, определяющее комические и литературные эффекты, начиная от просто смешного и забавного, и до сатиры и комедии. Природа *смеха* и его связанных литературных явлений до сих пор остается недостаточно понятной» (см. [Литературная энциклопедия 1925]).

Далее в Литературной энциклопедии уточняется, что общепринятыми являются положения о природе смеха в жизни и литературе, развитые в работе Анри Бергсона «Смех в жизни и на сцене». Вот некоторые из них:

1. Смех – явление, свойственное исключительно человеку. Начиная с улыбки, смех есть выражение какой-то жизненной

радости, чувствуемой и осознаваемой. В смехе есть также некоторые элементы, утверждающие *превосходство* того, кто смеется, над тем, что вызывает смех.

2. Смех есть явление по преимуществу социальное – он доставляет человеку наибольшую долю удовольствия, когда разделён с кем-либо. Для нашего исследования это важно потому, что смех в коммуникации может выполнять как функцию сближения, так и отдаления собеседников друг от друга.

3. Смех есть выражение радости нашего осознанного бытия, которая невольно вспыхивает в человеке, когда он наблюдает, что живая и полная жизнь была только что нарушена вторжением чего-то чуждого. Человек ощущает это и радуется, что оно не коснулось его, что он оказался выше его (см. [Литературная энциклопедия 1925]).

Таким образом, во всех явлениях смеха главную роль играет именно это вторжение в жизнь чего-то косного, как бы *нарушение нормы*. Поэтому, как отмечает Бергсон, и в основе всякой общественной сатиры лежат явления борьбы живой жизни с некоторою механичностью, излишнею устойчивостью общественного уклада. Следовательно, смех является самозащитой общества от его омертвления.

Однако Бергсон подчеркивает амбивалентность смеха. «Уродство вмешательства в живую жизнь косных и механических начал иногда приобретает пугающий характер, и мы боимся тогда победы этих начал над жизнью: во многих подобных случаях смех делается болезненным, истерическим и выражает не торжество человека над мертвым и косным, а трагический его ужас пред смертью, побеждающей живое. <...> Так мы, например, болезненно воспринимаем эффекты пугающего смеха Гоголя в конце “Ревизора”» (см. [Там же]). Именно поэтому юмористы так легко переходят от смеха к плачу или обличению. Важный вывод данного положения состоит в том, что ЛСП ‘смех’ находится в тесной взаимосвязи с ЛСП ‘страх’.

Подтверждением литературоведческой интерпретации смеха является анализ русских пословиц и поговорок на тему смеха. В них на первом плане стоит именно печальный смех: *Этот смех перед слезами; Смех до плача доводит; Иной смех плачем отзывается* и другие.

Таким образом, *смех* в русской лингвокультуре – понятие многомерное и нелинейное, что подтверждается материалами словарей и культурологических исследований.

Интересно проанализировать понятие *смех* в китайском языке и культуре. В Словаре Синьхуа дается следующее определение: 露出愉快的表情, 发出欢喜的声音: 笑容, 笑颜。讥嘲: 笑柄, 笑话 (см. [Вэй Цзянгун 2016]) в русском переводе «радостный звук, улыбка, осмеяние, шутка». Таким образом, в словаре Синьхуа, так же как в словаре Ожегова, выделяется два типа смеха – счастливый смех и насмешка.

В китайской культуре и философии смех, с одной стороны, рассматривается как проявление радости, невинности и гармонии, соответственно *смех* – это инструмент социального общения и преодоления трудностей. Согласно китайской традиции, смех считается выражением добродушия и духовного здоровья. В древности китайские философы утверждали, что смех способствует долголетию.

Первичный анализ китайских пословиц и поговорок о *смехе* позволяет сделать вывод о преобладании позитивной оценки данного понятия. Например:

1. 笑一笑，百病消。xiào yī xiào , bǎi bìng xiāo
Улыбка избавляет от ста болезней.
2. 一日三笑，人生难老 yī rì sān xiào , rén shēng nán lǎo
Кто трижды в день смеется, того старость не коснется.
3. 笑一笑，十年少 xiào yī xiào , shí nián shǎo
Посмеешься с душой – лет десяток долой!
4. 笑是两个人之间最短的距离 xiào shì liǎng gè rén zhī jiān zuì duǎn dí jù lí.
Смех – это самое короткое расстояние между двумя людьми.

С другой стороны, в классической китайской литературе и искусстве существует понятие «ярость средоточия» или «смех наизнанку», которое описывает ситуацию, когда человек смеется, но на самом деле испытывает гнев или горечь.

Приведем строки из стихотворения известного китайского поэта Ли Бай: 南陵别儿童入京: "仰天大笑出门去, 我辈岂是蓬

蒿人? – в переводе на русский «Я рассмеялся и уехал, как я могу быть обычным человеком?». Данную фразу следует понимать как «Автор уехал из дома с громким смехом. Он думал, что в будущем станет выдающимся человеком». В данном случае *смех* отражает презрение поэта и насмешку над абсурдностью реальности. Таким образом, в китайской лингвокультуре *смех* также амбивалентное понятие.

Проведенный анализ показывает, что *смех* является базовым концептом и константой как в русской, так и в китайской лингвокультуре. На наш взгляд, важной методической задачей является анализ ядра лексико-семантического поля *смех*, в которое войдут несколько лексико-грамматических групп (например, «смеяться, рассмеяться, насмеяться, усмеяться/усмехнуться, осмеивать/осмеять, смешить, насмешить, рассмешить» или «хохотать, расхохотаться, хихикать/чихикнуть» и другие). Разработка системы упражнений, которые направлены на формирование навыков и умений употребления соответствующих лексических единиц в речи, может способствовать более глубокому пониманию русского языка и культуры.

Литература

- Вэй Цзянун* Словарь Синьхуа // Коммерческая пресса, 2016.
- Грицанов А.А.* Новейший философский словарь // Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка // В четырех томах, М., 1863–1866 гг.
- Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика // Учебное пособие. – М.: Эдичориал УРСС, 2000.
- Ли Бэй* 南陵别儿童入京 742.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. - 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994. – 907 с.
- Покровский М.М.* О методах семасиологии // Избранные работы по языкознанию. М.: АН СССР, 1959.
- Полевые структуры в системе языка / Науч. ред. З.Д. Попова. Воронеж: Изд-во Воронежск. Ун-та, 1989.

Романова Т.В., Хоменко А.Ю. Функционирование элементов семантического поля социальная значимость в русском и английском языках по данным словарных и корпусных источников // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie> <...> (дата обращения: 16.02.2024).

Ружицкий И.В. 'Страх' и 'смех' Ф. М. Достоевского // Неофилология. 2021. Том 7, № 27. С. 483–494.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975.

Якимов П.А. Структура и признаки семантического поля // Вестник ОГУ №16 (135)/декабрь'2011.

Zhao Hao

*student, the Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University
e-mai: 634734368@qq.com*

THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD «LAUGHTER» AS A FRAGMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

This article is devoted to the concept «laughter» in Russian linguistic culture. The article provides examples of definitions of the concept of laughter in interdisciplinary scientific dictionaries (linguistics, literary studies, philosophy); the key feature of the concept of laughter, such as ambivalence, is considered. The question is raised about the expediency of studying the lexical and grammatical groups that make up the core of the lexical and semantic field «laughter».

Key words: laughter, lexical-semantic field, ambivalence, lexical-grammatical groups

Интерпретация художественного текста

Евтихиева Анна Сергеевна

*кандидат филологических наук,
доцент филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
eva07.09@mail.ru*

ОБРАЗ ВИЯ В СЛАВЯНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Статья представляет собой краткий сравнительный анализ гипотез о происхождении образа Вия, а также возможных толкований слова «Вий», и адресована специалистам по творчеству Н.В. Гоголя. Также может быть использована на занятиях по работе с художественным текстом в русской и иностранной аудитории.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, повесть «Вий», славянский фольклор, мифические существа в этнографии и этимологии, демонология у Гоголя, мистификация, славянские легенды.

DOI: 10.29003/m4138.WGS_XXIII/121-135

Несмотря на тот факт, что персонаж под названием «Вий» лишь эпизодически появляется в одноименной повести Н.В. Гоголя на последних страницах повествования, споры о природе, морфологии и истории этого образа в литературе и искусстве продолжают до настоящего времени. Очевидно, что, дав всей повести в качестве названия имя таинственного персонажа, Н.В. Гоголь однозначно подчеркнул символическое значение и смысл этого, на первый взгляд, второстепенного действующего лица.

Главная особенность и главная причина появления в сюжете Вия – это его функциональное, а вовсе не иерархическое значение. По мысли Е.Е. Левкиевской, «Вий не является предводителем потусторонних сил, а служит для них инструментом разрушения той магической защиты, которой Хома Брут пытался огородить себя от воздействий нечистой силы, и которая, до появления Вия, успешно выполняла защитную функцию» [Левкиевская 1998: 308]

По замечанию А. Терца, несмотря на то, что сам Н.В. Гоголь определяет своего таинственного героя, как некоего «начальника гномов», само слово «вий» для носителей языков славянской группы прозрачно указывает на главную функцию персонажа – видеть, и именно это действие в отношении Хома Брута «начальник гномов» производит по просьбе пригласившей его нечистой силы [Терц 2009: 565]

По мнению ряда исследователей, вынеся имя Вия в заглавие повести, Н.В. Гоголь стремился подчеркнуть главное отличие своей истории от многочисленных вариаций на тему «Ведьма и солдат», или «Ведьма и студент», широко известных в европейской литературе и устном народном творчестве.

Японский исследователь Ичиро Ито указывает в своей работе «Общеславянский фольклорный источник гоголевского «Вия», на то, что этим заглавием Гоголь хотел акцентировать внимание не на сюжете, а на главной теме своей повести. Тема эта – страх смерти от видения – в повести Вий появляется только два раза: в начале — как заглавие и предмет примечания и в конце – как губитель Хома.

Необычный образ не только поразил воображение читателей, но и привлек внимание исследователей в области этнографии и этимологии – слишком уж незаурядно выглядел этот персонаж. Вот как описан он в повести:

«Приведите Вия! Ступайте за Виём! – раздались слова мертвеца.

И вдруг настала тишина в церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшие по церкви; взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно оступаясь, длинные веки опущены были до самой земли. С ужасом заметил Хома, что лицо на нем железное. Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома.

– Подымите мне веки: не вижу! – сказал подземным голосом Вий, – и все сонмище кинулось подымать ему веки. “Не гляди!” – шепнул какой-то внутренний голос философу. Не вытерпел он и глянул.

– Вот он! – закричал Вий и уставил на него железный палец. И все, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся он о землю, и тут же вылетел дух из него от страха» [Гоголь 1952: 218].

При этом стоит отметить, что это привычное читателю описание значительно отличается от того, что было представлено в первом издании, и в котором и сам Вий и окружающая его нечистая сила выглядит существенно иначе. Его приводят в своих комментариях исследователи В.А. Воропаев и И.А. Виноградов: «окончание повести, <...> в первом издании «Миргорода» читалось так:

«Подымите мне веки!» – сказал подземным голосом Вий – и все сонмище кинулось подымать ему веки. “Не гляди!” – шепнуло какое-то внутреннее чувство философу. Он не утерпел и глянул: Две черные пули глядели прямо на него. Железная рука поднялась и устала на него свой палец: “Вот он!” – произнес Вий – и всё что ни было, все отвратительные чудища разом бросились на него... бездыханный, он грянулся на землю...» [Воропаев, Виноградов 1994: 34].

Как видим, автор существенно изменяет рост Вия, избавляется от сравнения его глаз с черными пулями, и в окончательной версии «дорисовывает» очень заметную и важную деталь – философ падает на землю и теряет дух «от страха».

«От страха» – это ключевой оборот эпизода. Вий не убивает взглядом, не совершает физических воздействий в отношении жертвы. Сам философ смотрит на это порождение подземного мира и погибает от собственной опрометчивости, поскольку и в ранней и в поздней редакции финала смотрит на Вия вопреки некоему тайному голосу.

Нехарактерный для народной фантазии функционал демонического существа поставил в затруднительное положение многих исследователей фольклора, чьи мнения разделились на два противоположных лагеря.

Приверженцы более консервативной точки зрения старательно отыскивают следы Вия в народных преданиях не только славян, но даже индо-арийцев в целом [Абаев 1958: 303], другие считают Вия гениальной мистификацией великого писателя.

Рассмотрим подробнее аргументы обеих сторон.

Уже в самом начале повести, еще до начала повествования, Гоголь делает предварительное примечание: «Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли».

Это очевидным образом указывает на то, что вне зависимости от того, был ли Вий придуман Н.В. Гоголем, или является исключительно фольклорным персонажем, современным автору читателям это существо, скорее всего было незнакомо, раз требовало отдельного авторского примечания в 1835 году.

Уместно вспомнить в связи с этим, что, к примеру, стихотворение А.С. Пушкина «Вурдалак», или повесть А.К. Толстого «Семья вурдалака» не были снабжены подобными примечаниями к заглавию, хотя вышли в свет незначительно позднее, чем повесть Н.В. Гоголя – в 1836 и 1839 годах соответственно [Крылов 2005: 132].

И хотя слово «вурдалак», по единодушному мнению, исследователей, является неологизмом А.С. Пушкина, образованным из искаженного названия славянского оборотня «волкодлак», ни А.С. Пушкин, ни А.К. Толстой не приложили каких-то специальных усилий, чтобы разъяснить читателю суть названия так, как это сделал в своем авторском примечании Н.В. Гоголь.

Излюбленным аргументом сторонников народного происхождения Вия является пространная цитата из работы «Поэтические воззрения славян на природу» А. Афанасьева:

«Наши сказки знают могучего старика с огромными бровями, необычайно длинными ресницами; брови и ресницы так густо у него заросли, что совсем затемнили зрение; чтобы он мог взглянуть на мир божий, для этого нужно несколько силачей, которые бы смогли поднять ему брови и ресницы железными вилами».

Этот чудный старик напоминает малороссийского Вия – мифическое существо, у которого веки опускаются до самой земли, но если поднять их вилами, то уже ничто не утаится от его взоров; слово Вий означает: ресницы. Народное предание о *вие* знакомо всякому, кто только читал Гоголя; заметим, однако, что некоторые любопытные черты не вошли в его поэтический рассказ.

В Подолии, например, представляют Вия как страшного истребителя, который взглядом своим убивает людей и обращает в пепел города и деревни; к счастью, убийственный взгляд его закрывают густые брови и близкоприльнувшие к глазам веки, и только в тех случаях, когда надо уничтожить вражеские рати или зажечь неприятельский город, поднимают ему веки вилами» [Афанасьев 1994:171].

Это упоминание о Вие, основано, согласно примечанию самого Афанасьева, на статье «Истукан Святoviда, найденный в Подолии», напечатанной в «Отечественных записках». Эта статья была перепечатана из краковской газеты «Час». В ней речь идет об археологической находке западнославянского божества Swetowit и упоминание о *wie* имеется в отчете о поездке Т. Жебровского в край, где была найдена эта статуя:

«...простирая далее свои исследования в окрестности, он нашел другой ряд скал, тянущихся параллельно Збручу подле дороги в Постоловку, и между двумя отрогами, отвесно примыкающими к этому ряду холмов, увидел довольно обширную равнину, отчасти заросшую лесом, отчасти обращенную в поле, которую туземцы называют Боход.

Самое название подтверждает догадку, что здесь должны были чествовать божество; народное же предание рассказывает о большом городе, который некогда занимал этот обширный дол. Но разве он в землю провалился, что не осталось даже малейшего следа его существования? Нисколько.

Легенда утверждает, как этот славный в преданиях русского народа Солодывый Бунио уничтожил его силою взгляда. Кто же он был? — создание уstraшенной фантазии народа или действительно историческое лицо?

Наши летописцы в описаниях первых нападений монгольских упоминают о предводителе орды, именем Боняке. Память о нем доселе живет в предании, и фигура его получила такие исполинские размеры, как размеры Бриарея или которого-нибудь из индостанских героев Магабхараты, потому что нет ребенка в Подолии, который бы не рассказал вам об этом страшном истребителе, взглядом своим убивавшем человека и обращавшем в пепел города и деревни.

Счастье только, что этот убийственный взгляд закрывали прильнувшие веки и густые брови; только в таком случае, когда хотели уничтожить неприятельное войско или взять какой-нибудь укрепленный город, обращались к этой *Ultima ratio* и, подняв ему вилами веки, собирали лавры победы» [Отечественные записки 1851: 68].

Исследователь Е.Е. Левкиевская приводит еще одно упоминание о Солодывом Бунио как прототипе Вия: «Согласно галицкому народному преданию, когда князь Роман Галицкий срубил Солодывому Буню голову, “стала голова котити ся. Брови у той головы були таки довги, що очи скривз них дивити ся не могли. То як раз пидняла железними вилами ти брови на стятш голови, и голова подивила ся из Могилак на Городище, то циле те мисто запалило се” [Стала голова катиться. Брови у этой головы были такими длинными, что глаза сквозь не могли видеть. Как подняла железными вилами те брови на отсеченной голове, и голова посмотрела из Могилок на Городище, то целый город загорелся]» [Левкиевская 1998: 310].

Ичи́ро Ито находит упоминание о Вие как о сербском мифологическом существе в книге В. Ральстона «Песни русского народа», однако, как отмечает исследователь: «Если сопоставить цитату с вышеупомянутым изложением Афанасьева, то сразу станет видно, что это фактически дословный перевод изложения Афанасьева. Отличие состоит только в том, что Ральстон относит Вия к сербской мифологии. Неясно, к сожалению, на основании какого источника утверждает Ральстон его сербское происхождение. Во всяком случае, в таких сербских фольклористических исследованиях как «Мифологические существа в сербских преданиях» Зечевича (Белград, 1981) и «Сербский мифологический словарь» (Белград, 1970), нет никаких упоминаний о сербском Вие. Нет также статей слова «*Vii*» или «*Vij*» в самом большем в настоящее время словаре сербско-хорватского языка. Очевидно, Ральстон почему-то считал топоним «Подолия» сербским и, может быть, перепутал Вия с сербской Вилой, тоже могущей убивать человека своим взглядом, и, вероятно, оттого приписывал Вию сербское происхождение» [Ито Ичи́ро 1989: 454–459].

Оригинальную гипотезу относительно источника имени гоголевского Вия предложил исследователь В.И. Абаев, исходя из данных индоевропейской мифологии. По его мнению, в имени «Вий» отразилось индоевропейское имя бога ветра, соответствующее иранскому *Vayu* и осетинскому *waejug*, сказочному великану и привратнику загробного мира. Ссылаясь на изложение С. Викандера, что культ Ваю был распространен меж германцев, италийцев, балтийцев *Wejo-patis* в литовской мифологии), он утверждает, что, возможно, и у славян тоже существовал культ Ваю. В.И. Абаев сближает реконструированную праславянскую форму **Vejb* соответствующую индоиранскому *Vayu*, с именем «Вий» и считает, что это имя было табуистическим словом в славянском мире.

Хотя гипотеза эта очень интересна, поскольку имя «Вий» пока нигде и никем не зафиксировано на славянском материале, она все же остается гипотезой и вызывает осуждение таких исследователей, как Е.Е. Левкиевская, справедливо заметившая: «Интересно, знал ли только сам Гоголь о существовании этого осетинского демона?» и резюмировавшая этнографические изыскания по природе происхождения Вия следующим образом: «все попытки установить связь Вия с персонажами украинской демонологии строились по одному принципу: брался один из мотивов гоголевского описания Вия и к нему подыскивались соответствия в народной культуре, часто не только славянской» [Левкиевская 1998: 307].

Однако, считая «декларацию Гоголя о «колоссальном создании простонародного воображения» ... блестяще удавшейся литературной мистификацией, длящейся вот уже полтора века» Елена Евгеньевна, тем не менее находит все приписанные Гоголем Вию особенности у множества других существ потустороннего мира славянских народов.

Так приземистость и маленький рост Вия оказываются отличительной чертой многих, преимущественно западнославянских мифологических существ, вроде польских *краснолютков* (*krasnolludki*) или словацких *пикуликов* (*pikuliki*). У русских поверья и сказки рассказывают о низкорослых *домовых* и *кикиморах*, а также в них маленьким ростом обладают демоны, проис-

ходящие из выкидышей и задушенных матерями младенцев, которые называются *ичетки*.

Полесский *водяной*, чешские и польские персонажи *диблик* и *скритек* (*diblik, skritek*) западно-украинский *годованец* и др. домашние духи-обогащители, украинские подземные люди *рахманы*, а также мифологические существа в виде ночных огоньков, происходящие из душ загубленных матерями младенцев: чешские *светлоноши* (*svetlonosi*), польские *бледные светлячки* (*bledne ogniki*) и многие другие.

Несмотря на то, что персонажи с железным лицом, как у Вия Гоголя, неизвестны исследователям славянского фольклора, другие железные части тела нередко присущи разного рода славянским демонам.

Банник из вологодских легенд обладает железными руками, а западноукраинский *черт*, как и гоголевский Вий – железными пальцами на руках. У севернорусских *шуликунов*, *чертей* и встающего по ночам из могилы колдуна *железзубого еретика*, есть железные зубы, также, как и у сербских *вил* и *караконджул*.

Как пишет Е.Е. Левкиевская, «среди персонажей, которыми пугали детей, известны: *железны человек* (Полесье), *баба с железными зубами* – женское мифологическое существо, живущее в поле (Подлясье), *zelezna baba* – чешский полевой демон, оберегающий горох от детей, *зализна баба* (Полесье), *баба жэлизна* (Западная Украина), *дика баба з дзелизным макогоном* (там же). Железным могут быть персонажи славянских сказок: *Mesizelezo* – сказочный силач, который месит железо, чешские и словацкие *железный монах*, *медведь с железной шерстью*, *железный волк*. Железными грудями, согласно полесской традиции, обладают *русалки*» [Левкиевская 1998: 308].

Любопытно, что, анализируя вопрос волчьего воя, сопровождающего появление Вия в повести, Е.Е. Левкиевская неожиданно еще раз обращается к имени предводителя кочевников Боняка, упоминаемого в рассказе Жебровского, как обладателя убийственного взгляда предполагаемого этнографического прототипа Вия – *Солодывого Бунио*. Не упоминая ни о *Солодывом Бунио* ни о Жебровском, Е.Е. Левкиевская указывает, что волчий вой, сопровождающий появление персонажа, не имеет пря-

мых параллелей в народной традиции, «однако, согласно древнерусским летописям, такая особенность приписывалась половцам».

«В частности, – пишет автор, – в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях говорится о половецком хане Боняке, который пришел на помощь Давиду Вольтинскому и галицким князьям в их борьбе против угров: “И воставъ Бонякъ отъеха отъ рати, и поча выти вольчьски и отвыся ему волкъ, и почаша мнози волци выти, Бонякъ же пргъха повѣда Давыдови, яко победа ны есть на Угры” (цит. по: [Кузмичевский 1887/8: 677-678])» [Левкиевская 1998: 309].

Впрочем, железное лицо, засыпанность землей и низкий рост не являются настолько характерными признаками Вия, как его веки и глаза.

Огромные веки помогают историку Е. Дмитриевой обнаружить аналог Вия в сказке про Ивана Быковича, записанной А.Н. Афанасьевым. После того, как Иван сначала победил на реке Смородине трех многоголовых чудищ, а потом уничтожил их жен, некая ведьма, лишившись теперь своих дочерей и зятьев, утащила Ивана к хозяину подземного царства, своему мужу:

«На тебе, говорит, нашего погубителя! – и в сказке перед нами предстает тот же Вий, но в подземном царстве, у себя дома». – пишет историк.

«Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать:

– Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей».

«И у Гоголя, и в сказке, записанной Афанасьевым, не удивительно присутствие железных атрибутов, – отмечает Е. Дмитриева, – «У гоголевского Вия - железное лицо, железный палец, у сказочного – железная кровать, железные вилы» [Дмитриева 2002: 56].

Ичиرو Ито также указывает на сходство упомянутой сказки сборника А.Афанасьева с повестью Н.В. Гоголя, отмечая что богатыри, подымающие вилами веки сказочного старца, весьма похожи на гномов, подымающих веки Вию.

Также исследователь указывает, что подобный мотив также можно найти и в сказке «Василий-Царевич», в которой царюльбу подставляли под глаза железные вилы его семь сыновей. Тот же мотив существует и в белорусской сказке «Праз Іллюшук».

Однако сторонник версии авторского создания образа Вия Н.В. Гоголем Е.Е. Левкиевская справедливо указывает, что во всех перечисленных текстах сочетание двух мотивов (глаз, закрываемых длинными ресницами, которые поднимают помощники, и взгляда, способного видеть невидимое другими) встречается всего два раза. В волынской сказке-легенде о шелудивом Буняке – этот герой единственный из всех женихов царевны узнает в страшном звере вошь, которую царевна выкормила до размеров кабана: «Наконец появился шелудивый Буняк, дивное создание, которого глаза имели такие веки, что двое человек поднимали их вилами, если он хотел что-нибудь видеть, и тогда он все и всюду видел на сто миль. Пришедши к царице Елене и приказав поднять себе веки вилами, взглянул он на зверя в стеклянной банке и сказал: “Вот так диво! Да это ж вошь!”» [Кузьмичевский 1887: 225].

В румынской сказке о невыполнимой задаче отец царевны подымает себе глаза костылями, чтобы найти ее жениха, спрятавшегося у него в бороде.

В остальных случаях мотив длинных век, поднимаемых вилами, сочетается с другим по функции взглядом. В пяти текстах герои, обладающие подобными веками, просят окружающих поднять им их, чтобы просто посмотреть, увидеть то, что видят все. Так ведут себя старик, царь-лев и Идол-Идолыц в русских сказках, царь Пражор в белорусской, св. Касьян в полтавском поверье.

Японский автор ссылается на труды польского этнографа К. Мошиньского, согласно которым «в поверьях славян обращение длинными бровями вообще является признаком демонического существа». В Сербии, Хорватии, Чехии, Лужице и Западной Польше «длинные брови до носа» считали признаком Моря или Зморы, воплощения ночного кошмара.

Признаком ведьмы или колдуна разросшиеся брови считали в Сербии, Западной Польше, Белоруссии и Полесье, а на

Волыни и в Подолии их считали особенностью *вурдалака*. У южных славян, указывает А. Афанасьев, глаза с такими длинными бровями называли «вольчими глазами», и вообще у славян подчеркивает Ичиरो Ито «такие черты демонологического существа связаны с поверьем о «злых очах», которые могут даже убивать человека.

Это поверье, возможно, связано с мотивом «смертоносный взгляд» Быстрозоркого в вышеупомянутой чешской сказке и Солодывого Бунио. Из сказанного ясно, что поверье о «злых очах», связанных с образом «длинных бровей», широко распространено в славянском фольклоре. Из этого Ичиरो Ито делает вывод о том, что «даже если не существует прямого источника образа Вия, Гоголь мог узнать из какого-то, может быть устного, источника о демонологическом существе с длинными бровями и злыми очами, и это послужило основой изображения Вия» [Ито Ичиरो 1989: 459].

Е.Е. Левкиевская, напротив, подчеркивает, что взгляд Вия не смертоносен, а всевидящ, а его главная функция – видеть то, что не подвластно другим демонам.

«В повести Гоголя Хома Брут окружен магическим кругом, делающим его не только недосыгаемым для нечистой силы, но и невидимым. Это полностью соответствует общеславянским, в том числе украинским верованиям в то, что апотропейческий круг представляет для нечистой силы что-то типа непроницаемой стены и лишает ее возможности видеть человека. Согласно тексту повести, Вий нужен не для того, чтобы убить Хому (с этим могла бы справиться и сама панночка, если бы знала, где он), а исключительно для того, чтобы его увидеть» – указывает Е.Е. Левкиевская [Левкиевская 1998: 309].

Автор подчеркивает, что Хома умирает не от взгляда Вия, а от собственного страха, подтверждая это цитатой из текста повести: «<...> бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него *от страха*», – и отмечает, что Гоголь дополнительно акцентирует эту мысль, вкладывая ее в уста Тиберия Горбця – товарища Хомы по бурсе: «А я знаю, почему пропал он: оттого, что побоялся. А если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать» [Гоголь 1952: 218].

В народном творчестве сюжет, когда нечистой силе помогают обнаружить жертву вспомогательные персонажи, весьма распространен в украинских *быличках*, указывает Е.Е. Левкиевская, однако там «эту функцию выполняют разные персонажи, ничем не напоминающие Вия: киевская ведьма, самая старая ведьма, старший черт и под., в соответствующих южнорусских текстах, известных на украинско-русском пограничье, в этом качестве могут выступать кривая ведьма или младенец с хвостиком – согласно народным верованиям, с хвостами рождаются ведьмы и колдуны».

То, что главная функция Вия у Н.В. Гоголя – именно видеть, доказывают и многочисленные исследования, и гипотезы в области этимологии этого слова. Так многие исследователи считают, что имя «Вий» восходит к украинскому слову *вія* (мн. *ви*), означающему ресницу, и такая этимология зарегистрирована в «Этимологическом словаре украинского языка».

Однако, длинные ресницы в повести не у *вия*, а у *панночки-ведьмы* – «до щеки».

Ичиро Ито пишет, что «Вий – существо с длинными веками, а не ресницами, и вышеупомянутые восточнославянские фольклорные персонажи выступают чаще с длинными бровями или ресницами, а не веками. Здесь можно считать, что именование Вия мотивируется не только семантически, а также фонетически, особенно ассоциацией со словом *веко* (укр. *віко*, *повіка*). Возможно, Гоголь знал о демонологическом существе с длинными ресницами или бровями из украинского фольклора, но так как русские слова *ресница*, соответствующее украинскому *вія*, и *брови* фонетически не могут связываться с такими словами, как *веко*, видеть, Гоголь изобразил Вия именно как существо с длинными веками!» [Ито Ичиро 1989: 454–459].

По мнению других исследователей, слово Вий связано с повелительным наклонением глагола видеть. В частности, А. Терц отмечает, что имя «Вий» действительно напоминает *вой* от глагола *вить*, *вей* от *вить* и *виждь* от *видеть*, которые семантически тесно связаны с образом Вия, и именно оттого имя «Вий» носит какой-то угрожающий тон.

В.А. Воропаев и И.А. Виноградов также усматривают тесную связь с украинским языком и ссылаются на исследование

Д. Молдавского, согласно которому «имя подземного духа Вия возникло у Гоголя в результате контаминации имени мифологического властителя преисподней «железного» Ния и украинских слов: «Вирлоокый, пучеглазый» (гоголевский «Лексикон малороссийский»), «вія» – ресница и «повік» – веко [Молдавский 1990: 152–154].

С именем Вия связано, очевидно, и еще одно слово гоголевского «Лексикона малороссийского»: «віко, крышка на диже или на скрыне». В выписке Гоголя из письма матери от 4 июня 1829 г. «О свадьбах малороссиян», где речь идет о приготовлении свадебного каравая: «Коровай делают на диже, а по-ихнему на вики <...> содят его без крышки в печь, а вико надевают на дижу».)

Впрочем, и в случае естественной связи имени Вия с глаголами видеть и названием век, и в случае авторского изобретения этого неологизма Н.В. Гоголем, исследователи этого образа вольно или невольно приводят огромное количество убедительных доказательств того, что Вий, описанный Н.В. Гоголем имеет огромное сходство со значительным количеством персонажей естественного происхождения.

Несмотря на уверенность в том, что «какая-нибудь заурядная, “приевшаяся” всем киевская ведьма явно была бы не способна решить главной эстетической задачи произведения – создания атмосферы романтического ужаса», а декларацию Гоголя о «колоссальном создании простонародного воображения» следует счесть блестяще удавшейся литературной мистификацией, длящейся вот уже полтора века, вывод главного оппонента фольклорного происхождения Вия Е.Е. Левкиевской состоит в том, что «есть все основания считать образ Вия творением не “простонародного воображения”, а авторской фантазии Николая Васильевича Гоголя, сконструировавшего своего героя из реальных мифологических мотивов, встречающихся в славянских традициях» [Левкиевская 1998: 309].

И это мнение удивительным образом созвучно мнению сторонников этнографического происхождения персонажа, выраженного в резюме Ичиро Ито: «Вероятнее всего, прообраз Вия был взят из какого-то украинского фольклорного источника, но создание его имени, основанное на многих фонетических

ассоциациях с такими символическими словами, как *веко*, *видеть*, *вуй*, *волк*, *вой*, принадлежит Гоголю. Видимо, Гоголь по-своему осмысливал фольклорный мотив «злые очи», весьма характерный для всего славянского фольклора, и раскрыл философскую тему повести с помощью этого названия» [Ито Ичиро 1989: 454–459].

Таким образом, у нас есть все аргументы для логического вывода о том, что несмотря на споры об этимологии и морфологии, органичность образа Вия для русского в частности и славянского в целом мифологического пространства демонологии не вызывает сомнений, и образ Вия можно считать одним из ключевых образов мистической картины потустороннего мира.

Литература

- Абаев В.И.* Образ Вия в повести Н.В. Гоголя, М.-Л. 1958.
- Воропаев В. А., Виноградов И. А.* Комментарии // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 9 т., Т.1-2 Миргород. М., 1994
- Гоголь Н.В.* полн. собр. соч. в 14 тт. М.; л.: изд. АН СССР, 1952.
- Дмитриева Е.* Вий – кто он «Наука и жизнь» N8, 2002.
- Ито Ичиро.* Общеславянский фольклорный источник гоголевского «Вия» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1989.
- Кузьмичевский П.* Шелудивый Буняка в украинских народных сказаниях//Киевская старина 1887, № 8.
- Левкиевская Е.Е.* К вопросу об одной мистификации, или гоголевский Вий при свете украинской мифологии. *Studia mythological slavica* 1998.
- Молдавский Д.* «Вий» и мифология XVIII века//Альманах библиофила. Вып. 27. М., 1990.
- Отечественные записки* 1851.
- Терц А.* В тени Гоголя. М. Колибри, 2009.

Anna S. Evtihieva
PhD, Associate Professor,
Department of the Russian language for foreign students
the Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
eva07.09@mail.ru

THE IMAGE OF VIY IN SLAVIC FOLKLORE AND LITERATURE

The article is a brief comparative analysis of hypotheses about the origin of the image of Viy, as well as possible interpretations of the word “viy” and is addressed to specialists in the work of N.V. Gogol. Can be used in classes on working with literary text in Russian and foreign audiences.

Keywords: N.V. Gogol, the story «Viy», Slavic folklore, mythical creatures in ethnography and etymology, Gogol’s demonology, hoax, Slavic legends.

Жукова Александра Андреевна
кандидат филологических наук, преподаватель
кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия
alix_zhukova@mail.ru

Потёмкина Екатерина Владимировна
кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия
kprisareva@yandex.ru

КОЛОБОК И ЛИСА: РУССКИЕ АРХЕТИПЫ В РЭП-ТЕКСТЕ

В работе рассматриваются русские архетипичные образы Колобка и Лисы и их вариативные реализации в рэп-тексте. Проводится лингвостилистический анализ текста песни «Колобок» группы «25/17». Предлагается послетекстовый комментарий и система заданий к тексту песни для иностранных учащихся.

Ключевые слова: песня, Колобок, Лиса, рэп, прецедентный текст, архетип.

DOI: 10.29003/m4139.WGS_XXIII/136-149

В работе рассматриваются русские архетипичные образы Колобка и Лисы и их вариативные реализации в рэп-тексте. В своем исследовании мы опираемся на следующие лингвометодические подходы:

1. Текст рассматривается как основная единица обучения, а песня – как вид поэтического текста.

2. Прецедентный текст понимается как единица русской культурной памяти, посредством которой формируются архетипы сознания; в нашем случае в качестве прецедентного выступает текст сказки «Колобок».

3. В процессе обучения иностранному языку необходимо обращаться к современным, новейшим текстам, в которых творческому осмыслению подвергаются наиболее актуальные явле-

ния действительности; среди активно развивающихся направлений аудиальной словесности выделяется русский рэп.

Традиционно на занятиях с иностранными учащимися используется разнообразный песенный материал: выбор во многом зависит от уровня учащихся и их конкретных потребностей. Так, на различных этапах обучения в качестве учебного материала могут быть использованы песни различных жанров, исполняемые на русском языке, от русских народных до современного русского рока. При этом песня как художественный текст рассматривается на нескольких уровнях: на уровне передачи содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой информации. В нашей работе речь идет прежде всего о работе с иностранными филологами, которые учатся декодировать все уровни текста, а также развивают навык его лингвостилистического анализа.

Упомянутый выше русский рок изначально воспринимался в филологии как явление маргинальное, но к настоящему моменту произведения этого жанра уже рассматриваются как особый тип художественного текста, при этом русский рок – не последнее направление, возникшее в песенном творчестве на русском языке. С начала нулевых годов все большую популярность начал приобретать рэп, который сейчас уже трансформировался в понятие *русского рэпа*. С 2010-х гг. в научных кругах возрастает интерес к рэп-тексту и как к объекту филологического исследования (примером может служить прошедшая в 2019 г. в РГГУ конференция «РЭП: филологический ракурс»), и как к учебно-методическому материалу. Большой объем исследований, в том числе методических [Иванова 2011; Колесников 2014; Соковиков 2017; Бонюхова 2018; Черняков 2018; Забуга 2019; Кардинская 2020; Шамова 2020; Павлова 2022; Жукова, Потёмкина 2022 и др.], свидетельствует о существовании в лингвистике и лингводидактике широкого круга научных задач и разнообразных подходов к их решению посредством использования текстов песен русского рэпа. В настоящей работе мы предлагаем рассматривать песню в иностранной аудитории как источник извлечения информации об архетипах русского сознания, поскольку песни отдельных исполнителей отличаются высоким уровнем интертекстуальности, обладают образной и

смысловой глубиной, кроме того, на их основе может быть реконструирован фрагмент тезауруса и прагматикона русской языковой личности. Отметим, что принципиально важной для лингводидактики особенностью рэп-текста является его ярко выраженная экспрессивность и диалогичность.

Предметом нашего исследования выступает текст песни группы «25/17» – «Колобок». Главный герой данной песни – своеобразный герой нашего времени, попадающий в те же жизненные коллизии, что и всем известный герой русского фольклора, поэтому знакомство учащихся с текстом песни невозможно без предварительного прочтения одноименной сказки.

В статье «Лингвокультурологическое комментирование текста русской народной сказки в иностранной аудитории студентов-филологов» В.Э. Матвеенко определяет характер сказки как синтетический, поскольку в ней имеется сюжет, «отражающий тип мышления народа, усредненное понимание действительности определенной национальной общностью, а также языковую сторону, т.е. лексическое и синтаксическое оформление типа мышления, чаще выраженное во фразеологии (пословицах, поговорках), структуре предложения и др.» [Матвеенко 2011]. Так, изучение русских народных сказок на занятиях по РКИ способствует совершенствованию навыков лингвострановедческой компетенции. В ряде статей выделяются такие этапы работы по организации лингвокультурологического комментирования фольклорного текста, как 1) определение в фольклорном тексте единиц с национально-культурным компонентом; 2) классификация выделенных единиц по тематическому (герои, антигерои, географические названия, предметы быта, фразеологизмы и т.д.) и лексико-грамматическому (имена собственные, эпитеты, формулы этикета, сравнения, начала и окончания текста) признаку; 3) составление лингвокультурологического комментария к выделенным единицам. Привлечение рэп-текстов с фольклорной основой нарратива предполагает решение еще более сложного комплекса задач, среди которых: 1) выявление сюжетного и образного ядра (архетипического) в тексте песни; 2) анализ смыслового пространства как претекста, так и анализируемого текста; 3) определение актуальности фольклорного

сюжета для континуума анализируемого произведения и соответствующей ему внеязыковой действительности.

Подчеркнем, что обязательным при работе с рэп-текстом с фольклорной составляющей в иностранной аудитории является комментированное чтение, направленное на понимание учащимися семантической стороны текста, социо-культурного и исторического контекста и определения актуальности фольклорной составляющей (эвристическая компонента) в настоящее время.

С одной стороны, по справедливому замечанию О.М. Сергеевой, предсказуемость, доступность и в некоторых случаях повторяемость сказочного сюжета способствуют созданию перцептивной готовности аудитории к восприятию содержания. В то же время многомерность фольклорных текстов раскрывается преимущественно на коммуникативном уровне. В случае, когда сказочный сюжет «растворен» в тексте песни, его рецепция является довольно сложной с методической точки зрения задачей.

Выделение уровней смысла в сказочных текстах обусловлено существованием традиционной антитезы *форма – содержание*. Разграничение примитивной формы, нарративного смысла становится необходимым в том случае, если вводится предположение о наличии иносказательного смысла в том или ином тексте. Иносказание рассматривается нами как неявный, скрытый смысл, конкурирующий с вербальным. Колобок – древний символ, метафора в широком смысле, результат сложного метонимического переноса. Мы ассоциируем его с человеком, хотя в его основе лежит вещественное начало, как и в сказке Метерлинка «Синяя птица».

Отметим также, что первое упоминание о кумулятивной сказке «Колобок» на русском языке относится к 1873 г. в сборнике сказок под редакцией А.Н. Афанасьева, однако Колобок – это вариант фольклорного сюжета, представленного во многих культурах.

Далее перейдем к анализу текста интересующей нас песни.

Известный фольклорный сюжет о Колобке встречается в творчестве группы «25/17» в треках с ритмико-музыкальной составляющей четыре раза – «Пока не выключат свет», «Пирамида

масла», «Щеглы» и «Колобок» – трек из последнего альбома 2022 г. «Одолень». Последний текст представляется, с нашей точки зрения, наиболее подходящим для работы в иностранной аудитории.

Опишем ход работы с данным текстом, основанный на методике лингвостилистического анализа художественного текста.

Задание 1. Прочитайте текст русской народной сказки «Колобок» с комментарием. Перескажите сказку от лица Колобка, Бабушки, Дедушки, Зайца и Лисы.

<...>

Задание 2. Прослушайте и прочитайте текст песни группы «25/17» «Колобок» (2022) с комментарием. Ответьте на вопросы и выполните задания после текста.

Колобок

– А не спеть ли мне песню¹...?

– А не спеть²!

– А не написать ли хит³...?

– А не написать!

Колобок так хотел всё и вся⁴ успеть

Вот и всё, тик-так⁵, заходи, Лиса.

Мне снилось, я иду по Елисейским Полям⁶

Мне снилось, я живу на Голливудских холмах⁶

Но за окном моим столбик⁷ ниже нуля

Ведь за окном моим подмосковная зима

– Ну⁸, заходи, раз пришла, потупим⁹ вдвоём.

Заходи прям так, кроссы не снимай.

Напрягу филиппинок¹⁰ прибрать жильё.

Я ж свалю¹¹ сто пудов¹², край¹³ – апрель-май.

Наконец-то выдохну¹⁴, войду в ресурс¹⁵.

Допишу уже альбом, закончу роман.

Личностный рост¹⁶, левел ап¹⁷, ускоренный курс

Инглиша¹⁸, по утрам кофе и круассан.

<...>

Меня искали по амбарам, сусекам и барам

Приставы¹⁹, юристы, опера²⁰ и какие-то <...>

Но не нашли. И ты меня, Лиса, никому не сдашь²¹

Я же сказочный персонаж.

<...>

– А я приду к тебе, как похмелье²² после пьянки²³.
Ну что ты, в самом деле²⁴, что ты кричишь подранком²⁵?
Планета кружится в танце, после дня ночь.
И тут без шансов²⁶ – хочешь ты меня или не очень.

<...>

Вообще плевать мне²⁷, за кого ты там голосовал.
И как ты платишь по счетам²⁸, кэш²⁹ или безнал³⁰.
Я дам тебе свободу, и дух³¹ покинет тело.
– Ну как понять, куда?³² Есть другие пределы³³
Вот твой уже окончен бег³⁴, тебе пора вниз³⁵.
Я выгляжу как человек, но для тебя я – Лис³⁶.

Комментарий

¹ **А не спеть ли мне песню...?** – начальная строчка из песни «О любви» русской рок-группы Чиж & Со. Ср.:

А не спеть ли мне песню о любви?

А не выдумать ли новый жанр?

² **А не спеть, ... А не написать** – *Как вы думаете, почему в ответе повторяется часть вопроса?*

³ **хит** – от англ. **hit** – популярное музыкальное произведение

⁴ **всё и вся** – разг., устар. **всё** до конца

⁵ **тик-так** – межд. *Что может издавать такие звуки? Какое значение имеет данное междометие в тексте?*

⁶ **Елисейские поля... Голливудские холмы** – *Знаете ли вы, где находятся данные достопримечательности? Что они могут символизировать?*

⁷ **столбик** – разг. о термометре

⁸ **ну** – част. разг. используется для усиления побуждения к совершению какого-л. действия

⁹ **тупить/потупить** – жарг. бездельничать, проводить/провести время без цели. *Какие однородные слова вы знаете?*

¹⁰ **филиппинка** – жительница государства Филиппины

¹¹ **валить/свалить** – жарг., груб. уезжать/уехать

¹² **сто пудов** – жарг. точно, сто процентов

¹³ **край** – жарг. не позднее, в крайнем случае

¹⁴ **выдыхать/выдохнуть** – разг. расслабляться/расслабиться, успокаиваться/успокоиться. *Опишите событие, после которого вы сможете выдохнуть. Составьте в разговорном стиле диалог с данным глаголом.*

¹⁵ **войти в ресурс** – жарг., психол. быть энергичным, полным сил. *Когда вы можете сказать о себе, что вы «не в ресурсе»?*

- ¹⁶ **личностный рост** – *психол.* развитие способностей и внутреннего мира человека
- ¹⁷ **левел ап** – от *англ. level up* – *жарг.* Как бы вы перевели это выражение на русский язык?
- ¹⁸ **инглиш** – *жарг.* Как образовано данное слово? Есть ли подобные слова в вашем языке?
- ¹⁹ **пристав** (судебный) – должностное лицо, **приставленное** к кому-л. для наблюдения
- ²⁰ **опер** – *жарг.* милиционер, полицейский
- ²¹ **сдавать/сдать кого кому** – *жарг.*, предавать/предать кого-л., раскрывать/раскрыть чей-л. секрет
- ²² **похмелье** – плохое самочувствие после употребления алкоголя
- ²³ **пьянка** – *разг.* застолье с алкоголем. Как образовано данное слово?
- ²⁴ **в самом деле** – *разг.* действительно; употребляется при выражении удивления с оттенком недовольства
- ²⁶ **подранок** – *разг.* раненое животное. Как вы представляете себе, что значит **кричать подранком**?
- ²⁷ **без шансов** – *разг.* без вариантов, в любом случае (о чём-л. негативном). Составьте предложения с данным выражением.
- ²⁸ **плевать/наплевать кому на кого/что** – *разг., груб.* относиться/отнестись к кому-, чему-л. с безразличием, презрением
- ³² **платить/заплатить по счетам** – Приведите пример употребления данного выражения в прямом и переносном значении. Как вы думаете, в каком значении употреблено данное выражение в тексте?
- ²⁹ **кэш** – от *англ. cash* – *жарг.* деньги на руках, наличные
- ³⁰ **безнал** – *жарг.* сокращение от **безналичные деньги** – деньги, находящиеся на счёте в банке
- ³¹ **дух** – Как вы понимаете различие в значении слов **дух** и **душа**? Приведите примеры употребления данных слов.
- ³² **Ну как понять, ...?** – *разг.* употребляется при переспросе, выражает недоумение, почему собеседник чего-л. не понимает. Ср. *Кто ты? – Ну как понять, кто я? Я это я!*
- ³³ **предел** – край, граница, черта. Как вы думаете, что имеет в виду герой, когда говорит о существовании «других пределов»?
- ³⁴ **Твой уже окончен бег** – Как вы понимаете значение данного выражения?
- ³⁵ **вниз** – Какое значение имеет в тексте слово **вниз**? Что может находиться **внизу**?
- ⁴⁶ **Лис** – Как вы думаете, в чём различие между словами **Лиса** и **Лис**? Приведите аналогичные примеры парных существительных.

Вопросы и задания:

1. Как вы можете охарактеризовать лирического героя? Кто он? Обращаясь к тексту песни, расскажите, что известно о его прошлом.
2. Какой тип речи представлен в песне (монолог, диалог, полилог)? Как вы думаете, почему?
3. Голоса скольких исполнителей вы услышали? Какие слова из песни принадлежат Колобку, а какие – Лисе?
4. Разделите текст песни на несколько смысловых частей. Аргументируйте свой ответ.
5. Сопоставьте текст сказки «Колобок» с прослушанным рэп-текстом. Найдите в тексте парафразы из сказки «Колобок».
6. Найдите в тексте песни слова и выражения, связанные с темой 'время'. Составьте с ними предложения. Как вы думаете, какую функцию данные слова и выражения выполняют в тексте? Какие еще тематические группы можно выделить в тексте песни?
7. Как вы думаете, почему современные исполнители в XXI в. обращаются к сюжету о Колобке? Знаете ли вы, что такое *архетип*? Можно ли сказать, что Колобок и Лиса – это *архетипические образы*? Аргументируйте свой ответ.
8. Напишите свой современный вариант сказки «Колобок».

Нарративный смысл прецедентного сюжета о Колобке раскрывается в тексте песни в большой степени благодаря рассказанной автобиографии героя, слова которого студенты без труда отделяют от речи автора и другого персонажа песни. На данном этапе анализа текста учащиеся формируют представление о лирическом герое, знакомятся с новой лексикой, оценивают ее с точки зрения стилистики русского языка, составляют предварительное мнение о стилистической организации всего текста и его жанровой принадлежности. Сопоставив языковые портреты главного героя песни и Колобка, учащиеся приходят к выводу о наличии общих черт между персонажами – легкомысленность и доверчивость Колобка причудливо преломляются в образе инфантильного, легковесного героя XXI века, интерес которого сосредоточен на желании «катиться» по жизни без цели: *Мне снилось, я иду по Елисейским Полям / Мне снилось, я живу на Голливудских холмах, Я ж свалю сто пудов, край — апрель-май / Наконец-то выдохну, войду в ресурс / Допишу уже альбом, закончу роман / Личностный рост, левел ап, ускоренный курс / Инглиша, по утрам кофе и круассан* Все эти отличитель-

ные черты способствуют формированию представления о Колобке как об антропоморфном герое, судьба которого во многом схожа с человеческой – подобное понимание прослеживается в статье П. Червиньски «Пространственность преодолений и перехода русского когнитива (на материале двух прецедентных сюжетов)», в которой прецедентный текст о Колобке воплощает мужскую инициацию [Червиньски 2010].

С учетом предварительного прочтения оригинальной сказки учащиеся без труда выделяют парафразы, которые помогают им сопоставить образ лирического героя из песни со сказочным персонажем: *А не спеть ли мне песню / А не спеть; Я ушёл от родителей в двадцать два, / Меня искали по амбарам, сусекам и барам.*

В некоторых случаях учащимся требуются дополнительные вопросы, которые обращают их внимание на «смеховое слово», являющееся отличительным признаком традиции постмодерна. Как справедливо замечают И.Л. Галинская и Н.А. Ашихманова в монографии «Трансформация ценностей в концептосфере постмодернизма», текстам этого направления присущи ирония, парадокс, черный юмор, которые выполняют функцию художественно-критического воссоздания реальности – в песне комично обыгрывается жизнь Колобка в современных реалиях [Галинская, Ашихманова 2015].

Постмодернистской типизации подвергается и лирический герой. «Колобок нашего времени» представлен в данном тексте как своеобразная пародия на персонажа из романов американских постмодернистов. Трансформируется по сравнению с фольклорным текстом и образ Лисы: *Я выгляжу как человек, но для тебя я – Лис.* Отличительной особенностью текста является отказ от антропоморфичности лисы – в тексте отсутствует ее описание. Одно из притекстовых заданий направлено на сопоставление образа Лисы в тексте сказки и песни.

Учащиеся без труда отвечают на вопрос о количестве исполнителей песни, а также понимают, что смена голосов связана с изменением роли нарратора, однако далеко не всегда учащиеся замечают, что Колобка в действительности не понятен комму-

никативный портрет¹ реципиента: *Вот и всё, тик-так, заходи, Лиса; И ты меня, Лиса, никому не сдашь / Я же сказочный персонаж.*

Второй блок, направленный на контроль понимания более глубокого уровня текста, содержит вопросы, которые должны подвести читателей к мысли, что диалог Колобка и Лиса предполагает создание нового контекста, в котором актуализируется философский смысл. Такое развертывание смысла не способен угадать главный герой, потому что, как и герой сказки, он уверен в собственной непобедимости и правоте. Вводится ассоциативная цепочка «время – жизнь – смерть». Лексемы-маркеры данного уровня – слова из тематической группы «время»: *успеть, тик-так, зима, апрель-май, предел, окончен, пора.* Также важно проанализировать имеющиеся в тексте предикаты с точки зрения видовременной соотнесенности (*войду, допишу, закончу; убежал, пропал, искали; кричишь, кружится; окончен бег, тебе пора вниз*). Учащиеся сопоставляют финалы текста сказки и песни, стараются ответить на вопрос, *почему Колобок должен погибнуть?*

На данном этапе необходимо ввести понятие *архетипа*, который связан с уровнем тезауруса и прагматикона языковой личности. В психологии отмечается, что трансформация архетипа в образ реализуется через мифотворчество, в том числе через создание сказок.

Понятия «архетип» и «тезаурус» объединяет то, что носителями языка этот уровень коммуникации как правило не осознается, однако безошибочно распознается, часто на противопоставлении оценок *свой – чужой, помню – не помню, сопереживаю – не сопереживаю* и т.д. Уровень *прецедентности* сказки «Колобок» в русской культуре *беспрецедентный*. Можно сказать, что все носители русского языка так или иначе оперируют в своей жизни моделями поведения героев данной сказки.

---

¹ Коммуникативный портрет представляет собой упорядоченную и взаимосвязанную совокупность необходимых автору сведений о тех сторонах личности реципиента, которые обуславливают его свойства как приемника текста.

Через текст сказки тезаурус открывается перед учащимися как шкатулка – прецедентное имя Колобок тянет за собой такие когнемы, как *русская сказка, детство, бабушка и дедушка, печь хлеб, убежать из дома, нарушать запрет родителей*. С образом Колобка связан концепт «хвастовство», с образом Лисы – концепт «хитрость». Всё то же мы видим в тексте песни.

Прагматикон – уровень ценностных и оценочных ориентиров, эмоций – раскрывается на уровне сюжета. Колобок оказывается наказан за то, что убежал из дома, за то, что хвастался и купился на лесть. В тексте песни позиция автора открыто выражается через перечисление действий «сказочного персонажа». При этом иную, чем в тексте сказки, оценку получает Лиса – здесь она беспристрастный судья.

Переход к философской проблематике открывает в тексте коммуникативно-мотивационный уровень смысла, в котором читателю постмодернистского произведения предлагается выступить не только в роли интерпретатора текста, но и соавтора, который формирует свой образ мира, а также концепцию собственных ценностей. Поскольку культурный концепт в постмодернизме обладает многослойной организацией, читателям предлагается наполнить концепт «жизнь» собственным значением, а также ответить на вопрос об этапах человеческой жизни, выборе пути, концепте «судьба».

В качестве дополнительного задания, чтобы более ярко эксплицировать студентам точку зрения авторов текста, в качестве послетекстовой работы предлагается прочитать небольшой прозаический текст «Печенье с молоком» (авт. А.В. Завьялов, А.А. Позднухов), написанный авторами песни в жанре скита. Притчевый характер данного текста угадывается за счет кумулятивного сюжета, знакомого читателям по фольклорным жанрам.

В качестве заключения отметим, что использование на занятиях по русскому как иностранному текстов, подобных рассмотренному, способствует, на наш взгляд, как углублению навыков лингвостилистического анализа текста, так и активизации рефлексивной деятельности в самом широком смысле. В качестве примера обобщения, к которому могут прийти учащиеся в ре-

зультате анализа текста песни «Колобок» и выполнения предложенных заданий можно предложить следующее.

Рэп-текст обладает диалогичностью, согласно принципам которой читатель вправе выбирать вариант (или совмещать варианты) прочтения текста песни «Колобок».

Авторы песни оставляют свободу читателям в вопросе оценки «судьбы» Колобка, однако через сюжет раскрывают и свое отношение к герою. Через сопоставление с текстом оригинальной сказки можно обнаружить языковую игру, а также авторскую иронию в отношении героя песни.

Образ Колобка в тексте песни обладает набором антропоморфных черт и предполагает обращение к понятию (концепту) *человек*.

Литература

Бонюхова Е.А. Интертекстуальные знаки в рэп-поэзии (на материале концептуального альбома М.Я. Федорова «Горгород»). Минск, 2018. – С. 23–26.

Галинская И.Л., Ашихманова Н.А. Трансформация ценностей в концептосфере постмодернизма // Вестник культурологии. 2015. №3 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-a-ashihmanova-transformatsiya-tsennostey-v-kontseptosfere-postmodernizma> (дата обращения: 11.03.2024).

Жукова А.А., Потёмкина Е.В. Рэп-текст в методике преподавания русского языка как иностранного // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. Донецк, 2022. №4. – С. 41–54.

Забуга А.А. Русская хип-хоп музыка как современный инструмент обучения русскому языку как иностранному в высшем учебном заведении // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-hip-hop-muzyka-kak-sovremennyy-instrument-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostrannomu-v-vysshem-uchebnom-zavedenii> (дата обращения: 11.03.2024).

Иванова П.А. Генезис рэп-поэзии // Актуальные проблемы современного литературоведения: Сборник статей молодых ученых. Том Выпуск 6. – М.: Российский университет дружбы народов, 2011. – С. 76–85.

Кардинская С.В. Миры рэп-поэзии: искусство на пределе современности // Международный журнал исследований культуры. – 2020. № 2(39). – С. 18–31.

Колесников А.А. Использование рэп-музыки в рамках аудиовизуального метода обучения РКИ // Актуальные проблемы преподавания русского

языка как иностранного в вузе: материалы III Междунар. науч.-метод. конф. М., 2014. – С. 120–126.

Колесников А.А. Язык представителей хип-хоп культуры: от социолекта к дискурсу // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 1 (1). – С. 60–66.

Матвеевко В.Э. Лингвокультурологическое комментирование текста русской народной сказки в иностранной аудитории студентов-филологов // Русистика. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturo-logicheskoe-kommentirovanie-teksta-russkoy-narodnoy-skazki-v-inostrannoy-auditorii-studentov-filologov> (дата обращения: 11.03.2024).

Павлова А.А. Традиции и новаторство в русской рэп-поэзии // Stephanos. – 2022. № 5 (55). – С. 63–69.

Соковиков С.С. Между Пушкиным и Хармсом: проекции литературы в рок-поэзии и рэп-культуре // Искусствознание: теория, история, практика. 2017. № 3(20). – С. 59–67.

Червиньски П. Пространственность преодолений и перехода русского когнитива (на материале двух прецедентных сюжетов) // Лингвокультурология. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennost-preodoleniy-i-perehoda-russkogo-kognitiva-na-materiale-dvuh-pretседentnyh-syuzhetov> (дата обращения: 11.03.2024).

Черняков А.Н. Три «дурачка»: об одном летовском образе в перспективе русского рэпа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2018. №18.

Шамова Н.Д. Легенда о Крысолове в зеркале русскоязычной рэп-поэзии (на материале альбома Артема Лоика "Крысолов") // Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики: Мат. научно-метод. конф., Москва, 25 февраля 2020 года. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 235–240.

Aleksandra A. Zhukova

PhD, Teacher

*Department of the Russian Language for Foreign Students
the Faculty of Philology*

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

alix_zhukova@mail.ru

Ekaterina V. Potemkina

Ph.D., Senior Teacher

*Department of the Russian Language for Foreign Students
the Faculty of Philology*

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

kpisareva@yandex.ru

**KOLOBOK AND THE FOX:
RUSSIAN ARCHETYPES IN RAP LYRICS**

The paper examines the Russian archetypal images of Kolobok and Fox and their variable implementation in rap text. A linguistic and stylistic analysis of the lyrics of the song «Kolobok» by the group «25/17» is carried out. A post-text commentary and a system of tasks for the lyrics of the song for foreign students are offered.

Keywords: song, Kolobok, Fox, rap, precedent text, archetype.

Сергеева Ольга Михайловна

*Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка
для иностранных учащихся филологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва, barsom@bk.ru*

МАЛЫЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Рассматриваются художественные функции включенных в сказочный текст малых фольклорных жанров – поговорки и загадки, раскрываются их семантические особенности и сюжетно-композиционная роль. Исследованы жанровое своеобразие и структурные особенности сказочных загадок, намечена их типология.

Ключевые слова: русская народная сказка, поговорка, загадка, типология загадок.

DOI: 10.29003/m4140.WGS_XXIII/150-160

Каждый фольклорный жанр по-своему отражает душу народа и его миропонимание, его ценности и приоритеты. С одной стороны, жанры уникальны по своим содержательным возможностям и средствам выражения. С другой стороны, народное творчество едино в своем многообразии, его жанры не изолированы друг от друга, возможно их пересечение и взаимовлияние.

Среди фольклорных жанров наиболее гибкой структурой и наибольшей содержательной емкостью обладает народная сказка. Она способна органично вместить в себя элементы других жанров. В данной статье исследуются русские народные сказки, в которые включены такие малые формы, как загадка и поговорка. Объектом нашего внимания будут структура, семантика загадок и особенности их функционирования в составе текста, а также семантика и сюжетная роль поговорки в сказках.

Если обратиться к традиционному представлению о жанровых особенностях загадки, то мы увидим, что загадка апеллирует к сложившемуся стереотипу и обычно представляет собой описание какой-либо жизненной реалии через ее характерные, уникальные признаки. Анализируя тексты русских народных сказок, мы убедимся в том, что включенные в них загадки во многих случаях такому узкому пониманию не соответствуют.

Широкое определение этого жанра дал В.И. Даль, определивший загадку как что-либо «сомнительное, неизвестное, возбуждающее любопытство, иносказание или намеки, окольная речь, обиняк, краткое иносказательное описание предмета» [Даль 2002: 511].

Сказочные сюжеты, при всем их разнообразии, часто складываются как цепочка эпизодов, в которых герой вступает в конфликты и подвергается различного рода испытаниям. В испытаниях проверяются характер героя, его ум, смекалка, находчивость и другие качества.

Тема ума и глупости – одна из магистральных в русских сказках, как в социально-бытовых, так и в волшебных. Во многих сюжетах герою предлагается загадка, разрешение которой спасет его в трудной жизненной ситуации, либо поможет получить желаемое, либо послужит его самоутверждению. При этом герой может вступать в интеллектуальное состязание с другим персонажем, который нередко стоит значительно выше его на социальной лестнице.

Бесстрашно вступает в соревнование умов простой солдат – любимый герой русских сказок.

В сказке «Солдатская загадка» подобный поединок предлагает голодным солдатам недалекая и жадная старуха, утаившая вареного петуха и вынудившая солдат совершить кражу. Решив, что ловко провела солдат, старуха вздумала посмеяться над ними и задала им загадочный вопрос: «Скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сквородным, здравствует ли Курухан Куруханович?» Каков вопрос, таков и ответ. Солдаты, вместо петуха подложившие лапоть и прекрасно понявшие иносказание, отвечают в том же ключе, используя ту же языковую модель; они сообщают старухе, что Курухан Куруханович переведен в Сумин город, а замещает его Липан Липанович.

Загадка здесь выступает в форме иносказания, основанного на созвучности слов реального языка и метаязыка, изобретенного старухой; в ней содержится наименование предмета и указание на его местонахождение.

Интеллектуальная игра, затеянная старухой и поддержанная солдатами, является композиционным центром сказки и включает в себе важнейший компонент ее содержания, потому

что главная идея сказки – утверждение умственного превосходства солдат над глупой старухой, наказанной за нарушение законов гостеприимства.

В сказке «Мудрая дева» представлены различные типы загадок, которые берется отгадать семилетняя девочка, чтобы выручить из беды отца. Первая из них представляет собой серию вопросов философско-мировоззренческого содержания, не имеющих однозначного ответа: «Что всего в свете сильнее и быстрее, что всего в свете жирнее, что всего мягче и что всего милее?» Разгадкой считается хорошо аргументированное утверждение, которое невозможно опровергнуть.

Такая форма испытания носит типовой характер и встречается во многих сказках. Так, солдату в сказке «Мудрые ответы» задаются каверзные вопросы: «Высоко ли небо от земли? А широка ли земля? А глубока ли земля?» В сказке «Пётр Великий, монахи и отставной солдат» царь требует разгадать три загадки – определить, сколько на небе звезд, глубока ли земля и что у него, царя, на уме.

Похожие вопросы задает солдату хозяин избы в сказке «Шел солдат домой»: «А что значит чистота? А что значит благодать? Что такое красота?» Ответы неожиданны: кошка, вода, огонь.

Отметим, что солдат, которому предлагается роль отгадчика, может не только включиться в предлагаемую игру, но и перехватить инициативу у загадчика. Подобное происходит в сказке «Солдатская загадка». Такой сюжетный ход есть и в сказке «Шел солдат домой»: солдат, из мести поджигающий дом обидчика, уходя, бросает ему загадку, скрывающую в себе метафорическое объяснение происходящего: «Да вот тебе на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту; коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати! Отгадывай! – сказал солдат и пошел со двора».

К философским вопросам добавляется обычно более трудное задание. Например, последнее, четвертое, испытание ума мудрой девы также формулируется как загадка: она должна явиться к царю «ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка». Такое описание, на первый взгляд, кажется абсурдным, если понимать абсурд как «неле-

пость, бессмысленность феномена или явления» [Грицанов 2002: 7]. Языковой абсурд в загадках – явление нередкое, отмечают исследователи [Титова 2010].

На самом деле это не столько загадка, сколько творческое задание, выполнение которого весьма затруднительно (подобное задание получает и героиня в сказке «Мудрая жена»). Девочка находит решение, явившись к царю закутанной в сеть, с перепелкой в руке в качестве подарка и верхом на зайце. А солдату в финале сказки «Мудрые ответы» предлагается загадка-задание в форме метафорического иносказания, смысл которого он должен разгадать: «Я пошлю к тебе тридцать гусей; умей по перу выдернуть» [Афанасьев 1976: 411]. Сообразительный герой понял, что речь идет о тридцати купцах, с каждого из которых он должен получить по тысяче рублей. Подобный шанс разбогатеть в иносказательной форме дает герою царь в сказке «Горшения», прибегая к тем же метафорам: «Прилетят гуси, перышки оциплешь, а по-правильному покинешь?» На что герой дерзко отвечает: «Годится, так покину, а то и наголо оциплю». В ситуациях такого рода очень важно умение героя включиться в словесную игру, понять намек и дать ответ в той же форме.

Загадка в сказках является смысловым и композиционным центром, главным сюжетобразующим элементом. Об этом говорят даже названия – «Солдатская загадка», «Мудрые ответы», «Мудрая дева» и др.

Если загадок в тексте несколько, то они представляют собой опорные точки в развитии сюжета: герой последовательно разгадывает загадку за загадкой, продвигаясь к благополучному финалу.

Сказочная загадка может не только строить сюжет, но и завязывать его. Такой вариант находим в сказке «Царевна, разрешающая загадки», которая начинается с того, что царевна говорит отцу: «Позволь мне, батюшка, отгадывать загадки; если у кого отгадаю загадки, тому чтобы голову ссекли, а не отгадаю, за того пойду замуж». Загадчиком решает выступить Иван-дурак, оказавшийся хитрее всех умных.

Н.Г. Титова выделяет основные способы организации кодирующей части загадки: метафора, метонимия, описание, сравнение, отрицательное сравнение [Титова 2010]. Однако загадки

Ивана-дурака в данном тексте выходят за рамки такой классификации. По пути к царевне Иван-дурак увидел лошадь в хлебном поле, выгнал ее кнутиком и сказал: «Вот загадка есть!» Дальше увидел змею, заколол ее копьём и подумал: «Вот другая загадка!» Эти свои действия Иван представил в иносказательном виде: «Ехал я к вам, вижу на дороге добро, в добре-то добро же, я взял добро-то да добром из добра и выгнал; добро от добра и из добра убежало. Ехал я к вам, на дороге вижу зло, взял его да злом и ударил, зло от зла и умерло». Здесь обозначены действия, но объекты и инструменты действия скрыты. В этом случае нарушается традиция организации кодирующей части загадки, эта часть замещается оценкой, основанной на слишком широком обобщении (добро, зло). Такую загадку в принципе нельзя отгадать – слишком много неопределенности.

На неопределенности строится и загадка в сказке «Загадки» (Афанасьев №321): старуха за ночлег назначает плату – загадку. После бани и ужина купец уезжает, не выполнив условия и получив от старухи стакан какого-то пойла, перелитого им в кувшин и взятого в дорогу. Пойло оказалось ядом, от которого гибнут конь, вороны и встреченные купцом люди. Вернувшись к старухе, купец излагает происшедшее в виде загадки: «Из стакана в кувшин, из кувшина на ладонь, с ладони на плётку, с плётки на коня, из коня в тридцать воронов, из воронов в тридцать молодцев». В этом случае загадка также имеет форму иносказания, в котором скрыт объект действия и само действие, названы только перемещения объекта; однако данная загадка содержит подсказку (пойло было в стакане и перелито из стакана в кувшин), которую старуха не заметила.

В другой сказке (Афанасьев «Загадки» №323) мужик-сеятель, применяя метафору, перечисляет перед царем статьи расхода семейного бюджета:

«Двадцать рублей в подать взношу, двадцать – долгу плачу, двадцать – займы даю, да двадцать – за окно кидаю». Царь просит растолковать сказанное и получает такой ответ: «Долг плачу – отца содержу, займы даю – сына кормлю, за окно кидаю – дочь питаю». Царю загадка понравилась, он предлагает ее своим не блещущим умом боярам и генералам, и далее сюжет разворачивается вокруг этой загадки.

Подобными загадками, основанными на метафорическом переносе, объясняется с царским сыном и крестьянская девушка в сказке «Мудрая жена»: «Худо, коли двор без ушей, а изба без очей; родители пошли займы плакать, а брат угнал сто рублей на пятак менять». Эти загадочные слова означают следующее: была бы во дворе собака, она бы лаем предупредила о приходе гостя, были бы в доме дети, они увидели бы незнакомца и сообщили хозяйке; родители на похоронах, а брат на сторублевом коне поехал зайцев гонять, от зайца прибыли на пятак, а загонит коня – на сто рублей потери.

В сказке «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что» опорными точками сюжета становится последовательность трудновыполнимых заданий для стрелка Андрея. Удивительно, что эти задания по поручению царского советника изобретает «кабацкая теребень в рваном кафтанишке», т.е. человек, занимающий низшую ступень социальной лестницы. Последнее задание (пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что) представляется совершенно невыполнимым, оно так странно, что его и загадкой назвать нельзя. Перед нами яркий пример языкового абсурда: императивы *пойди*, *принеси* предполагают действия с определенным объектом, однако именно объект действия безнадежно закодирован. Это игра без правил. В этом случае ум человеческий бессилён, и даже магия Марьи-царевны здесь не работает. Интересно, что герои сказки не воспринимают такую формулировку как языковой абсурд. Они понимают поставленную перед ними задачу конкретно – как загадку, имеющую вполне определенную разгадку. Их усилия сосредоточены на поиске информации о таинственном предмете (то – не знаю что) и о направлении поиска (туда – не знаю куда).

Приведенные нами примеры загадок и выявленная типология разновидностей этого фольклорного жанра, функционирующих в русских народных сказках, подтверждают мнение исследователя – они действительно образуют «довольно большую околожанровую группу, своеобразие которой, а также связь с загадками вполне ощутима» [Митрофанова 1977: 38].

Следует отметить разнообразие персонажей, которые загадывают или отгадывают загадки. Загадчиком часто выступает царь, также в этой роли могут быть женщина (девушка, девочка,

старуха), крестьянин, ремесленник, солдат и даже купец (нехарактерно). Отгадчиками оказываются солдат, молодая женщина (девушка, девочка, старуха) и другие персонажи.

Интересно, что в финале почти всех сказок, включающих загадки, человек из народа благодаря своему уму не только одерживает моральную победу над противником, но и получает материальное вознаграждение. Этот факт свидетельствует о том, что в сознании народа ум как интеллектуальная способность соединяется с практической хваткой, умением не упустить выгоду, смелостью и решительностью в действиях. Идеинная функция загадки в русских народных сказках – прославление ума простого человека.

Иную функцию выполняет в русской народной сказке такой малый фольклорный жанр, как пословица. Пословицы в сказках довольно многочисленны и отличаются разнообразием содержания, а также своей функцией в сказочном тексте.

Прежде всего остановимся на пословицах, присущих собственно сказке, тесно связанных не только с содержанием сказки, но и с ее формой или отдельными персонажами и потому частотных. Первая пословица в этом списке – «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Эта пословица является принадлежностью волшебной сказки и обычно вводится в текст как указание на продолжительность какого-либо процесса, например на время, которое занимает путь героя («Царь-девица»), «Морозко», «Пойди туда – не знаю куда» и др.). Следует отметить, что сказка, как правило, не испытывает интереса к описанию, процессу и сосредоточена на результативных действиях, которые меняют ситуацию и продвигают действие к финалу: «Шел он куда глаза глядят, долго ли, коротко ли, – скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, – приходит к избушке» («Царь-девица») [Афанасьев 1976: 298]. Так обеспечивается и компактность текста. Можно предположить, что именно благодаря популярным сказкам данное высказывание, будучи изначально сквозным элементом сказочных текстов, обрело самостоятельность и, расширив свое содержание, пошло в народ, приобретя статус пословицы.

В исследовании В.Я. Проппа выявлены системные отношения в русской волшебной сказке и определены функции пер-

сонажей [Пропп 1998]. Отметим, что с функциями отдельных персонажей связаны и некоторые пословицы. Так, пословица «Утро вечера мудренее» часто выступает как атрибут героини, связанной с миром магии и имеющей волшебных помощников. Эта пословица весьма частотна в сказках; она содержится в эпизодах, в которых озабоченный трудным заданием герой делится своими переживаниями с женой, не зная, что та обладает магическими способностями. Жена берется выполнить трудное поручение вместо мужа, но он не должен видеть, как это будет сделано. Она укладывает его спать, давая надежду, что решение найдется и будет наилучшим. Эта пословица, как и женский персонаж, с которым она связана, также является сквозным элементом в русских волшебных сказках («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», «Царевна-лягушка», «Мудрая жена» и др.). Встречаются эпизоды, в которых функцию помощника выполняет мужской персонаж. Так, в сказке «Вещий сон» купеческий сын Иван, получивший волшебные атрибуты – шапку-невидимку и сапоги-скороходы, берется отгадать для царевича загадки царевны. Он успокаивает и обнадеживает царевича, произнося эту пословицу.

Пословица «Много будешь знать – скоро состареешься» связана с персонажем, в высокой степени владеющим тайными знаниями. Такие слова, например, произносит баба-Яга в сказке «Василиса Прекрасная», отвечая Василисе: «Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!», подчеркивая тем самым свою причастность к высшим слоям иерархии [Афанасьев 1976: 127].

Множество пословиц употребляется в сказочных текстах в соответствии с конкретными сюжетными ситуациями. Так, пословица «Чему быть, того не миновать» упоминается в сказке «Иван меньшой – разумом большой» в эпизоде, где баба-Яга предупреждает героя об опасности, ожидающей его в поисках диковинок, за которыми послал царь: «- Ну, бабушка, чему быть, того не миновать, а ты пособи моему горю, расскажи, куда мне ехать» [Нечаев 1958: 51]. В финальном эпизоде перед опасным испытанием он подкрепляет свою решимость пословицей «Двум смертям не бывать, а одной не миновать» [Там же: 60].

Пословица часто выступает аргументом в пользу какого-либо решения или поступка. Так, в сказке «Иван меньшой – разумом большой» молодая невеста пословицей «На чужой роток не накинешь платок» убеждает старого царя в необходимости омолодиться, объясняя, что их неравный брак вызовет осуждение в обществе [Нечаев 1958: 59]. Или, например, в сказке «Белая уточка» князь, вынужденный вскоре после свадьбы уехать по неотложным делам, утешает и наставляет молодую жену пословицей «Век обнявшись не просидеть» [Афанасьев 1976: 353].

Пословица ситуативна, сама по себе она не строит сюжетный эпизод, но обосновывает и утверждает решение героя, подкрепляя его коллективным опытом многих поколений, а решение влечет за собой поступок, и таким образом проявляется косвенное влияние пословицы на ход сюжета. Например, в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» Иван-царевич принимает предложение поверженного противника стать ему названным братом и берет на себя соответствующие обязательства, подкрепляя свое решение пословицей «Коли дружбу водить, так и в беде помогать» [Афанасьев 1976: 199]. Такой выбор определяет дальнейший ход событий: герои вместе едут воевать с бабой-Ягой.

В сказке «Царевна-лягушка» пословица отражает состояние растерянности героя, которому выпала трудная судьба: «Как я стану жить с лягушей? Век жить – не реку перебрести или не поле перейти!» [Афанасьев 1976: 359]. В этом случае, однако, печальные размышления Ивана-царевича лишь раскрывают его психологическое состояние, но не влекут за собой изменений в намерениях героя – он безропотно принимает волю отца.

Пословица «Берешься за гуж – не говори, что не дюж» встречается в сказке «Иван – вдовый сын» в эпизоде, в котором Иван по своей инициативе берется за практически невыполнимое дело – в три дня вырастить сад и собрать с него урожай яблок. Царь предупреждает добровольца: «Ну, смотри, берешься за гуж – не говори, что не дюж» [Нечаев 1958: 91]. Эта пословица – грозное предупреждение, практически угроза, ее контекстуальный смысл раскрывается как альтернатива судьбы героя: «Принесешь через три дня спелые яблоки из нового сада – про-

си чего хочешь, а обманешь – пеняй на себя: велю голову отрубить».

В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» пословица «Будет и на твоей улице праздник» произносится случайно встреченной героем старушкой в момент, когда он узнает о предательстве отца: «Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старухи» [Афанасьев 1976: 286]. Пословица выступает в функции предсказания, она несет герою утешение, внушает надежду и предваряет счастливый финал.

Таким образом, пословица, встроенная в текст народной сказки, участвует в организации следующих за ней сюжетных эпизодов в соответствии со своим содержанием.

Проведенное нами исследование показывает, что малые фольклорные жанры в русских народных сказках – это не просто вставные элементы, они тесно и разнообразно связаны с общим содержанием сказок и различным образом организуют повествование. Включенные в сказочные тексты, эти фольклорные жанры по своим содержательным и функциональным особенностям могут выступать как полярно противоположные. Пословица – подсказка, помощь, опора; загадка – испытание, проверка, опыт. Если загадка допускает намеренное нарушение логики, доходящее до абсурда, то пословица, наоборот, апеллирует к коллективному разуму и здравому смыслу. Загадка в сказках окказиональна, пословица – прецедентный текст. Однако оба жанра, будучи плодами коллективного разума, отражают душу и разум народа, бытовой и общественный уклад и многое другое.

Литература

Всемирная энциклопедия. Философия. XX век / гл. науч. ред. А.А. Грицанов. М.: АСТ, 2002

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. т.1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Митрофанова В.В. К вопросу о нарушении единства некоторых жанров фольклора. Проблемы свода русского фольклора // Русский фольклор. Т. XVII. Ленинград: Наука, 1977. С. 35–40.

Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. 512 с.

Русские народные сказки: Из сборника А.Н. Афанасьева. М.: Худож. лит-ра, 1976. – 574 с.

Русские народные сказки / Сост. А. Нечаев и Н. Рыбаков. М.: Московский рабочий, 1958. – 400с.

Тимова Н.Г. Изоморфизм и алломорфизм лингвистического абсурда в русском и английском энигматическом тексте: дис...канд. филол. наук / Татарский гос. гуманитарно-педагог. ун-т. Казань, 2010. – 260 с.

Olga M. Sergeeva

candidate of philology

associate professor of the Russian for foreigners

department of the philological faculty

Moscow State University

Moscow, Russia, barsom@bk.ru

SMALL FOLKLORE GENRES IN THE ARTISTIC SYSTEM OF RUSSIAN FAIRY TALE

In the article the artistic functions of the small folklore genres such as proverb and riddle included in the fairy tale text are discussed. The semantic features of proverbs and riddles, their plot and compositional role are revealed. The genre originality and structural features of riddles are analyzed, their typology is outlined.

Key words: Russian fairy tale, proverb, riddle, typology of riddles

Суровцева Екатерина Владимировна

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
лаборатории общей и компьютерной
лексикологии и лексикографии
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
surovceva-ekaterina@yandex.ru*

СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РАССКАЗ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЕРЕЙСКОЙ ПРОЗЫ)

В статье ставится вопрос о необходимости изучения в иностранной аудитории иерейской прозы – одного из интереснейших направлений современной русской литературы. В основном тексты данного направления написаны на современном материале, однако есть и несколько текстов, относящихся к исторической прозе. Это рассказы «Державные братья» и «Красный архиерей» вологодского священника Николая Толстикова и рассказ «Красное крещение» саратовского священника Николая Агафонова (все рассказы написаны в 2000-х годах). Наша история оценивается авторами перечисленных произведений с религиозной точки зрения, духовная высота героев напрямую связана с их верностью православию. На наш взгляд, очень важно, что анализ предложенных нами для преподавания текстов поможет учащимся лучше ознакомиться не только с русским языком, но и с русской историей.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, художественный текст в иностранной аудитории, современная русская литература, иерейская проза, лингвострановедческий комментарий, русская история.

DOI: 10.29003/m4141.WGS_XXIII/161-167

В настоящее время в рамках современной русской православной прозы активно работают священники. Некоторые критики (например, В. Каплан (см. [Каплан 2010]), Ю. Кононенко [<https://dm-jurevch-67/>]) даже заговорили о феномене иерейской прозы. По мнению критика, выделение этого направления связано отнюдь не с «профессиональной» принадлежностью авторов, но в первую очередь с их особым взглядом на жизнь: «<...> для “иерейской прозы” характерно стремление высветлить в душе героя доброе начало, которое связывает его с Богом. По-

тому-то даже чисто светский сюжет здесь всё равно подаётся в духовной перспективе» (см. [Каплан 2010]). На настоящий момент нами выявлено 26 пишущих иереев (см. [Суровцева 2008]), однако этот список не является исчерпывающим. В основном тексты данного направления написаны на современном материале, однако существуют несколько текстов, относящихся к исторической прозе. Именно их мы и рассмотрим в данной статье (отметим, что все найденные нами произведения написаны в 2000-х годах).

Начнём с рассказа вологодского священника Николая Толстикова «Державные братья» (публикацию рассказа см. в [Толстиков 2012]). В этом рассказе описаны княжеские междоусобицы конца XV–начала XVI вв. – славной и трагической эпохи нашей страны, когда клонилось к концу татаро-монгольское иго. Небольшой по объёму текст разбит на пять микроглавок. В первой из них «(В лето 1491 от Р.Х.) Сыновья» описывается арест двух малолетних княжичей – Ивана и Дмитрия. Во второй главке «(В лето 1491 от Р.Х.) Отец» речь идёт о посещении князем Андреем Угличским своего старшего брата Иоанна Васильевича и об аресте Андрея Иоанном. Третья главка «(В лето 1493 от Р.Х.) Испитая чаша» повествует об арестованном князе Андрее, которого посещает и отравляет боярин Семён Ряполовский (ведь Андрей не поторопился к Иоанну на Угру, «с Литвою вместе с Борисом ... якшался» и вполне может затеять очередную междоусобицу ради московского престола). В четвёртой главке «(В лето 1527 от Р.Х.) Страдальцы без вины» говорится о содержащихся в заключении в монастыре под Вологдой Иване и Дмитрие (речь идёт о Дмитриевом Спасо-Прилуцком монастыре близ Вологды – он в рассказе не назван), об их надеждах на то, что прибывающие в Вологду государь Василий Иоаннович и его супруга Елена вспомнят о них и освободят, о смерти Ивана (он скончался в кандалах в 1523 или в 1525 году под именем схимонаха Игнатия, позднее православная церковь причислила его к лику святых [Анишина 2009; Жития <...> 2008]). В последней, пятой, главке «(В лето 1528 от Р.Х.) Крест» рассказывается о приезде великого князя с женой в Вологду на Рождество и о скором отъезде четы, так и не вспомнившей об узниках (отметим, что кандалы с Дмитрия были сня-

ты только в 1540 году, но вскоре он умер, не позднее 1544 года, – в заточении [Богуславский 2001; Тарасов, Виноградова 2007]).

Другой рассказ Николая Толстикова «Красный архиерей» (текст рассказа см. в [<https://proza.ru>]) посвящён совсем другой эпохе нашей страны. Краткая сюжетная канва рассказа такова. Уроженец Вологды Александр Надеждинский закончил семинарию и поступил в Петербургскую духовную академию, помолвлен с девушкой по имени Серафима – дочерью настоятеля того же вологодского храма, где отец Александра служил псаломщиком. Во время одного из зимних приездов в родной город он пустил переночевать некоего человека, представившегося отставшим от обоза купеческим работником. На следующее же утро к нему в дом пришёл урядник, сообщивший, что разыскивается опасный преступник – бомбометатель, и точно описавший ночного посетителя. Александр не выдал своего гостя, однако случившееся не давало ему покоя, и он рассказал о нём на исповеди духовнику академии. Тот донёс на Александра, и его, не вникая в суть произошедшего, сразу же отчислили из академии. Одновременно с ним отчислили его однокурсника Василия Красницкого по прозвищу Революционер, дерзившего преподавателям и посещавшего тайные кружки и демонстрации рабочих. По приезде домой Александр получает «отставку» от предполагаемого тестя, не желающего иметь в зятях «смутьяна». После этого Серафима уходит в монастырь. Через некоторое время произошла революция, Александр присоединился к обновленческой церкви, принял там «постриг» в монастыре под Петербургом (слово «постриг» взято автором рассказа в кавычки – с намёком на раскол), там встретил Красовицкого, ставшего членом Высшего Церковного Управления. Он убедил Александра стать живоцерковным епископом, и уже в этом качестве Надеждинский был отправлен в родную Вологду. Его попутчиком в поезде оказался спасённый им же бомбометатель, который, приехав на место, занялся изъятием церковных ценностей, отмахиваясь от протестов Александра. Кроме того, «бомбометатель» принял участие в изнасиловании и расстреле монахинь (в их числе была и Серафима, бывшая невеста Надеждинского). Вместе с ними были расстреляны и священники, и церковный староста. Обо всём произошедшем Александр узнал от чудом

спасшегося иподиакона убитого епископа Варсафония. Это стало последней каплей – Надеждинский решил бежать к Тихону Белавину и принести покаяние, однако недалеко от Вологды его нагнал конный отряд – и его убил спасённый им когда-то бомбометатель. В рассказе, как мы видим, речь идёт, в том числе, о церковном расколе, последовавшем после революции – большевики пытались создать «обновлённую» церковь под названием Живая Церковь во главе с упомянутым в рассказе «митрополитом» Александром Введенским, – её немногочисленные (что тоже нашло отражение в рассказе) сторонники назывались живоцерковниками и обновленцами. Представители традиционной церкви, возглавляемой Тихоном Белавиным, подвергались репрессиям вплоть до физического уничтожения. В рассказе также нашёл отражение факт изъятия церковных ценностей. Революция в рассказе прямо не называется, а обозначается как «Великая Смута» и просто «Смута».

В одном ряду – и в тематическом, и жанровом плане – с «Красным архиереем» стоит рассказ саратовского священника, лауреата Патриаршей премии по литературе Николая Агафонова (1955 – 2019) «Красное крещение» (2002) (публикацию текста см. в [Агафонов 2011]). Действие произведения происходит в январе 1920 года (в тексте указывается точная дата) и повествует о том, как православный праздник Крещения, справляемый в одной из деревень (с этого и начинается рассказ), превращается в «красное крещение» для священника отца Петра Трегубова, застреленного прямо в иордани красноармейцами, прибывшими в деревню для проведения продразвёрстки. Особого анализа заслуживает эпизод, когда арестованного отца Павла заставляют публично отречься от веры под угрозой расправы с его семьёй – и он сдался и сделал всё, что от него требовали. Данная коллизия напоминает, например, рассказ А.И. Солженицына «На краях» (1995) – в одной из частей этого текста течь идёт о Павле Васильевиче Эктове, народолюбце, примкнувшем к движению под руководством А.С. Антонова, выданном чекистам и сдавшем весь антоновский штаб под угрозой расправы над женой и дочерью. Ещё одна параллель – рассказ Л.И. Бородина «Ради деток» (2008) о Семёне Кускове, который во время Великой Отечественной Войны невольно стал виновником гибели целого

партизанского отряда – попав в руки гитлеровцев, он предал вой отряд, когда штурмфюрер начал угрожать оружием его беременной жене (подробный анализ этого произведения содержится в [Сухих 2020]). При всех отличиях в сюжете и проблематике названных нами текстов мы видим общий трагический конфликт: персонаж каждого из рассказов готов пожертвовать собой, но не погубить близких им людей, и в силу этого становится невольным предателем. Перед сходкой, на которой и должно было состояться отречение, отец Пётр сидит в сарае: «Ошарашенный и подавленный отец Пётр, когда его привели в сарай, молча уселся на бревно и, обхватив голову руками, стал лихорадочно размышлять. В сознании стучали слова Христа: “Кто отречется от Меня перед людьми, от того и Я отрекусь перед Отцом Моим небесным”. “Но ведь апостол Пётр тоже трижды отрёкся от Господа, а затем раскаялся, и я, как уедут эти супостаты, покаюсь перед Богом и народом, Господь милостивый – простит и меня. А то как же я матушку с детьми оставлю, а могут и её... Нет, я не имею права распоряжаться их жизнями”». Прочитанные слова Христа приводятся в Евангелии от Матфея (глава 10, стих 33). Думается, не зря священнику автор дал то же имя, что и апостолу Петру – этот сельский батюшка отрёкся и потом не только покаялся, но и искупил свой грех мученической кончиной: он был застрелен при попытке заступиться за пономаря Степана, которого красноармейцы пытались также принудить к отречению и «перевоспитать», окуная нагишом в прорубь. В конце рассказа описана смерть Степана, за которым ухаживает жена отца Петра, и перед смертью он видит своих давно ушедших в добровольческую армию родителей и дядю архимандрита монастыря Тавриона, убитого большевиками, они все одеты в белые одежды, среди них – и отец Пётр, из чего Степан делает вывод, что он прощён Богом. Интересно также, что отец Пётр несколько раз повторяет слова апостола «Ты веси, яко люблю Тебя...», которые тот произнёс после отречения и перед тем, как Христос послал его на проповедь Своего слова (в Евангелии от Иоанна – глава 21, стихи 15 – 17 – содержится описание разговора Христа с Петром: Иисус трижды спросил своего апостола, любит ли тот его и на подтверждение любви сказал: «Паси овец Моих»). Упомянутый выше пономарь

Степан в детстве под влиянием житий мечтал о мученической кончине, о том, как он пойдёт к императору и скажет, что он тоже христианин; однако его мать объясняла, что «мученики были давно», что император сам христианин, и читала ему жития совсем иных святых – преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Теперь же, после революции, после свержения и убийства православного царя и прежней власти пришли новые правители – и мученичество за веру приняли многие верующие, как в языческом Древнем Риме (видимо, недаром уполномоченный губЧК по продразвёрстке Илья Соломонович Коган сравнивается со стервятником).

Таким образом, такие разные по тематике рассказы объединяет общий знаменатель: наша история оценивается в перечисленных произведениях с религиозной точки зрения, духовная высота героев напрямую связана с их верностью православию. На наш взгляд, очень важно, что анализ предложенных нами для преподавания текстов поможет учащимся лучше ознакомиться не только с русским языком, но и с русской историей.

Литература

Агафонов Н. Свет золотой луны: Повести. М.: Никея, 2011. – 384 с.

Анишина А.П. Игнатий // Православная энциклопедия / Под редакцией Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Т. 21. М.: Православная энциклопедия, 2009. – С. 96–103.

Богуславский В.В. Дмитрий Андреевич // Богуславский В.В. Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: В 2 т. Т. 1. 2001. – С. 352.

Жития Игнатия Вологодского, Игнатия Ломского, Герасима Вологодского и Кассиана Угличского: тексты и словоуказатель. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. – 192 с.

Каплан В. Иерейская проза: Станет ли она литературным явлением? // Фома. 2010. № 1 (81). – С. 70–73.

Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы» // <https://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (дата последнего обращения 3 декабря 2023 года).

Суровцева Е.В. Иерейская проза в контексте духовно-нравственного воспитания на уроках литературы // Духовно-нравственные и идеологические проблемы в современном обществе. Сборник статей /

Под общей редакцией Н.А. Саркаровой. Махачкала: АЛЕФ, 2020. – С. 253–260.

Сухих О.С. Трагический конфликт в рассказе Л. Бородина «Ради деток» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2. – С. 680–682.

Тарасов А.Е., Виноградова Е.А. Дмитрий Андреевич // Под редакцией Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Т. 15. М.: Православная энциклопедия, 2007. – С. 107–109.

Толстиков Н., прот. Пожинатели плодов. Избранные повести и рассказы. М.: Традиция, 2012. – 82 с.

Толстиков Н. Красный архиерей // <https://proza.ru/2017/11/03/2199> (дата последнего обращения 3 декабря 2023 года).

Ekaterina V. Surovtseva

PhD

the Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

surovtseva-ekaterina@yandex.ru

A MODERN HISTORICAL STORY IN A FOREIGN AUDIENCE (BASED ON THE MATERIAL OF THE PRIEST'S PROSE)

The article raises the question of the need to study the priest's prose in a foreign audience – one of the most interesting areas of modern Russian literature. Most of the texts in this area are written on modern material, but there are also several texts related to historical prose. These are the stories «The Sovereign Brothers» and «The Red Bishop» by Vologda priest Nikolai Tolstikov and the story «The Red Baptism» by Saratov priest Nikolai Agafonov (all the stories were written in the 2000s). Our story is evaluated by the authors of these works from a religious point of view, the spiritual height of the characters is directly related to their loyalty to Orthodoxy. In our opinion, it is very important that the analysis of the texts proposed by us for teaching will help students to become better acquainted not only with the Russian language, but also with Russian history.

Keywords: Russian as a foreign language, literary text in a foreign audience, modern Russian literature, priest's prose, linguistic and cultural commentary, Russian history.

Методика преподавания русского языка как иностранного

Кузьмина Елена Александровна
доктор филологических наук,
профессор филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
elenk2002@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВОДИДАКТИКИ: КОНЦЕПЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ФЕДОРА МАКСИМОВА (1723 г.)

Статья посвящена грамматике Федора Максимова (СПб., 1723), в которой был воплощен новый для славяно-русской грамматической традиции учебно-ориентированный подход к лингвистическому описанию. Выявлены принципы, которыми руководствовался Федор Максимов, перерабатывая в лингводидактических целях предшествующие опыты описания и кодификации церковнославянского языка.

Ключевые слова: славно-русская грамматическая традиция, церковнославянский язык, педагогическая (учебная, дидактическая) грамматика.

DOI: 10.29003/m4142.WGS_XXIII/168-180

Петровская эпоха – эпоха радикальных социокультурных преобразований – привнесла и существенные изменения в развитие славяно-русской грамматической традиции. В этот период происходит формирование нового типа грамматического описания, который мы в настоящее время называем *педагогической (учебной, обучающей, практической)* грамматикой, противопоставляя ее грамматике *научной (академической)*.

Становление учебно-ориентированного подхода связано с внедрением на государственном уровне институализованных форм получения образования. Овладение языком как «грамматикой», т.е. системой алгоритмических правил, должно основываться на формальном школьном обучении. Однако почти до начала XVIII в. достоверных данных о таком обучении нет; если оно и имело место, то охватывало лишь весьма узкий круг [см. Живов 1986: 75]. Ср.: «В Московском государствѣ училищѣ книжных розных писмен во всем том государствѣ нѣт. <...>

Изоустного учения не требуют, большого книжного учения не ищут» (фрагмент «о Московском государстве» в составе Космографии XVII в. из собрания Сергия Шелонина) (РНБ, Сол. 9/1468) (цит. по [Сапожникова 2010: 359]). Вплоть до 20-х – 30-х гг. XVIII в. грамматическая образованность, оставаясь достоянием только ученой элиты, не носила обязательного характера, распространялась крайне медленно и в ограниченной степени.

Внедрение грамматической образованности начинается в Петровскую эпоху. В соответствии с «Духовным регламентом» 1721 г., предписавшим епархиальным архиереям создавать при архиерейских домах училища для детей (мужского пола), учреждается система школьного образования [Пекарский 1862: 108–121; Владимирский-Буданов 1874: 101–103]. Обязательность включения в учебные программы этих школ славянской грамматики регламентируется специальными указами Петра I от 1723 и 1724 гг. [Флоровский 1996: 379].

Для обеспечения учебного процесса в учрежденных училищах и школах предпринимается третье издание грамматики Мелетия Смотрицкого (далее ГС), которое было подготовлено Федором Поликарповым, – «**Грамматіка**» (М., 1721). Однако представленный в этой грамматике теоретический и языковой материал оказывается непосильным для большинства учащихся, в частности, из-за того, что, будучи формально адресованной участникам учебного процесса, она по сути своей является описательной, а не практической. Грамматика Мелетия Смотрицкого не учитывает возрастные особенности учащихся, сложна по содержанию и характеру изложения, ориентирована на теорию, на представление по возможности исчерпывающего свода сведений о системе церковнославянского языка. В результате, по данным на 1724 г., из 110 учеников славенороссийской школы Нижегородской епархии «славенской грамматики выучились 5», в школе Холмогорской епархии, в которой было 59 учеников, «грамматики еще никто совершенно не изучил». В школе Семионовского монастыря в Переяславле «грамматики... обучать было некому, понеже ко оному учению при доме архиерейском учителей не обретоно» [Пекарский 1862: 116, 119–120].

Первыми с проблемой неадекватности уровня языковой и метаязыковой компетенции большинства учащихся уровню сложности грамматики Мелетия Смотрицкого сталкиваются школьные преподаватели. Одним из них был Федор Максимов, руководитель и учитель Новгородской греко-словенской школы, созданной в 1706 г. Новгородским и Великолуцким митрополитом Иовом. Биографических сведений о самом Федоре Максимове почти не сохранилось. Известно лишь, что он был учеником основателей Славяно-греко-латинской академии Иоаникия и Софрония Лихудов, которые по приглашению митрополита Иова занимались организацией учебного процесса в Новгородской греко-словенской школе. В 1718 году, после возвращения братьев Лихудов в Москву, Новгородскую школу возглавил работавший в ней преподавателем Федор Максимов. Под его руководством она стала своеобразным центром подготовки и переподготовки учителей для других училищ и школ России [Сменцовский 1899: 339].

Осознавая необходимость разработки и внедрения нового стандарта грамматического описания, Федор Максимов создает учебно-ориентированную грамматику, в которой в лингводидактических целях переосмысливает предшествующие опыты описания и кодификации церковнославянского языка, прежде всего опыт Мелетия Смотрицкого. Грамматика Федора Максимова вскоре было удостоена высокой оценки Святейшего Синода, который постановил издать ее тиражом 1200 экземпляров в Александро-Невской типографии «для общей в российском народе пользы» [Сменцовский 1899: 342] под названием «Грамматика славенская въ кратцѣ собранная въ Грекословенской школѣ, ꙗже въ великомъ Новѣ градѣ при домѣ Архіерейском» (СПб., 1723) (далее Г1723).

Необходимость нового грамматического пособия Федор Максимов объясняет тем, что «преждеизданная» грамматика Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619; 2-е изд. М., 1648; 3-е изд. М., 1721) не отвечает базовому дидактическому принципу – принципу *доступности* [Щукин 2008: 230], поскольку по содержанию и объему является слишком трудной для обучающихся:

«пространнымъ расположѣнемъ сочинѣнна, дѣтемъ же во оученіи возмнѣса бѣгти продолжителна, а разумъ и пѣматти ихъ множества ради ѡтлаготителна» (Г1723 с. 3).

Перенеся в Г1723 утвердившуюся в ГС систематику и терминологию, Федор Максимов отвергает избранную Мелетием Смотрицким стратегию грамматического описания. Он руководствуется стремлением изложить учение о книжном языке в предельно простой и ясной форме: «кз полтїю младымъ дѣтемъ» (Г1723 с. 6). Эта исходная лингводидактическая целеустановка определила параметры его грамматики, способы организации и презентации в ней теоретического и языкового материала.

Основным способом достижения *доступности* учебного материала для Федора Максимова является его сокращение: «Сїе токмѡ в сїей сокрацѣннѣй грамматїцѣ положиса, еже грамматїческаго знанїю разума нѣжнѣйшее єсть» (с. 4). «Краткости», которой будет «наслаждѣтиса... любомѣдрый читѣтель» (с. 8), он добивается за счет радикальной минимизации метаязыкового комментария. Основной объем текста Г1723 составляют системно организованные единицы языка-объекта, представленные в парадигмах, таблицах, на схемах. Федор Максимов экономит прежде всего на логических дефинициях грамматических терминов, данных Мелетием Смотрицким, заменяя их дефинициями остенсивными, состоящими в непосредственном указании на то языковое явление, к которому относится термин, но не объясняющими его, т.е. дефинициями через перечень примеров. Такие определения, имеющие «нулевую форму», получают в Г1723 все термины, обозначающие «последующие», акциденции каждой части речи в разделе «Ѡ Ѹтїмологїи». Ср.:

ГС	Г1723	
Начертанїа сѣть три:	Начертанїа сѣть, г.	
Простое: Гложенное и	Простое/ Гложное/ Пресложное/ } ѣкѡ {	
Пресложное:		слѣвный, преслѣвный, препрослѣвленный.
Простое єсть/ ѣмже		
и мѣ само ѡ себѣ вѣз		

<p>примѣшенїа сто́щее познава́ется: ѿкѡ, сла́вный: Сло́женное ѣсть/ ѿмже дво́ма рече́нма со- сто́щее ѿмà позна- ва́ется: ѿкѡ, пре- сла́вный: Пресло́женное ѣсть/ ѿмже трѣми ре- че́нми сло́женное ѿмà предлага́ется: ѿкѡ, препроста- венный (л. 31).</p>	
<p>Зало́зи гла́ сѣть пѣть: Дѣ́йст- ви́тельный: Стра- да́тельный: Сре́дній: Ѱложи́тельный: ѿ Ѱщи́й: Дѣ́йстви́тельный за- ло́гъ ѣсть/ ѿже дѣ́йство знаменѣтъ, ѿ сло́га/ сѡ, прило- же́нїемъ/ стра- да́тельный з себѣ твори́т: ѿкѡ, вїю/ творию: ѿ прѣ. Страда́тельный ѣсть/ ѿже страда́нїе знаменѣтъ/ ѿ за Ѱложе́нїемъ/ сѡ, сло́га/ дѣ́йстви́тельный выва́ется: ѿкѡ, вїюсѡ/</p>	<p style="text-align: center;">Зало́зи сѣть, ѣ.</p> <p>Дѣ́йстви́тельный вїю, творию. Страда́тельный вїюсѡ, твориюсѡ Сре́дній ѿкѡ стою, здравствѣю Ѱложи́тельный воюсѡ, ѡшалваюсѡ Ѱщи́й касаясѡ.</p> <p style="text-align: right;">(с. 34)</p>

<p>творю́са: ѿ прѣ. Срѣдній ѣсть/ ѿже нѣ дѣйство знаменѣтъ нѣ страда́нїе/ ѿ во страда́тельное не пре- лага́етса: ѿкв, стою/ здра́ствѣю/ теплѣю: ѿ прѣ. (л. 118 об.)</p>	
--	--

Реализуя ту же установку на достижение ясности и понятности, Федор Максимов *адаптирует метаязык* «приложени́емъ просты́хъ рече́ній, понѣже... славѣ́нскаа рече́нїа, русскїиски вма́лѣ размѣ́ваема» (Г1723 с. 3). «Просторѣ́чїа» (Г1723 с. 5) объясняют в Г1723 маркировано книжные церковнославянские формы: формы винительного падежа указательных местоимений, относительные местоимения *ѿже ѿже ѣже*, презентные формы второго лица с форматом *-ши*, энклитические местоимения, простые претериты и перфект со связкой, краткие причастия, согласованные по роду, числу и падежу с подлежащим, конструкция дательный самостоятельный и др.: *вїдѣхъ пти́цѣ, ѿже ѡрѣлъ ѿменѣетса. вѣѣстѣ, вїдѣхъ пти́цѣ, ко́тораа ѡрѣлъ нарица́етса* (с. 99); *ѣго́же оудержа́лъ ѣси́ себѣ. прѣстѣ: ко́тораго оудержа́лъ ты оу́ себѣ дла́ слѣженїа, ѿнѣ по́моци, ѿ по́льзы* (с. 109); *довлѣетъ ти бѣ́годати моа́. ѣ, корїн^о: ѣ. ѣ. прѣстѣ реци́: дово́лно тебѣ́ бѣ́годати моа́* (с. 113); *сѣдла́ на бра́та твоегѡ́ клеветала́ ѣси́. прѣстѣ оупотрѣвля́етса: клеветала́ сѣдѣчи* (с. 128–129); *їисѣ́ рѡждшѣса въ виѡле́емѣ ѿде́йствѣмъ. волсви ѿ востѡ́къ прїидѡша во ѿѣрлі́мъ. ма^о: ѣ. а́. Здѣ́ два дѣйства, ѿно ѣсть їиса, ѿ ѿно волхвѡвъ. прѣстѣ реци́: ка́къ їисъ въ виѡле́емѣ роди́лса, въ то́ вре́мѣ волхвы́ пришлѣ во ѿѣрлі́мъ* (с. 114); *гѣ́голи ѿже подо́ба́етъ, ѿ не оу́слѣшиши ѿже не подо́ба́етъ. прѣстѣ реци́, ве́щы ѿнѣ дѣла́, ко́торые тебѣ́*

на́довнѡ говорѣтъ, говори, ꙗ́ не оу̀слышишиꙗ́ тѣхꙗ́ вещиѣй, ꙗ́ли дѣлаꙗ́, котѡрыѣ тебѣ́ не на́довнѡ (с. 99–100) и т.п.

Толкования «просторѣчѣемъ» получают элементы не только грамматического, но и лексического уровня. Таким образом Федор Максимов истолковывает все без исключения наречия и союзы в соответствующих разделах грамматики: ѿто́лаꙗ́ – ѿ то́вѡ вре́мени (с. 66); съла̀ – ѡчнь (с. 77); е́дѡа – чѣтъ чѣтъ (с. 77); помáлꙗ́ – ти́хохо́нкѡ (с. 77); ра́ди – дла́чевѡ (с. 80); доко́лаꙗ́ – до ко́нхꙗ́ мѣстꙗ́ (с. 80); то́кмѡ, то́чию – то́лькѡ (с. 81); се́ – во́тъ во́тъ (с. 83).

Метаязык Г1723 наглядно свидетельствует о важности для Федора Максимова ключевого дидактического принципа *систематичности* и *последовательности* [Щукин 2008: 235], который проявляется, в частности, в единообразии способов сообщения знаний, а при обучении языкам – способов презентации многих языковых явлений определенного класса. Он значительно более последовательно, чем его предшественники, унифицируют модели правил и определений, а также конкретные формулы метаязыкового комментария.

Так, при описании глагольного управления Мелетий Смотрицкий оперирует весьма широким репертуаром предикатов: глаголы **прѣмлютъ** те или иные падежные формы, **возно́сѡтсѡ** к ним, им **сочиня́ю́тсѡ**, **припра́гаю́тсѡ** и даже **ра́дѡю́тсѡ**. На основе инструкций Мелетия Смотрицкого Федор Максимов формулирует собственные правила «Ѡ́ **вѣднѡмꙗ́ ꙗ́ли чинѡвноꙗ́** сочинѣ́нїи глаго́лѡвꙗ́» (с. 187–209), в которых в 49 (!) случаях использует единственную модель: V_f **йцетꙗ́** **прѣꙗ́** **совѡю** N_1 ... **по себѣ́** **же** N_{2-6} [по нѣмже N_{2-6}]. Ср.:

ГС	Г1723
Глѣ́ дѣ́йство/ ꙗ́ при́скрнꙗ́ се- вѣ́ вещь знаменѡ́щїи/ <u>Ви-</u> <u>нїте́номꙗ́</u> сочиня́ю́тсѡ. (л. 213 об.)	а́ ꙗ́ вѣ́дꙗ́ дѣ́йствїтѣлнꙗ́хꙗ́ глаго́лѡвꙗ́, <u>йцетꙗ́</u> <u>прѣꙗ́</u> <u>совѡю</u> <u>їменїтѣлнꙗ́г</u> <u>паде́жа</u> , <u>лица́</u> <u>дѣ́йствѡщагѡ</u> , <u>їже</u>

	ѣстествомъ всѣкомѣ глѣ приразумѣваетсѧ, <u>по себѣ же</u> <u>винителна</u> , лица страждѣщагѧ. (с. 187–188)
Глѣн оученїѧ, лишенїѧ/ ѡ аще кїи ѡнїи, <u>на^А винителенъ ро-</u> <u>дителномѣ радѣютсѧ</u> (л. 215).	Ѧ ѡ видѣ дѣйстви́тельныхъ, ѡ- цетъ <u>предъ собою ѡмени́телнагѧ</u> <u>дѣйствѣющагѧ</u> , <u>по себѣ же ви-</u> <u>нителнагѧ</u> ѡдѣшевлѣннагѧ страждѣщагѧ, <u>по нѣмже ро-</u> <u>дителнагѧ бездѣшнагѧ</u> . (с. 189)
Глѣн да́нїѧ/ во ³ да́нїѧ, врѣ- ченїѧ <...> <u>Дѣте́номѣ на^А Ви-</u> <u>нителе^н припра́гаютсѧ</u> : (л. 215).	Ѣ ѡ видѣ дѣйстви́тельныхъ, ѡ- цетъ <u>предъ собою ѡмени́телнагѧ</u> <u>дѣйствѣющагѧ</u> , ѡ <u>по себѣ ви-</u> <u>нителнагѧ</u> <u>страждѣщагѧ</u> , <u>по</u> <u>нѣмже дѣтелнагѧ</u> . (с. 190)

Исходя из своих представлений об оптимизации учебного процесса Федор Максимов «совершенствует» правила-инструкции, представленные в ГС. Их переработка направлена на упрощение алгоритмов образования форм, а именно на сокращение шагов в этих алгоритмах. Так, например, «составлѣнїе» формы 2 л. ед.ч. императива от презентной формы 2 л. ед.ч. в ГС предполагает два действия: (1) устранение **ѣши** (2) с последующим прибавлением **и**. Инструкция, предложенная Федором Максимовым, включает всего один шаг – устранение **ѣш**. Ср.:

ГС	Г1723
Ѡ второ́рагѧ лица на- стоѧщагѧ <u>составлѣтсѧ</u> : во Пѣрвагѧ <u>склонѣнїѧ глѣхъ/</u> <u>ѣши <...> Ѡѣмлюще: и <...></u> <u>ѡбѣчнѧ</u> <u>пронзносїмо</u> <u>прнѣмлюще</u> : (л. 173 об.–174).	Ѡ второ́рагѧ лица на- стоѧщагѧ <u>составлѣтсѧ</u> , пѣрвагѧ <u>ѣш <...> Ѡлагѣтсѧ</u> (с. 54).

Учитывая индивидуальные потребности учащихся, т.е. руководствуясь дидактическим *принципом индивидуализации* [Щукин 2008: 231], Федор Максимов зачастую отказывается от использования в качестве иллюстративного материала цитат, подобранных Мелетием Смотрицким из библейских и богослужебных текстов. Он заменяет их собственными примерами, сконструированными сообразно возрастным особенностям учеников, сфере их желаний и интересов. Ср.:

ГС	Г1723
Обличїи премудра и во ³ любви тл: [Пр. 9, 8] (л. 213 об.-л. 214)	оучитель любви оученика. (с. 187–188)
Оупиоса ѿ двилїа домѣ твоегѡ: [Пс. 35, 7] Ѿверженъ есмь ѿ лица дѣю твоєю: [Пс. 30, 23] Ѿ тѣка и мѣсти испо ^л ниса дшѣ моѡ: [Пс. 62, 6] и пр. (л. 216)	оучитель похвалѣтъ оученика, оученикъ похва- лѣтсѡ ѿ оучителя. (с. 192)

Из текста Г1723 со всей очевидностью следует, что ее автор, как и современные лингводидакты, придавал особое значение *принципу наглядности* (ср. [Щукин 2008: 233]). Федор Максимов включает в свою грамматику многочисленные видеодиаграммы: учебные рисунки, таблицы, схемы, которое в настоящее время рассматриваются как важное средство обучения, позволяющее активизировать и оптимизировать учебный процесс [Щукин 2008: 52]. Так, например, все пространственные орфографические правила, занимающие в московском издании ГС семь листов (л. 51–57), Федор Максимов заменяет одной наглядной и информативной схемой «Тѡбелнагѡ чїна» «Правильное оупотребленїе правописанїѡ», ср. рис. 1.

Правилное оупотребленіе правописаніа .

в прои́зше́ннѣи ѣдинѣу гака́тъ .	Ѣ Ѣ	твѡрець / твѡреца / твѡрѣемъ / твѡрѣѣ	пагопи́саннѣи мѡвѣи аѣа́тъ .	в нача́лѣ свѣти́и прѣшѣ поага́тъ .	ѢТИ-	
	Ѥ Ѥ	мрѡвѣемъ / мрѡвѣѣ			миръ-миръ / мврѡ	ѢТѢ-
	Ѧ Ѧ	багѣа / багѣа			вина, вѣна / сѣао /	ѢТѢО .
	Ѧ Ѧ	соаѡвѡдъ / аѡаомъ / аѡаомъ / сѣѡв, сѣѡ			сѣао / сѣаѡ / баго, багѡ	
	Ѧ Ѧ	ѡвѡвѡдъ / ѡвѡвѡдъ / ѡвѡвѡдъ / ѡвѡвѡдъ			ѡвѡвѡдъ / ѡвѡвѡдъ / ѡвѡвѡдъ / ѡвѡвѡдъ	

Как опытный методист, Федор Максимов стремится вовлечь учащихся в поисковую, познавательную деятельность, ориентирует их на самостоятельную работу: «давы ѡвѡтцѡтѣлѣ вѣдѡще читѡли, ѡ читѡюще познаваѡли, ѡ познавающе ѡвѡтцѡтѣлствовали, ѡ тѡцѡщесѡ оуѡчиѡли, ѡ оуѡчащесѡ поѡзовалисѡ» (Г1723 с. 2). Он снабжает Г1723 подробным предметным указателем «ѡвѡвлѣнѣи кнѣги сѣа по ѡвѡвѡдѣ сѡрагѡв рѡди ѡвѡвѡтѣнѣи» (с. 213–236). Ср. рис. 2.

А

Дѣла мѣстоимѣній кромѣка ; кн .
 Дѣла глаголовъ кромѣ ; лд .

М

Междометій сочиненіе . рдл .
 Мѣстскій родъ кн ; е .
 Мѣстоимѣіе что , и кромѣка съча , и
 емѣ послѣдствіемъ , и какъ первообразная
 и производная ; кз .
 Мѣстоимѣіа глаголовъ предлагасема
 спряженія рдлв какъ ; лб .
 Мѣстоимѣіа два первообразная
 вмѣстѣ производныхъ оуботрѣвасема . р .
 Мѣстоимѣіа два предлагасема върѣвасемъ
 рдлв дѣіствіа . рд .

Н

На , предлагъ какъ сочиняется ; рдл
 и рне . И знаменуетъ съвинительнымъ оубкв
 на мѣсто дѣіженіе , время , лице ,
 съ сказательнымъ же самообластіе , въ ,
 верхъ , порицаніе , и вмѣстѣ имене
 полагаются .

Надъ , предлагъ какъ сочиняется . омз .

Этот гипертекстовый элемент, дающий возможность «читать текст в направлении не от первой страницы к последующим, а от “нужной” страницы к другим “нужным”» [Мечковская 2009: 469], не только нацеливает учеников на самостоятельное закрепление приобретенных знаний, но и позволяет осознать целостность текста грамматики, а, следовательно, его замысел и идею, и тем самым способствуют активизации их лингвистической рефлексии: «любопытѣлемъ дню [т.е. грамматику] оудобнѣ возобновлѣти, и яснѣ дчесемъ пред-

СТАВЛѢТИ МѢЖЕТЪ» (с. 7). Таким образом, Г1723 предполагает воплощение в учебном процессе дидактических принципов *активности, сознательности и прочности усвоения*, предусматривающих «активную умственную работу учащихся» [Щукин 2008: 230, 235, 236].

Итак, Федор Максимов одним из первых в истории славяно-русской грамматической традиции разработал и воплотил особый стандарт и особую стратегию лингвистического описания – обучающую (педагогическую, учебную) грамматику. Многие лингводидактические принципы, получившие отражение в его труде, сохранили свою безусловную актуальность до настоящего времени и вполне созвучны современным концепциям теории и практики преподавания русского языка.

Литература

- Владимирский-Буданов М.* Государство и народное образование в России XVIII века. Ч. I. Ярославль: Тип. Г.В. Фальк, 1874. – 325 с.
- Живов В.М.* Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник: О книге: D.S. Worth. The Origins of Russian Grammar. Notes on the Russian Philology before the Advent of Printed Grammars (=UCLA Slavic Studies. Vol. 5). Columbus, 1983 // Russian Linguistics. 1986. 10. – С. 73–113.
- Мечковская Н.В.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекция по общему языкознанию. М.: Флинта: Наука, 2009. – 582 с.
- Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1862. – 578 с.
- Сапожникова О.С.* Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. – 560 с.
- Сменцовский М.* Братья Лихуды: опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1899. – 460 с.
- Флоровский Г.* Петербургский переворот // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 349–424.
- Щукин А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. – 752 с.

Elena A. Kuzminova
Doctor of Philology, Professor
Department of the Russian Language for Foreign Students
the Faculty of Philology,
Lomonosov Moscow State University
elenk2002@mail.ru

**FROM THE HISTORY OF LINGUODIDACTICS: THE CONCEPT OF
PEDAGOGICAL GRAMMAR BY FEDOR MAKSIMOV (1723)**

The paper is devoted to the grammar of Fedor Maksimov (St. Petersburg, 1723), which embodied a new educational-oriented approach to linguistic description for the Slavic-Russian grammatical tradition. The principles are defined that were used by Fedor Maksimov while processing previous experiments in the description and codification of the Church Slavonic language for linguistic and didactic purposes.

Keywords: Slavic-Russian grammatical tradition, Church Slavonic language, pedagogical (educational, didactic) grammar

Мелентьева Тамара Ильинична
*старший преподаватель Кафедры русского языка
для иностранных учащихся
естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова.
tamara1712@rambler.ru*

**ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ГРАММАТИКЕ
КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В МГУ И МГУ-ППИ)**

В статье приводятся данные о некоторых особенностях восприятия, осмысления и закрепления (запоминания) информации китайскими учащимися как представителями определённого типа культуры. Предлагается образец методического аппарата на примере изучения образования и употребления активных причастий настоящего и прошедшего времени.

Ключевые слова: тип культуры, восприятие информации, осмысление, запоминание, ассоциативный, метафорический, мышление, индуктивный, холистический, иероглифическая письменность, интуитивный, продуцирование.

DOI: 10.29003/m4143.WGS_XXIII/181-189

После подписания договора о сотрудничестве в военной области между РФ и КНР российский министр С.К. Шойгу, оценивая это сотрудничество, сказал: «Наши вооруженные силы взаимодействуют на земле, в море и воздухе...». Китайский министр Вэй Фэнхэ выразил свою оценку следующим образом: «...Китай и Россия сплочены вместе, как великая гора».

Данный пример наглядно демонстрирует различия в осмыслении происходящих событий между представителями европейской и восточной культур. Российский министр осмысливает ситуацию вербально, представитель китайской культуры ассоциативно, метафорически, используя сравнение.

Наука располагает сведениями, что большинство представителей восточных культур, носителей иероглифической письменности, обладают индуктивным, конкретно-нелинейным типом мышления. Они склонны к восприятию информации образно и целостно (холистически), не концентрируясь на деталях. Среди людей с таким типом мышления часто наблюдаются проблемы с концентрацией внимания, особенно при восприятии

вербальной информации, а также дефицит объёма вербальной памяти, что обычно компенсируются другими модальностями: ассоциативной, смысловой, зрительной памятью. Гиды-переводчики, работающие с китайскими группами, отмечают, что туристы крайне редко дослушивают их рассказ до конца, они быстро переключаются на рассматривание и фотографирование объектов.

Для носителей конкретно-нелинейного типа мышления характерен также особый тип деятельности: интуитивный подход к решению задач, активное включение непосредственно в деятельность. Все эти особенности проявляются также в когнитивной стратегии людей, относящихся к данному типу. Исследования показывают, что традиционные тренировочные упражнения, репродуктивного характера не вызывают интереса и мало эффективны при обучении данного типа людей. Они стремятся быстро переходить к самостоятельному продуцированию.

Однако китайских учащихся от представителей большинства носителей конкретно-нелинейного типа мышления отличают также некоторые национальные особенности. Так китайские студенты приучены к механическому заучиванию образцов, так как именно такой подход широко практикуется в китайских школах.

Ещё одной национальной особенностью китайцев по утверждению специалистов-китаеведов является чрезвычайный прагматизм. Опыт работы с китайскими студентами убеждает в справедливости этого утверждения – восприятие и запоминание ими предъявляемой информации, и грамматической в том числе, оказываются более эффективными, если информация предъявляется с опорой на зрительный образ, а также если изначально они узнают, в какой ситуации этот материал может быть использован в практической деятельности. В этой связи преподавателям предпочтение следует отдавать заданиям на продуцирование, привязывая их к контексту, приближенному к реальному опыту обучаемых. Запоминание грамматического материала в таком случае происходит быстрее и оказывается прочнее.

В большинстве учебных пособий для иностранных учащихся принята подача грамматического материала в следующей последовательности: вербальный комментарий, таблица, приме-

ры. Практика показывает, что в китайской аудитории более продуктивным оказывается способ подачи материала, при котором предъявление примеров употребления грамматических конструкций в речи предшествует его визуализации в форме таблиц и вербализации. Фиксация информации в памяти у них оказывается прочнее также, если происходит на основе сравнения.

При обучении иностранных студентов, как известно, серьёзные трудности вызывают сложные предложения и особенно причастные обороты. В полной мере это проявляется особенно в китайской аудитории. Специалисты объясняют это тем, что в китайском разговорном языке преобладают короткие фразы и простые грамматические формы.

Пытаясь снять эти трудности, мы предлагали при изучении причастий и причастного оборота следующую схему предъявления и закрепления материала.

На **I шаге** предлагались примеры, направленные на объяснение роли причастий в русском языке. Далее предлагалась и анализировалась таблица, после которой следовала работа по обучению образованию активных причастий настоящего времени:

В Москве я познакомился с русским студентом. Этот студент изучает китайский язык.

В Москве я познакомился с русским студентом, который изучает китайский язык.

*В Москве я познакомился с русским студентом, **изучающим** китайский язык.*

Изучать	Изучают – изучающий	Студент изучающий
Писать	Пишут – пишущий	Студентка изучающая
<i>Глагол I спряжения</i>	<i>Причастие активное, настоящего времени</i>	<i>Форма мужского рода Форма женского рода</i>

Для того, чтобы учащиеся запомнили разные суффиксы, не следует демонстрировать их в одной таблице. Зрительная память, на которую опираются учащиеся с указанным типом восприятия, лучше фиксирует образы, не осложнённые большим количеством деталей.

Кричать Говорить	Кричат – кричащий Говорят – говорящий	Кричащий ребёнок Студент, говорящий по-русски.
Глагол 2 спряжения		

Вывод о вариантах суффиксов учащиеся должны были формулировать сами после вопроса преподавателя: *Когда используется суффикс Ущ, когда суффикс Ющ, суффикс Ащ, суффикс Ящ.*

Закрепление информации в памяти – тренировочные упражнения – также следует проводить с использованием контекста, так как это позволяет подключить смысловую память. Можно предложить следующий порядок тренировочных заданий:

Упражнение 1. *Образуйте причастия от следующих глаголов: жить - ..., изучать - ..., работать - ..., покупать -...*

Большинство глаголов в данном списке – те, которые учащиеся смогут использовать при выполнении следующего упражнения.

Упражнение 2. *Измените высказывание, следуйте образцу:*
1. *Друг, который живёт в Пекине. – Друг, живущий в Пекине.*

2. *Студент, который изучает математику – ...*
3. *Молодой человек, который работает на компьютере. – ...*
4. *Люди, которые смотрят фильм. – ...*
5. *Девушка, которая учится в нашей группе. – ...*
6. ...

Упражнение 3. *Перепишите данные тексты, заменяя предложения со словом который причастным оборотом – причастие и связанные с ним слова.*

1. *Молодые люди, которые приезжают в Москву учиться, живут в студенческом общежитии. – Молодые люди, приезжающие в Москву учиться, живут в общежитии.*
2. *Студенты, которые живут в общежитии, обычно обедают в студенческой столовой. – ...*
3. ...

Чередование устных и письменных заданий в данной аудитории очень полезно. Это не только способствует запоминанию с использованием моторики, но и позволяет проконтролировать, соотносят ли студенты звук и букву. (Известно, что китайцы плохо улавливают разницу между звуками, обозначаемыми буквами ш – с, л – р, п – т, б – д, ж – з, ц – з).

Если на данном этапе материал усвоен, учащимся предлагалось устное задание – *ответить положительно или отрицательно на вопрос*, но в ответе использовать вместо придаточного предложения причастный оборот. Несложные вопросы предъявляются только устно, письменно можно предъявить только образец.

Упражнение 4: *Ответьте положительно или отрицательно. В ответе используйте причастный оборот.*

1. *Кто сейчас в компьютерном классе? Студенты, которые занимаются фонетикой?* – Да, студенты занимающиеся фонетикой.
2. *Кто взял ваш словарь? Сосед, который переводит текст?* – Да, ...
3. ...

II шаг– образование активных причастий прошедшего времени.

В Москве я познакомился с русским студентом, который изучал китайский язык раньше. (глагол несовершенного вида прошедшего времени)

*В Москве я познакомился с русским студентом, **изучавшим** китайский язык раньше.*

Изучал Писал	изучавший писавший	Студент писавший Студентка писавшая
<i>Глагол прошедшего времени, несовершенного вида.</i>	<i>Причастие прошедшего времени, несовершенного вида</i>	<i>Форма мужского рода Форма женского рода</i>

Полезно напомнить учащимся, что форму прошедшего времени имеют глаголы совершенного и несовершенного вида.

*Этот студент **уже изучил** больше тысячи иероглифов. (глагол совершенного вида)*

Изучить – изучил Написать – написал	Изучивший Написавший	Студент написавший Студентка написавшая
<i>Глагол совершенного вида</i>	<i>Причастие совершенного вида</i>	<i>Форма мужского рода Форма женского рода</i>

Предъявляя следующую таблицу, преподаватель должен обратить внимание учащихся на то, что ряд глаголов образуют форму прошедшего времени глагола без суффикса Л, а форму причастия прошедшего времени с помощью суффикса Ш. Комментируя, нужно указывать на соответствующие примеры в таблице, подключая зрительную память.

Расти	рос	росший
Беречь	берёг	берёгший
Замёрзнуть	замёрз	замёрзший
Запереть	запер	заперший

Запомните, если глагол в прошедшем времени не имеет суффикса Л, причастие прошедшего времени образуется с помощью суффикса Ш.

Это глаголы, которые в неопределённой форме имеют окончания ТИ или ЧЬ, а также глаголы с сочетанием ЕРЕ, и некоторые глаголы с суффиксом НУ.

*Отдельно следует запомнить глагол **шёл** и образованные от него с помощью приставки (пришёл, ушёл, вошёл...) – **шедший** (пришедший, ушедший, вошедший ...).*

Упражнение 5. *Определите, почему при образовании причастий от приведённых в списке глаголов использовался суффикс Ш. Впишите их в соответствующие ячейки таблицы:*

Спасти – спас – спасший, привезти – привёз – привёзший, умереть – умер – умерший, промокнуть – промок – промокнувший; окрепнуть – окреп – окрепший, ослепнуть – ослеп – ослепший, привыкнуть – привык – привыкший, зажечь – зажжёг – зажжёгший.

Упражнение 6. *Образуйте форму прошедшего времени глаголов с суффиксом Л или без суффикса и причастия прошедшего времени:*

везти - ..., кричать - ..., купить - ..., вырасти - ..., возникнуть - ...

III шаг– замена придаточного предложения причастным оборотом.

Трудности часто связаны с ситуациями, когда при замене придаточного предложения причастным оборотом необходимо изменить падежную форму причастия. Снять эти трудности можно, если заранее нацелить внимание учащихся на то, что падежные формы причастия в причастном обороте зависят от формы существительного, с которым оно согласуется.

Приводя примеры, можно попросить учащихся самих определить, от чего зависит форма причастия.

*Я пришёл к другу, **который живёт** в соседнем здании. – Я пришёл к другу, **живущему** в соседнем здании.*

*Я пришёл от друга, **который живёт** в соседнем здании. – Я пришёл от друга, **живущего** в соседнем здании.*

Упражнение 7. Измените форму причастия в соответствии с формой существительного, которое оно определяет.

Профессор, читающий / читавший лекции

Нам **представили** (кого) профессора, читающего / читавшего лекции.

Задал вопрос (кому) профессору, читающему / читавшему лекции.

Поздоровался с (с кем) профессором, читающим / читавшим лекции.

Ученик, решающий задачу / решивший задачу

Не знаю (кого)..., объяснил (кому)..., говорили о (о ком)..., познакомился с (с кем) ...

Студенты, сдающие / сдавшие экзамен

Пригласили в аудиторию студентов, сдающих экзамен.

Раздали билеты (кому)..., объявили результаты (кому)..., попросили зачётную книжку у (у кого)...

Упражнение 8. Скажите по-другому.

1. Студенты берут книги в библиотеке, которая находится на первом этаже. – Студенты берут книги в библиотеке, находящейся на первом этаже.

2. Я иду в библиотеку, которая находится на первом этаже, - Я иду в библиотеку, находящуюся на первом этаже.
3. Я встретился со студентом, который вернулся из Китая. –
4. Я поблагодарил студента, который передал мне посылку от родителей. – ...

Изучение пассивных причастий целесообразно начинать после того, как учащимися усвоена разница между активными и пассивными конструкциями.

Литература

- Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А.* Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень): в 2-х т. – Т. II. – 8-е изд., испр. – СПб.: Златоуст, 2018. – 184 с.
- Антропова М.Ю., Машкина О.А.* Новые тенденции в изучении русского языка в вузах Китая // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». Выпуск 1/2019.
- Аросева Т.Е., Рогова Л.Г., Сафьянова Н.Ф.* Научный стиль речи: технический профиль. Пособие по русскому языку для иностранных студентов. М.: Русский язык. Курсы, 2017.
- Копров В.Ю., Сушкова И.М., Фарха Е.Н.* Синтаксис русского языка для медиков и биологов. // М.: Русский язык. Курсы, 2017.
- Лариохина Н.М.* Практический курс русского языка для иностранных учащихся. Часть I, II. // М.: Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 1997.
- Машкина О.А.* Императорская экзаменационная система (Кэцзюй) и современные вступительные экзамены (Гаокао) в Китае: эволюция и трансформация .Сб. Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 16 апреля 2018 г.) // М.: Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Институт стран Азии и Африки. – М.: ТЕЗАУРУС, Языки Народов Мира, 2018, с. 349–350.
- Мелентьева Т.И.* Обучение иностранным языкам в свете функциональной асимметрии полушарий мозга. М.: URSS, 2010.

Tamara I. Melentyeva

*Senior Teacher, Department of Russian Language for students
the Faculties of Natural Sciences
Lomonosov Moscow State University*

FEATURES OF GRAMMAR TEACHING CHINESE STUDENTS

The article provides data on some features of perception, comprehension and consolidation (memorization) of information by Chinese students as representatives of a certain type of culture. A sample of the methodological apparatus is proposed using the example of studying the formation and use of active participles of the present and past tense.

Keywords: type of culture, perception of information, comprehension, memorization, associative, metaphorical, thinking, inductive, holistic, hieroglyphic writing, intuitive, production.

Одинцова Ирина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка для иностранных учащихся
филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
odintsova.irina@gmail.com

ТЕКСТООФОРМЛЯЮЩИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА В КАЧЕСТВЕ СКРЕП НАУЧНОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

В статье систематизируются средства связи, характерные для научного текста. Метатекстовые операторы научного текста – скрепы – названы в статье текстоформирующими средствами. В отличие от текстообразующих средств, выражающих коммуникативно-грамматические смыслы и их языковые реализации, текстоформирующие средства отражают мыслительную деятельность исследователя в сфере научного общения. Приводимые средства группируются в зависимости от формы речи, устной или/и письменной. В статье каталогизируются текстоформирующие средства, характерные для текста-рассуждения; интеллектуальных отношений, возникающих в сфере научного общения; выражения оценки.

Ключевые слова: научный текст, текстоформирующие средства, текст-рассуждение, интеллектуальные отношения, оценка.

DOI: 10.29003/m4144.WGS_XXIII/190-213

Научный дискурс отражает процесс познания. А законы его универсальны для всех наук. Ступени научного познания, логика человеческого мышления не могли не развиваться параллельно с языком. Следовательно, для оформления процесса познания должны существовать и существуют универсальные средства выражения. В данной статье систематизируются и классифицируются средства связи, характерные для научного текста. Здесь рассматриваются метатекстовые операторы – текстоформирующие средства, – характерные для текста типа рассуждения; интеллектуальных отношений, возникающих в сфере научного общения; выражения оценки. Овладение иностранными учащимися основными текстоформирующими средствами позволит, с одной стороны, глубже проникнуть в содержание научного текста, с другой – овладеть спецификой оформления собственного научного высказывания.

Основным типом речевого акта в сфере научного общения является сообщение – передача информации. Основу плана содержания информативного речевого акта составляют коммуникативно-грамматические смыслы. Коммуникативно-грамматические смыслы представляют собой обобщенную семантику больших полей сообщения, например: выражение наличия, отсутствия, квалификации, классификации, партитивности, квантитативности и т. д. Коммуникативно-грамматические смыслы выражаются с помощью определенных лексико-грамматических моделей. В научном стиле речи эти модели могут быть заданы списком. (см., например, сборник упражнений с лингвистическими комментариями, адресованных обучению языку специальности – лингвистики – кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [Коммуникативный синтаксис 2017]). Своеобразием научной речи является ее ярко выраженное структурирование. В плане содержания структурирование есть отражение специфики научного мышления. В плане выражения – наличие в языке устоявшийся готовых языковых средств. Эти языковые средства позволяют ориентироваться в логико-смысловой структуре научного сообщения, они маркируют его части, устанавливают отношения между ними. Если коммуникативно-грамматические смыслы и их языковые реализации можно охарактеризовать как текстообразующие элементы сообщения, то смыслы, отражающие и формирующие структуру научного мышления, и их языковые реализации следует охарактеризовать как текстоформирующие элементы научной речи. Если текстообразующие средства дискурсно свободны, то текстоформирующие – дискурсно связаны.

Задача обучения иностранных учащихся в сфере научного общения будет во многом облегчена, если в его распоряжении с самого начала работы с текстом научного стиля речи окажется максимально эксплицированная номенклатура текстоформирующих средств.

Как известно, текст – основная единица коммуникации – имеет двойственный характер. С одной стороны, он является продуктом речевой деятельности, с другой – он сам аналог процесса речевой деятельности: в нем в той или иной степени от-

ражается последовательность акта коммуникации. Овладение иностранными учащимися основными текстоформирующими средствами, таким образом, поможет учащемуся глубже проникнуть в содержание научного текста и одновременно овладеть спецификой оформления собственного научного высказывания.

Язык, как любая функциональная система, стремится к выработке таких характеристик этой системы, которые отличаются максимальной структурированностью и парадигматической воспроизводимостью. «Языковая сокровищница является неисчерпаемым запасом всяких готовых мыслей, готовых шаблонов, фраз, образов и оборотов и охотно снабжает ими своих клиентов, которые в большинстве случаев просто повторяют услышанное» [Щерба 1957: 133-134]. В результате колоссального социального опыта человеком отобраны определенные стереотипы речевого поведения и языковые средства, обслуживающие это поведение. Более всех функциональных стилей именно научный стиль речи отобрал и выработал набор устойчивых языковых средств для оформления научного высказывания. И это понятно. Язык науки прежде всего отражает процесс научного познания. А законы его во многом универсальны для всех наук. Ступени научного познания, логика человеческого мышления не могли не развиваться параллельно с языком. Следовательно, для оформления процесса познания должны существовать и существуют универсальные средства выражения. Отступление в языке науки от принятого способа изложения материала, игнорирование закреплённых, ставших универсальными, языковых средств затрудняют понимание научных фактов.

Специфика научного стиля речи, выраженная в ее связанности, была отмечена и детально исследована М.Н. Кожинной. Проблемами структурированности научной речи на материале русского языка занимались: Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова, А. Вежбицкая, Л.И. Дергун, М.Н. Кожина, М.П. Котурова, Н.М. Лариохина, Н.А. Метс, Л.В. Нефедова, В.В. Химик и др.

Так, М.Н. Кожина объясняет специфику научного стиля речи стремлением к логичности изложения. «На сверхфразовом уровне – пишет М.Н. Кожина, – идет процесс совершенствования выражения связности речи: четкости оформления средствами языка синтаксических отношений, выражающих логику

мысли. Это обнаруживается не только в общем возрастании средств связи между предложениями и абзацами и их разнообразии, но и в том, что в научных текстах... все шире и шире используются именно логические связующие средства» [Кожина 1979: 26]. М.Н. Кожиной и другими авторами, занимающимися проблемами связанности научной речи, выделяются, например, такие связующие средства, как лексические повторы; семантические повторы; вводные слова (которые в научном стиле речи в отличие от, например, художественного текста, указывают только на отношения между высказываниями); союзы; наречия и наречные сочетания; местоимение «это», которое употребляется с существительными и без них; личные местоимения (субституты); специальные «конструкции связи» (М.П. Котюрова), обычно выражающие дистантные связи, а также сочетания нескольких средств связи в одном предложении – «цепочка связи» (М.Н. Кожина) и т.д. Все эти особенности позволили М.П. Котюровой выделить в русском языке функционально-семантическую категорию «связности» [Котюрова 1974: 16; Котюрова 1977].

В данной статье рассматриваются только «конструкции связи» (М.П. Котюрова) или в иной терминологии – «скрепы» (Л.И. Дергун), «предельные синтагматические единицы» (С.Г. Богатырева), «метатекстовые операторы» (А. Вежбицка). В статье эти средства связи названы текстоформирующими средствами. Текстоформирующие средства отражают специфику изложения научного материала, они помогают извлечь необходимую информацию, настроиться на восприятие авторской мысли, сформировать «метатекстовые нити», которые «могут сшивать текст о предмете в тесно спаянное целое, высокой степени связности» [Вежбицка 1978: 402]. Они могут выполнять самые различные функции: «Они проясняют “семантический узор” основного текста, соединяют различные его «элементы, усиливают, скрепляют...» [Там же: 421]. Одновременно текстоформирующие средства являют собой модель, по которой можно строить собственное научное высказывание.

Мы попытались описать и классифицировать 3 типа текстоформирующих элементов: текстоформирующие средства, характеризующие сообщение типа рассуждения, интеллектуаль-

ные отношения и оценку. Внутри каждого типа была сделана попытка распределить и сгруппировать текстоформирующие средства по характеру интенций, которые они обслуживают.

Тектоформирующие средства, свойственные сообщению, в некоторой степени описаны в лингвистической литературе (см., например, диссертацию Л.И. Дергун [Дергун 1984]), работы коллектива авторов кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ «Пособие по обучению монологической речи студентов-филологов» под редакцией А.В. Величко [Величко, Лебедева, Юдина 1988], «Русский язык в текстах о филологии: пособие для иностранных учащихся» [Величко, Юдина 2008], где приводятся связочные средства, характерные для построения статьи, аннотации, реферата и рецензии). Однако текстоформирующие средства, свойственные тексту типа рассуждения или вообще не рассматриваются, или описываются очень фрагментарно. В практических же целях, в целях преподавания русского языка как иностранного, возникает необходимость детальной классификации языковых средств, участвующих в построении научного рассуждения. Поскольку список интенций и их языковых реализаций служит обучающим целям, представляется целесообразным расположить материал в последовательности, максимально отражающей построение текста типа рассуждения. Как известно, этот тип текста является аргументирующим. Он отражает логико-коммуникативный процесс, служащий обоснованию авторской точки зрения – доказательству, опровержению, подтверждению, объяснению, интерпретации, определению и т.д. Аргументация, с одной стороны, это сложный многоуровневый дискурс, регулирующийся определенными логическими нормами, с другой – речевая коммуникативная деятельность. Владение навыками построения аргументирующего текста поможет учащемуся быстрее и глубже понимать письменные и устные научные тексты, а также создавать свои научные произведения.

Интеллектуальные отношения, возникающие в сфере научного общения, в лингвистической литературе описаны недостаточно. Однако и здесь существуют готовые формы, которые призваны обслуживать определенное речевое поведение. Владение некоторым набором языковых средств, характерным для

научного диалога, дискуссии, помогут иностранному учащемуся овладеть этикетом научного общения.

Нам показалось целесообразным выделить средства, оформляющие оценку, как отдельный тип текстоформирующих элементов. Обычно языковые средства, передающие оценку, описываются в ряду других текстоформирующих элементов. На наш взгляд, языковые средства, формирующие функционально-семантическое поле модальности, релевантное для научного стиля речи, – явление совершенно иного порядка, нежели сообщение и интеллектуальные отношения. Языковые средства, обозначающие оценку, способны наслаиваться на основное содержание текста, а также модифицировать значение текстоформирующих элементов, характерных прежде всего для сообщения.

I. Сообщение. Интенции и их речевые реализации, характерные для текста типа рассуждения – письменного и устного

1. Формулирование темы

Устная речь	<p>Наше выступление (наш доклад) посвящено (посвящен) теме «...», проблеме <i>чего</i> / рассмотрению <i>чего</i> Тема нашего выступления (доклада) «...» Темой нашего выступления (доклада) является рассмотрение <i>чего</i> В нашем выступлении (докладе) мы рассмотрим <i>что</i>, остановимся <i>на чем</i>, затронем проблему <i>чего</i> В нашем выступлении (докладе) мы хотели бы рассмотреть <i>что</i>, остановиться <i>на чем</i>, затронуть проблему <i>чего</i></p>
-------------	---

2. Формулирование целей и задач

письменная речь	Цель (задача) статьи (исследования) – показать, рассмотреть, доказать, выявить, определить, охарактеризовать, проанализировать <i>что</i> Целью(задачей) статьи является рассмотрение, анализ, выявление <i>чего</i>
устная речь	Цель (задача) выступления (доклада) – показать, рассмотреть, доказать, выявить, определить, охарактеризовать, проанализировать <i>что</i> Целью (задачей) выступления (доклада) является рассмотрение <i>чего</i>

3. Констатация общепринятых, известных в науке теориях, фактах, как отправное движение рассуждения

письменная и устная речь	Известно, общеизвестно, всем известно, что... Как известно, ... Замечено, что... Хорошо известен тот факт, что... Общепринято считать, что... Последние исследования в этой области показали, что... В исследованиях (работах), посвященных этой теме, было установлено, что... В ряде исследований (работ), посвященных этой теме, было установлено, доказано, что...
--------------------------	---

4. Констатация нескольких точек зрения на обсуждаемую проблему

письменная и устная речь	Существует несколько точек зрения на данную проблему... По этому вопросу существуют разногласия...
--------------------------	---

	<p>В этом вопросе нет единства... Нет однозначного понимания данной проблемы... Это положение вызывает споры... Одни исследователи (ученые) считают, полагают, что... Другие исследователи (ученые) считают, полагают, что... Согласно мнению одних ученых,.. Согласно мнению других ученых,.. Так, ряд ученых считает, полагает, что... Однако существует иная (другая) точка зрения (<i>на что?</i>)... Однако существует иной (другой) взгляд (<i>на что?</i>)...</p>
--	---

5. Выражение согласия/несогласия с имеющимися точками зрения (см. в разделе «Интеллектуальные отношения»)

6. Введение предмета рассмотрения – исходного тезиса

6.1. Введение предмета рассмотрения как реального факта

Письменная и устная речь	Рассмотрим, покажем, выясним, установим, докажем, проанализируем <i>что</i> , остановимся <i>на чем</i>
--------------------------	---

6.2. Введение предмета рассмотрения как гипотетической реальности

Письменная и устная речь	Допустим, что... Предположим, что... Если допустить, что... Представим, что...
--------------------------	---

7. Аргументирование – доказательство или опровержение исходного тезиса

7.1. Начало процесса аргументирования

письменная и устная речь	С самого начала следует, отметить, показать, подчеркнуть <i>что</i> , обратить внимание <i>на что</i>
--------------------------	---

устная речь	<p>С самого начала представляется важным (необходимым) отметить, показать, подчеркнуть <i>что</i>, обратить внимание <i>на что</i></p> <p>В начале мы остановимся <i>на чем</i>, рассмотрим <i>что</i></p> <p>В начале нам хотелось бы остановиться <i>на чем</i></p> <p>Начнем с того, что рассмотрим, покажем <i>что</i></p>
-------------	--

7.2. Переход к изложению новых аргументов

письменная речь	<p>Ниже (далее, теперь) остановимся <i>на чем</i>, рассмотрим, покажем <i>что?</i>, перейдем к <i>чему?</i>, обратимся к <i>чему</i></p>
устная речь	<p>Теперь (далее) остановимся <i>на чем</i>, рассмотрим, покажем <i>что</i>, перейдем к <i>чему</i>, обратимся к <i>чему</i></p>

7.3. Отсылка к изложенным аргументам

письменная речь	<p>Выше уже отмечалось, подчеркивалось (было отмечено, подчеркнуто), что...</p> <p>Как уже отмечалось, подчеркивалось (было отмечено, подчеркнуто) выше, ...</p>
устная речь	<p>Ранее уже отмечалось, подчеркивалось (было отмечено, подчеркнуто), что...</p> <p>Как уже отмечалось, говорилось, подчеркивалось (было отмечено, сказано, подчеркнуто) ранее...</p>

7.4. Логический вывод в аргументации

письменная и устная речь	Итак, ... Таким образом, ... Следовательно, ... Из этого следует, вытекает, понятно, что... Из сказанного следует, вытекает, понятно, что... На основании сказанного... На основании того, что было сказано, ... В силу того, что было сказано, ... В связи с тем, что было сказано, ...
письменная речь	Из сказанного выше следует, что... На основании сказанного выше, в силу сказанного выше, в связи со сказанным выше...

7.5. Сопоставление одного аргумента с другим

письменная и устная речь	С одной стороны, ... С другой стороны, ... С одной стороны,.. С другой – ... Но... Однако... Зато... Тем не менее... В отличие <i>от чего</i> Наряду <i>с чем</i> Напротив...
--------------------------	---

7.6. Установление порядка следования аргументов

письменная речь и устная речь	Во-первых,.. во-вторых,.. в-третьих,.. Во-первых,.. во-вторых,.. и наконец... Первое, на чем следует остановиться,.. что необходимо отметить, подчеркнуть... – второе... третье...
-------------------------------	--

7.7. Внесение добавлений в аргументацию

письменная и устная речь	Кроме того,.. Помимо того... Следует добавить, что...
устная речь	Добавим, что... Внесем некоторые добавления... В добавление скажем, заметим <i>что?</i> , остановимся на чем Сделаем еще одно важное замечание...

7.8. Внесение пояснений в аргументацию

письменная и устная речь	А именно... То есть... Поясим... Иначе говоря,.. Иными (другими) словами,..
--------------------------	---

7.9. Внесение уточнений в аргументацию

письменная и устная речь	Вернее... Точнее... Точнее говоря,.. Если выразиться точнее, то... Имеется в виду то, что...
устная речь	Мы имеем в виду то, что... Что мы имеем в виду? Я хочу уточнить...

7.10. Логическое выделение необходимой информации при аргументации

письменная и устная речь	Главное,.. Главное, на что надо обратить внимание,.. Прежде всего, ... В первую очередь, ... Специально... В особенности, ...
--------------------------	--

	В частности, ... Следует подчеркнуть, выделить <i>что?</i> , остановиться на <i>чем</i>
устная речь	Подчеркнем, заметим, выделим <i>что</i> Дело в том, что...

7.11. Введение примеров, цитат как особого рода аргументации

Письменная и устная речь	Например, ... К примеру, ... Приведем (следующий) пример, цитату <i>откуда</i> В подтверждение (сказанного) приведем пример, цитату <i>откуда</i> Для примера приведем цитату... (Типичным, ярким) примером этого служит... Проиллюстрируем это на примере. Это (положение) может быть проиллюстрировано (следующим) примером. Нетрудно это проиллюстрировать цитатой, примером. Для доказательства приведем ряд примеров. В качестве примера приведем высказывание <i>кого</i> , строчку <i>откуда</i> / <i>из чего</i>
устная речь	Приведу (приведем) пример. В подтверждение (сказанного) приведу (приведем) пример. Проиллюстрирую (проиллюстрируем) это на примере. 2–3 примера убедят вас в этом (в том, что...)

7.12 Указание на источник информации как вид аргументации

а) указание на конкретный источник информации

Письменная и устная речь	По мнению <i>кого</i> , ... По словам <i>кого</i> , ... По наблюдениям <i>кого</i> , ... Как пишет, считает, полагает <i>кто</i> Согласно точке зрения <i>кого</i> , ... Согласно существующему мнению, ... Существует мнение, согласно которому... Некоторые исследователи (ученые...) считают, полагают, утверждают, что... По меткому выражению <i>кого</i> , ...
--------------------------	--

б) указание на неконкретный источник информации

Письменная и устная речь	Согласно представлениям того времени,.. Согласно учению <i>кого</i> , ... Согласно мнению <i>кого</i> , ... Согласно бытующему мнению,..
--------------------------	---

7.13. Ссылка при аргументации на примеры и цитаты как источник информации

Письменная и устная речь	Как видно из (приведенных, приводимых) примеров, цитат... Анализ примеров показывает, подтверждает, убеждает, доказывает... Приведенные примеры показывают, подтверждают, доказывают... Так, из следующего примера, высказывания, (следующей) цитаты понятно, ясно, что...
--------------------------	---

7.14. Отношение к способу передачи мысли при аргументации

устная речь	Строго говоря, ... Собственно говоря, ... Если можно так выразиться, ...
-------------	--

7.15. Указание на то, что аргументация подходит к концу

письменная и устная речь	Наконец, ... В конце я бы хотел... Мне бы хотелось... И, наконец, еще одно замечание (один вопрос, одна проблема).
устная речь	В конце мне хочется (хотелось бы) сказать, подчеркнуть, заметить, выделить...

7.16 Указание на итог, вывод, обобщение

письменная и устная речь	Итак, ... Таким образом, ... Подводя итог сказанному, ... Итак, можно сделать вывод, заключить, с полным основанием считать, утверждать, что... Обобщая, отметим, что... Обобщая сказанное, сделаем вывод. На основании сказанного можно заключить, сделать вывод, что...
письменная речь	Из сказанного выше можно, следует сделать вывод. На основании сказанного выше можно, следует сделать вывод. Выводом из вышесказанного является <i>что?</i>
устная речь	Из сказанного ранее следует, можно сделать вывод, заключить, что... На основании сказанного ранее

	<p>можно сделать вывод, заключить, что...</p> <p>Итак, сделаем вывод, подведем итог(и)...</p> <p>Итак, мы можем сделать вывод, подвести итог...</p>
--	---

II. Оценка. Интенции и их речевые реализации в письменной и устной речи

1. Выражение уверенности

1.1. Выражение абсолютной уверенности

<p>письменная и устная речь</p>	<p>Ясно (совершенно ясно), что...</p> <p>Понятно (вполне понятно), что...</p> <p>Очевидно (совершенно очевидно), что...</p> <p>Бесспорно, что...</p> <p>Безусловно, что...</p> <p>Конечно, что...</p> <p>Действительно, что...</p> <p>Без сомнения, что...</p> <p>Не приходится сомневаться <i>в чем</i></p> <p>Нет сомнений <i>в чем</i></p> <p>Представляется очевидным, что... (тот факт, что...)</p> <p>Есть все основания считать, что...</p>
<p>устная речь</p>	<p>Мы совершенно (абсолютно) убеждены, уверены <i>в чем</i> ...</p> <p>Я совершенно (абсолютно) убежден, уверен <i>в чем</i> ...</p> <p>Нам (мне) совершенно ясно, очевидно, понятно, что...</p> <p>Для нас (меня) совершенно ясно, очевидно, понятно, что...</p> <p>Для нас (меня) представляется совершенно очевидным то, что... (тот факт, что...)</p> <p>У нас (меня) есть все основания считать, что...</p>

1.2. Выражение сомнения

письменная и устная речь	Наверное... По-видимому... Может быть, что... Вероятно, что... Возможно, что... Не совсем (вполне) ясно, понятно, что... Мало (вполне, весьма) вероятно, что... По всей вероятности, ... Это вызывает сомнения. Вызывает сомнения тот факт, что... Нет полной уверенности <i>в чем...</i>
устная речь	Мы думаем (я думаю), что... Мы полагаем (я полагаю), что... Нам (мне) кажется, что... Для нас (меня) не совсем ясно (понятно), что... Нам (мне) не совсем ясно (понятно), что... Мы не совсем уверены (убеждены) <i>в чем ...</i>

2. Выражение возможности/невозможности

письменная и устная речь	Можно... Нельзя не согласиться <i>с чем ...</i> Невозможно... Нельзя...
устная речь	Мы можем (я могу) согласиться <i>с чем ...</i> Мы не можем (я не могу) согласиться <i>с чем ...</i>

3. Выражение необходимости/отсутствия необходимости

письменная и устная речь	Надо... Необходимо...
--------------------------	--------------------------

	<p>Следует...</p> <p>Целесообразно...</p> <p>Имеет смысл ...</p> <p>Вряд ли надо, необходимо, следует, целесообразно, имеет смысл...</p> <p>Нет необходимости...</p> <p>Нет никаких оснований...</p>
устная речь	<p>Мне надо, необходимо, следует...</p> <p>Нет смысла...</p> <p>Вряд ли мне надо, необходимо, следует, имеет смысл...</p> <p>Мне не надо, не следует, не имеет смысла...</p>

4. Выражение важности/неважности

письменная и устная речь	<p>Важно, что...</p> <p>Представляется важным...</p>
устная речь	<p>Мне важно, что...</p> <p>Мне представляется важным, что...</p>

5. Выражение трудности/нетрудности

письменная и устная речь	<p>Трудно...</p> <p>Представляется трудным...</p> <p>Не трудно...</p> <p>Не представляется трудным...</p> <p>Легко...</p>
устная речь	<p>Мне трудно, представляется трудным, не трудно, легко...</p>

6. Выражение неожиданности полученных результатов

письменная и устная речь	<p>Оказалось, что...</p> <p>Оказывается, что...</p> <p>Как оказалось,..</p> <p>Как выяснилось,..</p> <p>Этот вывод (это замечание) оказался неожиданным.</p>
--------------------------	--

II. Интеллектуальные отношения. Интенции и их речевые реализации в письменной и устной речи

1. Выражение согласия/несогласия

1.1. Полное согласие

письменная и устная речь	Правы те ученые, которые считают... С этим нельзя не согласиться... Мы полностью разделяем точку зрения автора. Мы полностью согласны с теми учеными, которые... Такое понимание проблемы представляется правомерным...
устная речь	Я (совершенно, полностью) согласен с вами, с этим... Я полностью разделяю вашу (эту) точку зрения... Вы совершенно правы. Действительно, ... Действительно, это так. Я уверен, убежден, что это так. Да, конечно, разумеется, безусловно совершенно верно. Да, я тоже так думаю... (думаю, что это так). Моя точка зрения полностью совпадает с мнением <i>кого</i> Хочу поддержать мнение <i>кого?</i> Мне близка позиция, точка зрения <i>кого</i>

1.2. Частичное согласие

письменная и устная речь	Не всегда можно согласиться с мнением <i>кого</i> В ряде случаев наша точка зрения совпадает с мнением <i>кого</i> С этим можно согласиться при ус-
--------------------------	---

	ловии, если... С этим можно согласиться, но с условием, что... С этим можно согласиться, хотя...
устная речь	Я не совсем согласен с вами (с этим). Вы правы, но... Вы правы, хотя... Вы правы, однако...

1.3. Несогласие

письменная и устная речь	Нельзя согласиться с мнением <i>кого</i> Нам представляется (кажется), что автор не прав (ошибается).
устная речь	Я думаю иначе. Я так не думаю. Я думаю, что это не так. Не могу согласиться с вами (с этим). Я с этим полностью (совершенно) не согласен. У меня другое мнение. Я придерживаюсь иной (другой) точки зрения. Я придерживаюсь противоположного (другого) мнения... Вы ошибаетесь.

2. Выражение возражения

письменная и устная речь	Вызывает возражение... В целом мы разделяем точку зрения автора, однако... но... хотя... Такой взгляд <i>на что</i> вызывает возражения.
устная речь	Мне хотелось бы возразить. Я хочу возразить. У меня есть возражения по поводу <i>чего</i> ...

	У меня вызывает возражения <i>что...</i> Вы правы, но... хотя... однако...
--	--

3. Выяснение точки зрения

3.1. Выражение своей точки зрения

письменная и устная речь	Как нам представляется... Представляется, что... Как нам кажется, ... На наш взгляд, ... С нашей точки зрения, ...
устная речь	По-моему, ... По моему мнению, ... Я думаю, полагаю, считаю, что... Мне кажется, представляется, что... На мой взгляд,.. Позвольте мне возразить.

3.2. Запрос точки зрения собеседника

устная речь	(А) как вы считаете? Как вы думаете? Каково ваше мнение? Что вы об этом думаете? Что вы думаете по этому поводу? Вы разделяете эту точку зрения? Интересно услышать ваше мнение, (вашу точку зрения). Скажите, а как вы понимаете эту проблему?
-------------	--

4. Вопрос с целью уточнить, пояснить точку зрения

устная речь	Вы не могли бы уточнить (пояс- нить), что вы имеете в виду? Уточните (поясните), что вы хоте- ли сказать ...
-------------	---

	Что вы имеете в виду? Повторите, пожалуйста, еще раз.
--	--

5. Просьба разрешить выступить, задать вопрос

устная речь	Разрешите (позвольте) (мне) выступить. Разрешите (позвольте) (мне) сказать несколько слов. Разрешите (позвольте) (мне) сказать несколько слов по этому поводу. Разрешите (мне) задать вопрос.
-------------	--

6. Самокоррекция

устная речь	Я имею в виду <i>что?</i> .. Я хотел бы сказать <i>что?</i> .. Я не совсем точно выразился. Разрешите (мне) пояснить (уточнить), что я имею в виду.
-------------	--

7. Апелляция к знания, памяти собеседника

устная речь	Как вы помните (понимаете, догадываетесь), ... Как вы знаете, ...
-------------	--

8. Просьба об изменении темы

устная речь	(Давайте) перейдем к рассмотрению (следующей) проблемы. Давайте рассмотрим проблему. Постараемся ответить на вопрос (вопросы).
-------------	--

9. Просьба о коррекции способа передачи мысли

устная речь	Помедленнее (погромче), пожалуйста, ... Будьте добры, не так быстро...
-------------	---

	Чуть медленнее, пожалуйста, ...
--	---------------------------------

10. Инициирование речи собеседника

устная речь	<p>Я вас внимательно слушаю. То, о чем вы говорите, очень интересно. Хотелось бы узнать (услышать), что вы думаете. Интересно бы узнать (услышать), что вы думаете по этому поводу. Что вы еще можете сказать по этому поводу? Кто еще хочет выступить (высказаться)? А что вы думаете об этом (по этому поводу)?</p>
-------------	---

11. Прерывание собеседника

устная речь	<p>Извините,.. Разрешите вас прервать. Извините, я хотел бы добавить. Прошу прощения, но мне кажется, что... Извините, что я перебиваю вас, но... Простите. можно задать вопрос (спросить)?</p>
-------------	--

12. Установление контакта с собеседником с целью привлечь его внимание

устная речь	<p>Прошу вас... Согласитесь, что... Обратите внимание <i>на что</i> ... Имейте в виду, что... Как вы думаете? Как вы считаете? Не совсем вас понял...</p>
-------------	---

	Повторите еще раз... Вы считаете, что + (перифразирование) Как я вас понял + (перифразирование)
--	---

Литература

- Вежбицка А.* Метатекст в тексте. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: 1978. Вып. VIII. – С. 403–425.
- Величко А.В., Лебедева Н.В., Юдина Л.П.* Пособие по обучению монологической речи студентов-филологов. М.: изд МГУ. 1988. – 154 с.
- Величко А.В., Юдина Л.П.* Русский язык в текстах о филологии: пособие для иностранных учащихся / М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 256 с.
- Дергун Л.И.* Обучение студентов-филологов национальных отделений университетов воспроизведению научного текста на занятиях по практическому курсу русского языка. АКД, Уфа. 1984.
- Кожина М.Н.* О некоторых вопросах диахронической стилистики. В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М.: 1979. – 309 с.
- Коммуникативный синтаксис русского языка: Учебное пособие для иностранных магистрантов-лингвистов / Под ред. О.К. Грековой, Л.В. Красильниковой, И.В. Одинцовой.* М.: МАКС Пресс, 2017. 2-е изд., испр. и доп. – 336 с.
- Котюрова М.П.* Лингвистическое выражение связности в научном стиле (сравнительно с художественным). АКД. Саратов, 1974. – 16 с.
- Котюрова М.П.* О понятии связности и средствах ее выражения в русской научной речи. В кн.: Язык и стиль научной литературы. Теоретические и прикладные проблемы. М.: Наука. 1977. – С. 139–160.
- Щерба Л.В.* Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку). В кн.: Избранные труды по русскому языку. Учпедгиз. 1957. – 188 с.

Irina V. Odintsova
PhD, Associate Professor
Department of the Russian Language for Foreign Students
the Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
odintsova.irina@gmail.com

**TEXT-FORMING LANGUAGE MEANS AS BRACES OF A SCIENTIFIC
TEXT IN THE ASPECT OF LINGUODIDACTICS**

The article systematizes the means of communication characteristic of a scientific text. Metatextual operators of the scientific text - braces - are called text-forming means in the article. Unlike text-forming means expressing communicative-grammatical meanings and their linguistic realizations, text-forming means reflect the mental activity of a researcher in the field of scientific communication. The given means are grouped depending on the form of speech, oral and / and written. The article catalogs the text-forming means that are characteristic of the reasoning text; intellectual relations arising in the field of scientific communication; evaluation expressions.

Key words: scientific text, text-forming means, reasoning text, intellectual relations, evaluation

Теория и практика межкультурной коммуникации и лингвокультурология

Елистратов Владимир Станиславович

доктор культурологии

профессор кафедры региональных исследований

факультета иностранных языков и регионоведения

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия

vse.slova@mail.ru

РУССКАЯ «РЕЧЕВАЯ РИЗОМА»: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Современная информационно-цифровая эпоха требует верификации классических взглядов на соотношение языка и речи. Отчасти этому может способствовать постмодернистская концепция ризомы. Современная русская речь имеет ризомные тенденции на различных уровнях. Их описание возможно при условии введения в активный обиход термина «речевая личность» как антиномии термина «языковая личность».

Ключевые слова: ризома, языковая личность, речевая личность, деиерархизация, терминоид, контагиозный, антиномия.

DOI: 10.29003/m4145.WGS_XXIII/214-220

Очень популярный, говоря бытовым языком, «раскрученный», в современном постмодернистском дискурсе термин «ризома», предложенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари еще в середине 70-ых гг. прошлого века [Делез, Гваттари 2007], на наш взгляд, не является собственно термином.

Мы уже предлагали в наших работах ранее такие «смыслообозначения», как «терминоид» и «терминафора» («термин» + «метафора») (см. [Елистратов 2022, 2023]). В современном гуманитарном знании слова типа *ризомы*, претендующие на терминологичность, стали вполне обыденным явлением. Вряд ли их нужно «инвективно» снабжать приставками «квази» или «псевдо». Выразимся максимально афористично: метафора – разведчица будущего. Поэтому «терминафоры» нам нужны именно как инструмент некой «сциентической разведки».

Основная идея, предлагаемая в данной статье, заключается в следующем.

Современная русская речь находится на такой стадии ее эволюции, когда в ней активнейшим образом нарастают именно т.н. ризоматические тенденции.

Что такое «ризома» согласно концепции постмодернистских «гуру»?

Ризома – это грибница, корневище (но не дерева!). В отличие от древесно-корневой системы в ней практически отсутствуют жесткие причинно-следственные связи и иерархические отношения. Системные отношения в ней разрушаются, четкие классификации невозможны. Если доводить всю эту постмодернистскую агонию до логического предела, то ризома есть путь к энтропийному апокалипсису (или апокалиптической энтропии). В сущности, Интернет – это и есть Глобальная Ризома современного мира.

Понимая, что «слухи о ризомном апокалипсисе несколько преувеличены», мы не можем, тем не менее, не отметить, что все обозначенные в постмодернистской теории ризомы тенденции, действительно, в известных пределах характерны для современной русской речи, понимаемой в классическом структуралистском смысле как максимально широкой реализации системы языка.

Прежде всего: в условиях информационно-цифровой эпохи современная речь типологически становится всё более близкой к Интернету. Общую стратегию трансформации речи в современных условиях можно обозначить как «ускоренную вирусизацию», или «мемизацию».

Речевая единица, попадая в ризомно-информационное пространство, ведет себя именно подобно вирусу. Свободно и непредсказуемо перемещаясь по грибнице, оно «заражает» максимальное пространство, мультиплицируясь в бесконечном количестве своих «лингвокультурологических аватар». При этом чем больше мультипликация, тем меньше энергия воздействия, образно говоря, «опасность вируса», его контагиозность.

Данная тенденция была замечена лингвистами еще в XIX веке, например, Н.В. Крушевским. Здесь, вопреки

философской максиме, количество не переходит в качество. Наоборот, «речевой вирус» ослабевает, теряет силу по мере расширения своего распространения. Приведем примеры, хорошо известные русистам.

«Контагиозная мода» на предложный падеж (*утверждать о том, что; понять о том, что* и т.п.), если проследить эту тенденцию в официальных государственных СМИ (а это как бы сухой остаток общего «тренда»), держится около 3–4 лет. В настоящий момент она постепенно теряет актуальность.

Примерно за тот же срок структурно исчерпал себя «речевой вирус» *от слова: этого не будет от слова «никогда»; он идиот от слова «полный»; мне это не нравится от слова «совсем», я хочу есть от слова «очень»* и т.п. По сути дела, элемент *от слова* здесь превратился в некую усилительную прокладку между главным и зависимым словом, имеющую бесконечный репертуар реализаций, что превращает его в общее место, в «топос-пустышку», полностью утративший свой риторический запал.

В том же «риторико-вирусологическом» ключе можно рассматривать и массу других тропов, фигур, периодов и т.п. в современной речи (*по той простой причине, что; я хочу сказать только одно; полемически-ироническое это другое* и т.д.).

Мы видим, что «речевая ризома» ускоряет процесс размножения таких «клонов» и одновременно сокращает их жизненную силу и, соответственно, время их жизни. В этом смысле феномен т.н. мема весьма показателен. Крылатые слова из книг и кинофильмов жили по несколько десятков лет, время жизни мема исчисляется днями, в лучшем случае – неделями.

Далее: «пафос» ризомы – расшатывание иерархии, перевод фиксированно-вертикальных отношений в подвижно-горизонтальные. Не случайно ризомный проект прокламировался его создателями как «номадологический». Любой элемент в ризоме – кочевник, «семантический бомж», некто, попавший в заведомо безвыходный лабиринт.

В современной речи, действительно, предельно расшатаны и лингвистические, и социолингвистические, и стилистические иерархии.

Оговоримся: никто не ставит под сомнение «твердыню» русского кодифицированного литературного языка, но речь словно бы не считается с языком, язык живет по своим законам, а «реализация речи» – по своим.

Если говорить о чисто лингвистическом аспекте, то можно отметить в качестве весьма показательного следующий момент. «Космос» частеречной принадлежности и синтаксической организации текста в «речевой ризоме» имеет тенденцию переходить в «хаос» того, что мы часто называем словами-паразитами. Знаменательные части речи в этот процесс, судя по всему, пока вовлечены лишь отчасти, но незнаменательные – вполне.

Нам «посчастливилось» зафиксировать в коридорах МГУ следующий речевой «перл» (знаки препинания тут расставлять бессмысленно): *Ну короче на самом деле по ходу чисто как бы да или соответственно не але?* Выяснилось, что девушка хотела узнать, придет ли к ней подруга сегодня в гости или нет.

В данном речевом артефакте присутствует целый ряд языковых единиц, которые в иных контекстах могли бы иметь свою частеречную и синтаксическую «прописку». Но здесь мы видим чистый «семантический слив» в деиерархизированную зону слов-паразитов.

Аналогичная картина наблюдается в социолингвистической и стилистической областях. В современных условиях жаргон (сленг), просторечие, разговорная речь превращаются в слишком активно сообщающиеся сосуды, чтобы их можно было конструктивно разграничить. Такое их взаимодействие существовало всегда, но сейчас сама констатация факта того или иного разграничения не успевает за динамикой устаревания этих констатаций. Антиномия нормы и употребления, сопровождавшая развитие языка на всех исторических этапах, в контексте цифровой ризомы требует качественно нового осмысления.

В ситуации, когда традиционно считавшиеся грубопросторечными слова на «ж» или на «г» становятся неотъемлемым атрибутом официальных каналов (например, в речи В. Соловьева), необходимо искать принципиально новые подходы во взаимодействии языка и речи, нормы и узуса.

В качестве рабочей гипотезы можно предложить следующий тезис. Помимо тех антиномий, которые традиционно формулировались советскими и российскими лингвистами в качестве ключевых для понимания и описания развития языка, в современных условиях «информационно-цифровой диктатуры» целесообразно говорить о принципиальной антиномии «языковой личности» (прежде всего в наиболее актуальной на данный момент версии Ю.Н. Караулова (см. [Караулов 2014]) и «речевой личности».

Речевая личность является своего рода «мембраной личностно-языкового ядра». Ее роль резко увеличивается в условиях нарастания энтропийных тенденций в информационно-цифровом формате бытования национального языка. «Речевая личность», во многом асимметричная и антиномичная «языковой личности», становится, таким образом, одним из ключевых объектов описания современной лингвистики.

Еще в конце 60-ых годов прошлого века были выделены основные антиномии языка и общества. Это прежде всего антиномии говорящего и слушающего, узуса и возможностей системы, кода и текста, означаемого и означающего, информативности и экспрессивности.

По всей видимости, информационная эпоха вносит свои коррективы в глобальную систему антиномий. Детальное исследование этой системы – дело будущего. Но ее общие контуры постепенно вырисовываются, прежде всего, потому что выросло первое «чистое» интернет-поколение, воспитанное преимущественно в режиме цифровой «речевой ризомы».

Мы можем говорить об антиномии языковой личности (ЯЛ) и речевой личности (РЛ), которые обладают своими репертуарами когнитивных способностей. Например, ЯЛ характеризуется более долговременной памятью, РЛ – памятью т.н. оперативной (по сути речь идет об интенсивной кратковременной памяти, о клиповости мышления). ЯЛ ориентируется на системность, которая составляет ядро ЯЛ, то есть ЯЛ системна и центростремительна. РЛ имеет более полевое строение, она ризомна, то есть если бы у ризомы был центр, то ее можно было бы назвать центростремительной.

Если говорить о видах речевой деятельности, то РЛ имеет значительно более слабые внутренние «мембраны» между ними, скажем, между письмом и говорением. У РЛ видеоряд (пиктодискурс), становится неотъемлемой частью речевой деятельности.

В целом, несколько сгущая краски, можно охарактеризовать РЛ как более шизоидную, ЯЛ – как паранойяльную. Без всякой оценочности, просто как констатация факта.

Все эти тенденции необходимо более интенсивно фиксировать и обобщать в рамках психо- и социолингвистики. Данная экспертиза необходима в конечном счете для ведения разумной языковой политики.

Литература

Делез Ж., Гваттари Ф. Антиэдип: Капитализм и шизофрения. М.: У-Фактория, 2007.

Елистратов В.С. Термины и терминоиды в современном архитектурном дискурсе // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ. Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. М.: МАРХИ, 2022. – С. 739.

Елистратов В.С. Наследие постмодернизма в современном архитектурном дискурсе // 2023. Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ (секция: История и теория). М.: МАРХИ, 2023. – С. 370-372.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Либрокон, 2014.

Vladimir S. Elistratov
Doctor of Culturology, Professor
the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia
vse.slova@mail.ru

RUSSIAN «SPEECH RHIZOME»: CURRENT TRENDS

The modern information and digital age requires verification of classical views on the relationship between language and speech. In part, the postmodern concept of the rhizome may contribute to this. Modern Russian speech has rhizome tendencies at various levels. Their description is possible provided that the term «speech personality» is introduced into active use as an antinomy of the term "language personality".

Keywords: rhizome, linguistic personality, speech personality, de-hierarchization, terminoid, contagious, antinomy.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	3
К 95-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ Л.П. ЮДИНОЙ	4
<i>Величко А.В., Красильникова Л.В.</i> Всегда среди первых!	
К 95-летию Л.П. Юдиной	4
К 95-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ М.В. ВСЕВОЛОДОВОЙ.....	9
<i>Величко А.В.</i> Вклад М.В. Всеволодовой в становление и развитие дисциплины «Теория и практика преподавания русского языка как иностранного»	9
<i>Красильникова Л.В.</i> М.В. Всеволодова как словообразователь	15
ОПИСАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ	23
<i>Вереитинова М.М.</i> Терминологическая лексика в системе обучения русскому языку китайских студентов медико-биологического профиля (на примере терминологии подъязыка офтальмологии).....	23
<i>Ганджибекова Г.С.</i> Особенности употребления обращений-антропонимов в русском речевом этикете	30
<i>Гун Мин, Полищук Е.В.</i> Фреймовое представление концептуальных значений лексической единицы в иностранной аудитории (на примере лексемы цветообозначения «черный» в русских СМИ).....	44
<i>Евграфова А.Е.</i> К вопросу о языковой норме и её вариативности	52
<i>Коростелева А.А.</i> О функциональной нагрузке русских коммуникативных средств в письменной рекламе (в аспекте РКИ).....	59
<i>Сапунова А.В.</i> Вхождение лексемы <i>группа</i> со значением коллектива в лексико-семантические группы.....	73
<i>Сапунова А.В.</i> <i>Вань Цзыи</i> Синтагматические связи лексемы <i>группа</i> (ЛСГ ‘рабочая группа’ и ‘учебная группа’).....	81

<i>Сергеева О.М.</i> Лексико-семантическое поле «ум»: лингводидактический потенциал и пути его реализации на уроках русского языка для иностранцев	92
<i>Серова Е.С.</i> Ассоциативное поле «КРАСНЫЙ» в русском и китайском языковом сознании. Статья 2: Результаты ассоциативного эксперимента	101
<i>Чжао Хао</i> Лексико-семантическое поле «смех» как фрагмент русской языковой картины мира	115
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	121
<i>Евтихиева А.С.</i> Образ Вия в славянском фольклоре и литературе	121
<i>Жукова А.А., Потёмкина Е.В.</i> Колобок и Лиса: русские архетипы в рэп-тексте	136
<i>Сергеева О.М.</i> Малые фольклорные жанры в художественной системе русской народной сказки	150
<i>Суровцева Е.В.</i> Современный исторический рассказ в иностранной аудитории (на материале иерейской прозы).....	161
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	168
<i>Кузьмина Е.А.</i> Из истории лингводидактики: концепция педагогической грамматики Федора Максимова (1723 г.)	168
<i>Мелентьева Т.И.</i> Особенности обучения грамматике китайских студентов (из опыта работы в МГУ и МГУ-ППИ)	181
<i>Одинцова И.В.</i> Текстформирующие языковые средства в качестве скреп научного текста в аспекте лингводидактики	190
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	214
<i>Елистратов В.С.</i> Русская «речевая ризома»: современные тенденции	214

Reviewers:

Irina A. Starovoitova – Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Russian Language for Foreign Students
of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University;

Tatiana E. Vladimirova – Doctor of Philology, Associate Professor,
Senior Lecturer at the Department of Russian Language
at the Institute of Russian Language of RUDN University

Word. Grammar. Speech: Collection of scientific and methodological articles on the teaching of Russian as a foreign language / Executive editor E.A. Ilyushin; comp. E.V. Potemkina. – Moscow: MAKS Press, 2024. – 224 p. (Issue XXIII)

ISBN 978-5-317-07177-6

https://doi.org/10.29003/m4124.WGS_XXIII

The next, XXIII, issue of the collection “Word. Grammar. Speech” is devoted to issues relevant to the theory and practice of teaching Russian as a foreign language. The articles of the collection consider the description and presentation of various aspects of grammar and vocabulary in a foreign audience, the methodology of teaching, the interpretation of a literary text, issues of linguoculturology and regional studies.

The collection is intended for Russian philologists, Russian and foreign students, postgraduates, teachers of Russian as a foreign language.

Key words: theory of language in the aspect of teaching Russian as a foreign language, interlingual comparisons, methods of teaching Russian as a foreign language, interpretation of a literary text, communicative analysis of sounding speech in the aspect of teaching Russian as a foreign language.

Научное издание

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ

Выпуск XXIII

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Главный редактор *Е.А. Илюшин*

Составитель *Е.В. Потемкина*

Компьютерная верстка: *Е.В. Потемкина*

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Подписано в печать 26.04.2024 г.

Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 14,0.

Тираж 200 (1-50) экз. Заказ 063.

Отпечатано с готового оригинал-макета

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,

МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.

Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н